

Константин Казенин

ЭЛЕМЕНТЫ КАВКАЗА

**ЗЕМЛЯ,
ВЛАСТЬ
И ИДЕОЛОГИЯ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ
РЕСПУБЛИКАХ**

REGNUM

Москва
2012

УДК 323(470.6)
ББК 66.3(235.7)
К 14

Константин Казенин.

К 14 Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 176 с.

В книге собраны очерки, посвященные разным сторонам жизни современного Северного Кавказа. В центре внимания — земельные конфликты в северокавказских регионах, формирование там местного самоуправления, конкуренция российских законов и альтернативных правовых систем, «войны» исторической памяти и т. д. Автор стремится показать, что именно из таких малых слагаемых складывается сегодня реальная картина Северного Кавказа. Очерки основаны на исследованиях, проведенных в северокавказских регионах в 2010–2011 гг.

ISBN 978-5-91887-018-1

УДК 323(470.6)
ББК 66.3(235.7)

ISBN 978-5-91887-018-1

© К. И. Казенин, 2012
© А. А. Колеров, рисунок на обложке
© Ю. Б. Коряков, карты, 2012
© А. А. Ярлыкапов, послесловие, 2012
© REGNUM, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Очерк первый. ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РАВНИННОГО ДАГЕСТАНА	9
1. Введение	9
2. Переселенцы с гор в XX веке: куда и как	14
3. «Свои среди чужих»: равнинные села, не входящие в равнинные районы	24
3.1. Муниципальный статус и его последствия	24
3.2. Этнический состав и миграция	28
3.3. Земля и сельское хозяйство.....	30
3.4. Жилье.....	35
3.5. Учеба и медицина	39
3.6. Работа.....	41
3.7. Отношения с равнинным районом.....	42
3.8. Конфликты вокруг отгонных земель и их внеправовое урегулирование	46
3.9. Отгонные земли: варианты будущего	49
4. Новые граждане равнины: горцы в селах равнинных районов	52
4.1. «Жертвы двойной депортации»	52
4.2. «Новые соседи»: многонациональные поселения равнинных районов	66
5. Дагестанская равнина и политика.....	74
6. Выводы	78

Очерк второй. КАВКАЗСКИЙ СТЫК. НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ГОРЦЕВ И КАЗАКОВ.....	81
1. Карачаево-Черкесская Республика: формирование и основные вехи истории (справка)	82
2. Районы совместного проживания карачаевцев и русских: общая характеристика.....	85
3. Механика совместного проживания	90
3.1. Расселение	90
3.2. Земля, сельское хозяйство.....	93
3.3. Местное самоуправление и отношение к нему	101
3.4. Школа и молодежь	102
3.5. Религия	103
3.6. Работа и миграция.....	104
4. Риски	106
 Очерк третий. НОВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ: ЧЕМУ ПОМОГЛИ И ЧЕМ ГРОЗЯТ?.....	108
1. Создание национальных районов в Карачаево-Черкесии в 2000-е гг.	108
2. Ногайский район: история возникновения.....	114
3. Ногайский район: первые итоги	120
4. Ногайский район: территориальный спор	127
5. Выводы	132
 Очерк четвертый. «ВОЙНЫ ИСТОРИКОВ» НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ	134
1. Введение: почему историк на Северном Кавказе — «больше, чем историк»?	134
2. Современная историческая наука на Северо-Западном Кавказе: научные учреждения и «расклад сил»	138
3. Основные предметы споров.....	142
3.1. Споры о роли Кабарды до окончания Кавказской войны	143
3.2. Споры о земельном переустройстве после Кавказской войны	163
3.3. Споры об образовании национальных автономий в 1920-е гг.....	166
4. Выводы	173
 <i>Ахмет Ярлыкапов. Вместо послесловия .....</i>	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северный Кавказ давно и прочно стал частью всероссийской «повестки дня». Уже трудно представить себе обсуждение общеполитических проблем сегодняшней России, которое никак не касалось бы таких вопросов, как религиозный экстремизм в республиках Северного Кавказа, бюджетные дотации этим республикам и взаимоотношения федерального центра с их лидерами, миграция коренных жителей северокавказских регионов в другие части России. Полемика вокруг этих вопросов, публичные и непубличные действия тех, кто имеет отношение к данному кругу проблем, — совокупность всего этого можно условно назвать «политическим Кавказом».

Все очерки, вошедшие в эту книгу, посвящены сегодняшним кавказским реалиям и в значительной степени кавказской политике, но не «политическому Кавказу» в указанном смысле. Те стороны жизни Северного Кавказа, которые стали значимой составляющей российской политики, не должны заслонять собой другие, менее открытые для посторонних глаз сюжеты, разворачивающиеся в этой части России. Современные земельные конфликты в северокавказских регионах, формирование местного самоуправления, конкуренция российских законов и альтернативных правовых систем, идеологические споры в среде интеллигенции и т. д. — информацию обо всем этом с трудом можно найти в источниках, доступных сегодня федеральной

аудитории. Между тем именно из таких малых слагаемых складывается реальная картина Северного Кавказа, и ими нельзя пренебречь, прогнозируя общее развитие ситуации на этой территории.

Конфликты за ресурсы (земельные, водные, позднее — административные, бюджетные и т. д.) между значимыми по размеру группами населения — это один из основных «нервов» истории и современной жизни Северного Кавказа. Причина очевидна, ведь речь идет о достаточно небольшой территории с большой плотностью населения и огромным разнообразием этносов и религиозных течений. При этом за последние два столетия регионы Северного Кавказа не раз проходили через слом системы регулирования самых насущных сторон общественной жизни («исламская революция» имама Шамиля на северо-восточном Кавказе; Кавказская война и утверждение российской администрации; Октябрьская революция, создание национальных автономий и последующая коллективизация; депортации народов при Сталине; распад советской экономики в 1990-е гг.). Каждый такой слом создавал новые противоречия, лишь отчасти «снимая» старые. Многие противоречия сохраняются сейчас как в хозяйственной, так и в политической жизни северокавказских республик.

Говоря о конфликтных узлах современного Северного Кавказа, важно учитывать, что конфликт в этом регионе — это вовсе не обязательно силовое столкновение. Более того, конфликт может не подразумевать наличия противоборствующих групп населения. Конфликтный узел на сегодняшнем Кавказе чаще всего представляет собой противоречие между системой отношений, сложившихся в экономике или в политике, и частью общества, недовольной этой системой. Кавказская специфика при этом может обрамлять такие противоречия в самые разные формы, затрагивая этническую, религиозную и другие сферы.

Данная книга не претендует на полноту охвата подобных явлений. Выбраны в основном те проблемные точки Северного Кавказа, которые имеют отношение к повседневной реальной жизни людей и исследование которых невозможно без «полевых» методов.

Первый очерк посвящен дагестанской равнине — территории, этнический состав которой менее чем за сто лет до неузнаваемости поменялся вследствие миграции населения с гор. Очерк главным образом основан на интервью с местными жителями, собранных автором в не-

скольких районах равнинного Дагестана. Внимание в нем уделяется в первую очередь так называемым «землям отгонного животноводства», нестандартный правовой статус которых создал совершенно особый уклад жизни и особые риски, а в начале XXI в. обрел и политическое звучание.

Два следующих очерка посвящены Карачаево-Черкесии, республике, которую иногда называют «западнокавказским Дагестаном» из-за сложной этнической структуры и разнообразия хозяйственных систем на разных ее территориях. Второй очерк рассказывает о ситуации на юго-западе республики, где в сельской местности совместно проживают карачаевцы и русские. Принципы сосуществования двух общин — основная тема полевых интервью, собранных нами в этой части Карачаево-Черкесии и легших в основу второго очерка. Третий очерк, на примере сформированного в 2006 году Ногайского района Карачаево-Черкесии, оценивает опыт формирования на Северном Кавказе так называемых «национальных» муниципальных образований.

Заключительный, четвертый очерк книги — единственная ее часть, не основанная на полевых данных. Он посвящен идеологическим конфликтам, сохраняющимся в среде северокавказской интеллигенции. В качестве примера рассматриваются «войны историков» — характерная черта сегодняшней интеллектуальной жизни северо-западного Кавказа.

Все очерки посвящены современному состоянию проблем, о которых в них идет речь. Приводимые в них исторические данные носят справочный характер. Регулярно цитируются фрагменты интервью, собранных в ходе полевых исследований. Цитаты из таких интервью выделены курсивом. Для наглядности первые три очерка снабжены картами. Статистические данные о народонаселении основаны на результатах Всероссийской переписи населения 2010 г. в случае, если соответствующие результаты этой переписи уже опубликованы; в прочих случаях используются результаты переписи 2002 г. (в частности, по ней дается информация о национальном составе населения отдельных муниципальных образований).

Эта книга никогда бы не появилась, если бы не помощь друзей и коллег, обсуждавших со мной описываемые здесь явления, помогавших в сборе материала, высказывавших замечания к ее более ран-

ним вариантам. За разнообразную помощь, критику и поддержку я хотел бы поблагодарить Ирину Бабич, Владимира Бобровникова, Антона Иванова, Мурата Каракетова, Энвера Кисриева, Модеста Колерова, Наиму Нефляшеву, Дениса Соколова, Самира Хотко, Максима Шевченко, Ахмета Ярлыкапова, а также:

– в Дагестане: Магомеда Абдурашидова, Магомед-Расула Ибрагимова, Расула Кадиева, Абсалтина Мурзаева, Расула Муталова, Михаила Чернышова, Марко Шахбанова;

– в Кабардино-Балкарии: Суфьяна Жемухова, Бузжигита Кучмезова, Анзора Кушхабиева, Асхата Мечиева;

– в Карачаево-Черкесии: Али Асланова, Хасана Болурова, Марию Булгарову, Андрея Гудимова, Мурата Гукемухова, Мухамеда Джамакулова, Татьяну Козыреву, Наталью и Евгения Кратовых, Бориса Урусова, Рашида Хатуева.

Фрагменты книги легли в основу докладов автора на семинаре в Институте этнологии и антропологии РАН в декабре 2011 г. и на ряде «круглых столов» Рабочей группы по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Северном Кавказе Общественной палаты РФ. Замечания, высказанные к докладом, также помогли в работе над книгой.

Уверен, что у многих вышеперечисленных, особенно у коллег с Кавказа, те или иные положения, содержащиеся в предлагаемых очерках, вызовут несогласие. Поэтому чрезвычайно важно подчеркнуть, что всю ответственность за достоверность фактов и адекватность выводов, содержащихся в книге, несет только автор.

Очерк первый. ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РАВНИННОГО ДАГЕСТАНА

1. ВВЕДЕНИЕ

Данный очерк посвящен одной из самых проблемных в плане межэтнических отношений зон Северного Кавказа – сельским поселениям дагестанской равнины. В XX в. дагестанская равнина была территорией практически непрерывной миграции населения. Основное направление миграции – с гор на равнину. Все районы и города дагестанской равнины многонациональны по составу населения, причем их сегодняшний национальный состав в результате миграций весьма существенно отличается от того, который был, например, перед Великой Отечественной войной или даже в 1960-е гг. Некоторые миграционные потоки не прекратились и по сей день. Привычная для большей части Дагестана система компактного проживания разных этнических общин в XX в. была в значительной мере сломана. Результатом миграции стала сложная этническая мозаика, таящая в себе массу неразрешенных проблем и конфликтных узлов.

Есть несколько причин, по которым мониторинг ситуации именно в сельской части равнинного Дагестана важен для оценки и прогнози-

рования общей ситуации в этом регионе. Эти причины, на наш взгляд, состоят в следующем:

1. Значительную часть земель на дагестанской равнине составляют **земли отгонного животноводства**, использование которых регулируется специальным республиканским законом. По данным правительства Дагестана, опубликованным в январе 2008 г., общая площадь земель отгонного животноводства на тот момент составляла 1 579,2 тыс. га, в том числе земель, предоставленных горным хозяйствам на равнине (так называемых «зимних пастбищ»), — 1 214,3 тыс. га. Земли отгонного животноводства на равнине предоставлены всем горным районам Дагестана. На этих землях находится более ста сел, где проживает горское население. Система отгонного животноводства в том виде, как она реализована в Дагестане, создает значительные трудности как для переселенцев с гор, так и для коренных жителей равнины. Горское население на отгонных землях не имеет такого юридического статуса, который создавал бы условия для нормальной жизни. В большинстве случаев дома жителей отгонных земель не имеют никакой официальной регистрации. Сами села «отгонников» либо относятся к горным районам, нередко находящимся за сотни километров от них, либо вообще не имеют никакого легального статуса, то есть официально «не существуют». С другой стороны, появление системы отгонного животноводства влияло на распределение земель на равнине, а это затрагивало и интересы коренных ее жителей. Поэтому отгонное животноводство — один из «генераторов» напряженности в Дагестане.

2. Ситуация вокруг равнинных земель, на которых живут горцы, прежде всего земель отгонного животноводства, такова, что в изменении (или, наоборот, сохранении) имеющихся там правил игры заинтересованы многие влиятельные в республике силы, в том числе — главы горных и равнинных районов. Нередко это люди, входящие в значимые на республиканском уровне экономико-политические группы, так что **положение горцев на равнине может стать катализатором серьезных политических конфликтов в Дагестане**, регионе и без того весьма нестабильном.

3. Запутанность многих земельных вопросов на равнине и проблемы, с которыми сталкиваются республиканская власть и местное самоуправление при выработке подходов к их решению, в ряде случаев

приводят к появлению «параллельной правовой системы», то есть таких механизмов регулирования земельных вопросов, которые не связаны с государственными институтами. Ниже мы приведем примеры, подтверждающие существование таких механизмов.

4. Любое обсуждение сегодняшних проблем дагестанской равнины неминуемо переплетается с **исторической памятью ее народов**. И переселенцы с гор, и автохтоны равнины, осмысляя свое сегодняшнее положение в многонациональной среде, апеллируют к памяти о прошлом. Рядовые жители достаточно четко осознают, что сегодняшнее расселение на равнине — это результат решений, волюнтаристских и в ряде случаев преступных, принимавшихся во времена СССР. И здесь у разных народов разные «счеты», которые они готовы предъявить — правда, не друг другу, а прежде всего государственной власти. Например, путь многих горских общин на дагестанскую равнину проходил через нынешнюю Чеченскую Республику — в 1944 г., после депортации чеченцев, целые дагестанские села насильственно переселили на земли расформированной Чечено-Ингушской АССР, чтобы поддерживать там сельское хозяйство. А после возвращения чеченцев из ссылки в 1957 г. этим же дагестанцам пришлось переселяться вновь — уже на дагестанскую равнину. Коренные жители равнины вспоминают сегодня о 1957 г. как о времени, когда их отцы уступили горцам часть своих земель, а иногда и пустили в свои дома. Для переселенцев же переезд на дагестанскую равнину ассоциируется не столько с гостеприимством местных жителей, сколько с непростой историей собственной «одиссеи», которую пришлось преодолеть из-за менявшейся национальной политики советского государства. То есть две группы населения по-разному ставят акценты в истории тех событий, которые привели к сегодняшнему расселению народов на дагестанской равнине. Обсуждение современных, насущных вопросов совместного проживания оказывается «обременено» рефлексией на исторические темы.

К перечисленным обстоятельствам можно добавить и то, что проблемы сельских равнинных территорий Дагестана актуальны не только для их жителей. В результате переселения горцев на равнину совершенно стандартной стала ситуация, когда близкие родственники оказались раскиданы по разным частям республики: например, один

из братьев остался в горах, второй живет в равнинном селе, а третий — в городе. В условиях регулярного общения и взаимной поддержки родственников (что типично для Дагестана) получается, что происходящее в равнинных селах известно большому числу дагестанцев, там не проживающих, и актуально для них.

«Факторы риска», перечисленные выше, так или иначе связаны с этнической проблематикой. В этой связи представляется важным оговорить, что роль межнациональных отношений в сегодняшнем Дагестане в целом нередко преувеличивается как журналистами, так и исследователями — особенно на фоне исламского фактора, роль которого в регионе постоянно растет. В частности, преувеличением представляется распространенный тезис о том, что именно межэтнические отношения являются основой борьбы за власть в этой республике. Достаточно сказать, что предпринятая в середине 2000-х гг. реформа республиканского законодательства, исключившая из него механизм национального квотирования при выборах депутатов, прошла гладко, и голоса за возвращение старой системы выборов звучат очень редко. Популярные в прессе выкладки о национальном распределении различных чиновничьих постов разбиваются многочисленными свидетельствами о том, что реальными инициаторами протестов против «смены национальности» чиновника в той или иной должности выступают вовсе не национальные активисты, а представители бизнес-групп (чаще всего многонациональных), которым новое назначение невыгодно вовсе не из-за национальности назначенца. Также в СМИ Дагестана регулярно появляется информация о непростых, порой весьма конфликтных отношениях между чиновниками и бизнесменами одной и той же национальности.

Тем не менее именно сельская равнина — эта та зона сегодняшнего Дагестана, где этнический фактор имеет большее значение, чем в других частях республики. Дело в том, что переселенцы с гор, оказавшиеся в сельской местности, сохранили свои общинные связи. Выходцы из одного горного села стремятся поселиться на равнине компактно. Однако переселение неминуемо означает обретение новых соседей, а взаимоотношения между соседями не могут устояться в одночасье. Поэтому ситуация на дагестанской равнине важна для предупреждения рисков в межобщинных и межэтнических отношениях сегодняшне-

го Дагестана, в конечном итоге — для предупреждения рисков дальнейшей дестабилизации в этом регионе.

В настоящее время ситуация на дагестанской равнине привлекает все больше внимания экспертов как в Дагестане, так и за его пределами. Идет поиск экономических и юридических механизмов решения имеющихся там проблем. Ниже, на основании полевых данных, собранных нами в 2010–2011 гг., мы охарактеризуем основные конфликтные узлы, имеющиеся на сельской равнинной территории Дагестана, и обсудим подходы к преодолению этих конфликтов. Основной вывод, который мы попытаемся защитить, будет состоять в том, что любой радикальный способ разрешения имеющихся противоречий — в частности, изменение состава или границ муниципальных районов, изменение республиканского законодательства о земле и т. п. — может привести к достаточно серьезному противодействию и, скорее, усугубит ситуацию, чем исправит ее. Оставлять «как есть» — опасно, но выход можно искать лишь в конкретных «малых шагах» по исправлению положения в отдельных селах или ареалах дагестанской равнины, а не в глобальном изменении сложившейся там системы отношений.

Очерк построен следующим образом. В разделе 2 дается краткий исторический экскурс о процессе переселения горцев на равнину. Раздел 3 посвящен современной ситуации на землях отгонного животноводства, во многом специфичной. Раздел 4 представляет ситуацию на равнинных землях, не являющихся отгонными. Раздел 5 содержит описание политического резонанса, который приобретает или может приобрести ситуация, сложившаяся на сельских равнинных территориях Дагестана.

Курсивом выделены цитаты из интервью с жителями дагестанской равнины, собранных автором в ходе полевой работы в 2010–2011 гг. Имея целью обозначить общие проблемы, существующие на дагестанской равнине, а не заострить внимание на их частных проявлениях, и учитывая этические правила сбора полевой информации, в ряде случаев мы не указываем конкретные муниципальные образования, где проводились интервью.

2. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ С ГОР В XX ВЕКЕ: КУДА И КАК

Нынешняя этническая картина дагестанской равнины — результат многоэтапного переселения дагестанцев с гор, которое началось вскоре после Октябрьской революции и разными темпами шло до конца XX в. Первоначально инициатива переселения исходила от партийного руководства Дагестана, которое видело в переселении на равнину способ снять напряженность, регулярно возникавшую в горах по причине малоземелья. Как показал Ю. Ю. Карпов, подробно описавший основные стадии миграции горцев, первые планы переселения жителей гор на равнину принимались решениями Совнаркома Дагестанской АССР еще в 1920-е гг., а прекратилось организованное государством переселение в конце 1970-х—первой половине 1980-х гг.¹ К концу эпохи СССР у большинства горских народов Дагестана в местах их традиционного проживания в горах было зарегистрировано не более 60% от их общей численности, а у некоторых народов — даже менее 30%². Отдельной страницей в истории переселений стало перемещение по постановлению Совнаркома СССР от 9 марта 1944 г. горских хозяйств на земли, освобожденные после депортации чеченцев, которая состоялась по решению Государственного комитета обороны СССР 23 февраля того же года. Общее число переселенцев с гор на равнину и в предгорья за советское время разные исследователи оценивают в интервале от 150 до 300 тысяч человек³.

Переселения могли быть как плановыми, то есть организованными государством, так и стихийными. В одном и том же населенном пункте на равнине могли совместно селиться как «плановые», так и «неплановые» переселенцы. В послевоенное время необходимость планового переселения горцев на равнину была прописана в постановлении Со-

вета министров СССР от 10 марта 1951 г. «О мерах по подъему сельского хозяйства в Дагестанской АССР». Во исполнение этого постановления пленум республиканского обкома ВКП(б) поручил Министерству сельского хозяйства Дагестана планировать перемещение на равнину горских сел и колхозов⁴. Затем Совет министров Дагестана принимал решения по конкретным переселениям. Что же касается стихийных переселений, то, по данным А. И. Османова, в 1984 г. в документах Дагестанского обкома партии упоминалось о 106 населенных пунктах на равнине, построенных переселенцами без утвержденных проектов планировки и застройки. Определить численное соотношение «плановых» и «неплановых» переселенцев в советское время не представляется возможным, потому что достоверная статистика по «неплановым» отсутствует.

Плановое переселение, как вспоминают теперь его участники, нередко носило почти принудительный характер.

Глава горского села на территории Бабаюртовского района:

— Людей направляли по разнарядке, никто не хотел ехать. Потому что малярия, плохая вода — пить невозможно. Заставляли. Трудовые книжки, паспорта — ничего не выдавалось, пока ты не переехал. В разные учреждения посылали с гор на 2–3 месяца, обязаловка. Аттестаты в школе не выдавались, пока там не отработаешь. И постепенно, постепенно оседать начал народ, все время приезжать-уезжать не получается. Построили животноводческий комплекс, и постепенно образовалось село — несколько домов для специалистов, механизаторов и т. д.

Особенно много воспоминаний сохранилось о фактически насильственных методах переселения, применявшихся, когда целые села в полном составе переселяли на земли, где до депортации жили чеченцы⁵. Однако в целом назвать переселение с гор подневольным, разумеется, нельзя. Часто к небольшому участку земли, выданному решением Совмина Дагестанской АССР на равнине горному селу,

¹ См. Ю. Ю. Карпов. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Ю. Ю. Карпов (сост.). Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб: Петербургское востоковедение, 2010. С. 402–447.

² См. М.-Р. А. Ибрагимов. Этнодемографическая ситуация в Дагестане в последней трети XX—начале XXI века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 34. 2009. С. 48–56.

³ См. А. И. Османов. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX века). Махачкала. 2010; П. М. Полян. Население и системы расселения горных районов СССР // Горные территории: рациональное природопользование, хозяйственное освоение и расселение. М., 1988.

⁴ См. Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX—начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2011. С. 115 сл.

⁵ См., например, подборку воспоминаний кумыков, переселенных из пригородов Махачкалы на земли чеченцев: Ю. Алиев, А. Гаджиев. Беспамятство смерти подобно. Махачкала, 2010.

перемещались, по плану или самовольно, практически все жители села, спешившие избавиться от трудностей жизни в отдаленной высокогорной местности. В результате некоторые горные села полностью переехали на землю, которую их хозяйство получило на равнине. Например, в селе Борч Рутульского района сейчас осталось всего одно хозяйство, а около трехсот хозяйств его жителей переместилось в село Новый Борч (Новоборч) на территории равнинного Бабаюртовского района.

На равнине шло как **основание новых, чисто горских поселений**, так и **подселение горцев в села, в которых до этого жили коренные народы равнинного Дагестана** (азербайджанцы, кумыки, ногайцы, русские). Подселение шло, например, в русские села Кизлярского района, ногайские и кумыкские села Бабаюртовского района, азербайджанские села Дербентского района. Подселение также могло быть «плановым» и «неплановым».

Было и еще одно различие в путях переселения — пожалуй, самое актуальное для сегодняшнего положения переселенцев с гор, обитающих в сельской местности Дагестана. Часть горцев, переселяясь, **получала прописку в селениях равнинных районов**, утрачивая тем самым любую формальную связь с родным горным районом. Так происходило при образовании ряда «плановых» переселенческих сел, а также при подселении в села, где до этого жили другие народы. Другая часть горцев, **переселяясь на равнину, оставалась прописанной в горных районах**. Это происходило, когда горные хозяйства получали земли отгонного животноводства на равнине. В ряде случаев на земле, предоставляемой горному хозяйству, официально регистрировался населенный пункт и образовывался сельсовет, который при этом входил в состав горного района, а не равнинного, где физически находился. Таких населенных пунктов возникло более десяти. Однако количество поселений, возникавших на равнинных землях без всякой регистрации, было, видимо, на порядок большим. Об этом можно судить и по современному положению на дагестанской равнине, где значительная часть таких стихийных поселений имеется по сей день.

В целом сегодня можно выделить три группы равнинных сел, в которых имеется горское население:

- села, входящие в состав равнинных районов;

- села, входящие в состав горных районов;
- села, не имеющие никакого муниципального статуса.

Такое деление вытекает из республиканского закона «О статусе и границах муниципальных образований Республики Дагестан» от 13 января 2005 г. Этот закон подтвердил, что села, включенные в советское время в состав равнинных районов, остаются их частью. Закон также упоминает села, входящие в состав горных районов (или сельсоветов горных районов), но находящиеся на равнине. Наконец, закон вовсе не упоминает большое количество переселенческих сел на землях отгонного животноводства, которые, таким образом, и остались селами «без статуса».

Вторую и третью группы сел ниже мы будем условно называть **кутанными селами**. Первоначально слово «кутан» обозначало полевую стоянку чабанов. Однако сегодня под кутаном нередко имеются в виду и достаточно крупные горские поселения на равнине, о чем говорят и топонимы. Например, селение Губа-кутан на территории Каякентского района включает около 50 хозяйств, а селение Иван-кутан на территории соседнего Дербентского района — около 35 хозяйств (в обоих селениях живут даргинцы — выходцы из Дахадаевского района). В целом население кутанных сел варьирует от 10–15 человек до нескольких тысяч человек. В постсоветское время на судьбе кутанных сел самым существенным образом отразился закон Республики Дагестан «О статусе земель отгонного животноводства» от 9 октября 1996 г. Этот закон объявил земли отгонного животноводства республиканской собственностью. В земли отгонного животноводства были включены не только пастбища, пашня и сенокосы горных хозяйств на равнине, но и земли, на которой расположены жилые постройки большинства кутанных сел.

География кутанных селений отражает то, как в советское время получали землю горные хозяйства. Им предоставлялись пастбища на севере республики (в основном в Тарумовском и Ногайском районах), а также пашня и пастбища в районах, окаймляющих границу дагестанских гор (с северо-запада республики на юг — Хасавюртовский, Новолакский, Кизилюртовский, Бабаюртовский, Кумторкалинский, Буйнакский, Карабудахкентский, Каякентский, Дербентский районы). Переселенческие населенные пункты в основном появлялись в той

зоне, где горные хозяйства получали пашню. Туда на постоянное жительство с гор часто переселялись даже те, кто не связывал своего будущего с работой в сельском хозяйстве. Напротив, на «чисто пастбищном» севере Дагестана, как правило, возле земель того или иного горного хозяйства возникало лишь небольшое поселение чабанов, хотя и север Дагестана видел достаточно масштабные переселения горцев (например, в «город нефтяников» Южно-Сухокумск).

По документам Минсельхоза Дагестанской АССР, по состоянию на 1 ноября 1989 г., горные районы республики имели на равнине в общей сложности 810 521 га сельхозугодий. Согласно тому же источнику, среднее соотношение площади сельхозугодий, находящихся внутри района, к общей площади сельхозугодий района составляло для горных районов 56,7%, то есть среднестатистический горный район больше половины угодий имел на равнине. Примечательно, что районы, служившие традиционными поставщиками кадров для партийной и советской бюрократии Дагестана, были в числе тех, у кого это соотношение было наиболее низким. Так, у Гунибского района горные сельхозугодья составляли всего 20,8% от общей площади его сельхозугодий, у Хунзахского — 44,6%, у Левашинского — 35,2%. Эти цифры заставляют предположить, что получение равнинных земель рассматривалось как благо для горного района, и этим благом в приоритетном порядке наделялись районы, пользовавшиеся покровительством властей.

Разные районы равнинного Дагестана существенно отличаются друг от друга по тому, как там размещаются сегодня переселенцы с гор и их потомки. Есть как минимум такие параметры их различий:

- преобладание кутанных сел или горских сел, входящих в равнинный район;
- соотношение численности жителей кутанных сел и всех сел, входящих в равнинный район (первые два параметра могут быть определены только весьма приблизительно, из-за отсутствия надежных данных о кутанных селах «без статуса»);
- доля земель отгонного животноводства в общей территории района;
- дальность переселения, то есть насколько в среднем далеко от равнинного района находятся горные районы, из которых прибыли переселенцы;

— наличие горцев в органах местного самоуправления, силовых структурах района и т. д.

В нашу задачу не входит подробное портретирование каждой части дагестанской равнины, где проживают переселенцы. Однако прежде чем перейти к описанию общих проблем, связанных с горцами равнины, мы кратко охарактеризуем несколько равнинных районов, чтобы дать представление о многообразии сегодняшнего «переселенческого» Дагестана.

Бабаюртовский район — один из основных равнинных районов, где горные хозяйства получали землю в советское время. В некоторых дагестанских языках тогда даже закрепилось выражение «получить Бабаюрт», то есть земли в этом районе. Район располагается к северу от Махачкалы (через район проходит автодорога, соединяющая столицу Дагестана с городом Кизляр на границе с Чечней; этой дорогой следует большинство автотранспорта, курсирующего между Дагестаном и Центральной Россией). В районе находятся кутанные поселения хозяйств из 18 районов горного Дагестана, а также из пяти соседних равнинных районов (данные районной администрации по состоянию на 1 декабря 2008 г.). По сведениям районной администрации, общая площадь сельхозугодий Бабаюртовского района, используемых хозяйствами других районов, составляла в 2008 году 225 179 га. У кутанных хозяйств земли больше, чем у коренного населения. Как заявил в 2008 г. глава района Адильхан Ганакаев⁶, в районе «45 тыс. человек (количество населения муниципальных образований, входящих в состав Бабаюртовского района; по Всероссийской переписи населения 2010 г. — 46 580 чел. — К. К.) проживает на 103 тыс. га».

Надежных статистических данных по числу жителей кутанных поселений Бабаюртовского района нет, но, по имеющимся оценкам, оно как минимум не уступает населению самого района. При этом национальный состав жителей района и жителей кутанных поселений существенно отличается. В районе (то есть в относящихся к нему муниципальных образованиях) на 2002 г. 45% населения составляли кумыки, 18,2% — ногойцы, 6,9% — чеченцы; переселенцы из горных районов Дагестана на 2002 г. имели среди жителей муниципальных образований района следующие доли: аварцы — 18%, даргинцы — 6,7%. Такое

⁶ Газета «Новое дело». Махачкала. 19 сентября 2008 г.

соотношение отражено и в национальном составе органов местного самоуправления района, где закономерно преобладают кумыки. Что касается национального состава кутанных поселений, то о нем можно судить по горным районам, с которыми эти поселения связаны. Это Тляратинский, Шамильский, Гергебильский, Гумбетовский, Гунибский, Унцукульский, Хунзахский и Казбековские районы (в данных районах проживают аварцы), Чародинский район (аварцы и малый процент лакцев), Ахвахский, Ботлихский, Цумадинский и Цунтинский районы (аварцы и близкородственные им андо-цезские этносы), Акушинский (даргинцы) и Левашинский (даргинцы и аварцы) районы, Лакский и Кулинский районы (лакцы), Рутульский район (рутульцы, цахуры, малый процент аварцев, азербайджанцев, лакцев). Большинство этих районов находится на значительном удалении от Бабаюртовского района: путь переселенцев на родину занимает не менее четырех часов на автомобиле. Несколько сел, находящихся на территории Бабаюртовского района, входят в состав горных районов (например, шесть сел относятся к различным сельсоветам Лакского района, три села — к одному из сельсоветов Бежтинского муниципального участка в составе Цунтинского района, одно село — к Чародинскому району и т. д.). Определить точное число сел «без статуса», находящихся на территории района, трудно. Дело в том, что некоторые из них сейчас существуют как полноценные села, имеющие по несколько десятков или даже более ста дворов, а в некоторых живут всего 2–3 семьи. Кутанные села и села, входящие в состав района, располагаются вперемешку, нередко образуя довольно причудливые конфигурации. Например, входящее в Бабаюртовский район село Тамазатюбе (Новое Тамазатюбе), населенное ногойцами, находится в окружении кутанных сел, населенных лакцами и аварцами.

Каякентский район расположен между горами и каспийским побережьем вдоль федеральной трассы «Кавказ» к югу от Махачкалы. Население района, по данным переписи 2010 г., составляло 55 112 человек. Наиболее значительные этнические группы — кумыки (54,5%) и даргинцы (41%) (по данным правительства Дагестана на 1 января 2010 г.). Среди даргинцев большинство образуют выходцы из близлежащих горных районов — Дахадаевского и Кайтагского. «Дальних» переселенцев в Каякентском районе, в отличие от Бабаюртовского,

мало: большинство выходцев с гор может добраться до своих родных сел не более чем за два часа на автомобиле. Можно сказать, что нынешний национальный состав района стал результатом не дальних переездов, а естественного расширения ареала расселения даргинского народа на равнину.

Даргинцы компактно проживают в нескольких селах, входящих в состав района. Некоторые из этих сел (например, село Герга с 3 529 жителями по переписи 2002 г., село Первомайское с 8 475 жителями) возникли в 1957 г., когда даргинцы переселились из Чечни. Даргинцы также образуют значительный процент в районном центре — селе Новокаякент (34,8%) и почти половину (49,1%) населения села Дружба, все четыре тысячи жителей которого — переселенцы с гор разных национальностей. Кроме того, в районе имеются кутанные поселения. Например, село Шаласи (даргинцы; 180 хозяйств) входит в состав одного из сельсоветов Дахадаевского района. Помимо даргинских кутанов, есть также кутаны Агульского района, населенного агульцами. Общая площадь земель отгонного животноводства в районе, по оценкам районной администрации, на 2011 г. составляла около 15 тысяч га, т. е. чуть менее четверти общей территории района.

В органах власти и силовых структурах района достаточно четко выдерживается неформальный национальный паритет. Сейчас главой района является кумык, а председателем районного собрания — даргинец.

Ногайский район — один из самых северных районов Дагестана. На его территории и на территории соседнего Тарумовского района находятся пастбища так называемой Кочубеевской зоны. Общая площадь района — 900 тысяч га. По данным районной администрации на 2011 г., 657 тыс. га, то есть более двух третей площади района, составляют земли отгонного животноводства. Таким образом, в Ногайском районе, как и в Бабаюртовском, у «отгонников» земель больше, чем у жителей сел, входящих в состав района. Однако в Ногайском районе, в отличие от Бабаюртовского, почти нет переселенческих сел (за исключением даргинского села Шумлы-Олик). Причина, по-видимому, в том, что в районе очень мало земель, которые могут быть использованы в качестве пашни. По оценкам районной администрации, это не более 30 тыс. га. Этой земли не хватает даже местно-

му ногайскому населению (ногайцы, по переписи 2002 г., составили в районе 85,7% жителей). По расчетам райадминистрации, на 2011 г. не менее 30% взрослого трудоспособного населения района находилось на заработках за его пределами, преимущественно в Западной Сибири. Всего в районе, по переписи 2010 г., проживает 22 469 чел. Горское население, присутствующее в районе, — это почти исключительно чабаны и члены их семей. Условий для более массовой миграции в Ногайский район жителей горных сел, которые получают в районе землю, не имеется. Помимо дефицита пашни, миграцию ограничивает и крайняя удаленность Ногайского района от большинства районов, хозяйства которых имеют в нем пастбища: среди них есть даже хозяйства Южного Дагестана, путь из которого в Ногайский район на автомобиле — около 500 км. Также часть дороги в район (около 7 км) проходит по территории Чечни, при въезде в Чечню и при выезде из нее стоят блок-посты, проехать которые быстро не всегда получается. Из-за ограниченности миграции в Ногайском районе, в отличие от большинства других районов, на землях отгонного животноводства почти не строятся жилые дома.

Большинство «отгонников» живет в Ногайском районе круглый год. При этом горцы в районе занимаются скотоводством не только на землях отгонного животноводства. Выходцы из горных районов, преимущественно даргинцы, также приобретают скотоводческие хозяйства на пастбищных землях, не являющихся отгонными (такие хозяйства, как правило, арендуют землю у районной администрации). Владельцы и работники этих хозяйств могут иметь постоянную регистрацию в районе. По данным переписи 2002 г., даргинское население в районе без учета жителей кутанов составило 8,2%. По рассказам местных жителей, среди скотоводческих хозяйств вне отгонных земель есть смешанные по национальному составу (даргинско-ногайские), есть и чисто даргинские. В районных структурах даргинцы представлены депутатами в составе районного собрания.

Распределение земель отгонного животноводства между горными районами

Горный район	Население (2010), чел.	Площадь земель отгонного животноводства на равнине, закрепленных за районом в 2003 г., га (процент к общей площади сельхозземель района)	Площадь земель отгонного животноводства на равнине, закрепленных за районом в 1989 г., га (процент к общей площади сельхозземель района)
Агульский	11 721	5 749 (9,5%)	13 260 (20,2%)
Акушинский	54 467	116 169 (66,2%)	95 040 (67,6%)
Ахвахский	22 938	13 237 (39,8%)	13 004 (38,5%)
Ахтынский	33 816	20 111 (25,5%)	42 460 (37,5%)
Ботлихский	54 714	20 527 (31,9%)	17 188 (27,2%)
Гергебильский	19 927	13 642 (35,7%)	17 118 (51,5%)
Гумбетовский	24 276	13 970 (23,6%)	15 498 (24,1%)
Гунибский	25 479	102 074 (66,9%)	120 828 (66,6%)
Дахадаевский	38 376	23 072 (22,4%)	51 794 (51,9%)
Докузпаринский	16 788	7 107 (26,2%)	—
Кулинский	11 721	84 222 (66,7%)	87 942 (69,5%)
Курахский	15 730	6 004 (10,9%)	26 700 (42,0%)
Лакский	12 670	54 765 (52,2%)	60 560 (54,5%)
Левашинский	72 688	88 459 (63,0%)	77 514 (59,6%)
Рутульский	22 906	33 395 (22,7%)	63 370 (53,5%)
Тляратинский	22 196	30 542 (39,4%)	21 757 (43,9%)
Унцукульский	30 296	16 980 (32,8%)	5 208 (12,8%)
Хунзахский	31 877	47 093 (44,5%)	7 274 (10,3%)
Цумадинский	24 319	11 785 (19,6%)	9 987 (10,5%)
Цунтинский	18 028	7 512 (16,1%)	7 686 (20,4%)
Чародинский	12 097	73 327 (55,1%)	12 525 (9,5%)
Шамильский (б. Советский)	31 585	46 836 (41,2%)	43 889 (43,4%)

(Источник: данные Минсельхоза ДАССР/РД)

3. «СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ»: РАВНИННЫЕ СЕЛА, НЕ ВХОДЯЩИЕ В РАВНИННЫЕ РАЙОНЫ

Данный раздел посвящен ситуации в селах, находящихся на землях отгонного животноводства. Их особенность состоит в том, что они находятся на землях республиканского подчинения — таковы, согласно региональному закону 1996 г., все земли отгонного животноводства в Дагестане.

3.1. Муниципальный статус и его последствия

Равнинные села, не являющиеся муниципальными образованиями в составе равнинного района (кутанские села), как уже отмечалось, бывают двух типов. Во-первых, это села со статусом муниципального образования одного из горных районов (большинство этих сел по закону «О статусе и границах муниципальных образований в Республике Дагестан» от 13 января 2005 г. объединено с одним или несколькими горными селами в единый сельсовет, входящий в горный район). Во-вторых, это кутанские поселения, вовсе не имеющие статуса муниципального образования (села «без статуса»). Села, официально относящиеся к горным районам, как правило, достаточно крупные, не менее 30–40 дворов. Среди сел «без статуса» есть не только крупные поселения, но и хутора, в которых живут 1–2 семьи. Большинство жителей кутанских сел имеют постоянную регистрацию в горах — иногда в селах, которые фактически необитаемы и которые находятся за несколько сот километров от равнинного села.

Собственное местное самоуправление в селах «без статуса» отсутствует. Есть как минимум две модели самоорганизации таких сел. Модель первая: жизнь села контролирует глава горного района, он назначает неформальных ответственных за различные стороны жизни села.

Глава горного района:

— Я обратился, чтобы сельская администрация там (на кутанском селе без статуса, где живут люди из данного горного района. — К. К.) была. Это же 500–600 км от горного сельсовета. Там сейчас ничего нет. Я одного человека сделал своего, его держу, для общения, нормаль-

но чтоб было, чтобы они оторваны от района не стали. Я там держу людей — и по технике, и по налогам. Пять–шесть человек там держу.

Модель вторая: селение находится под контролем местного самоуправления «родного» горного села. Так часто происходит в случае, если горное село осталось почти необитаемым. Нередко и глава такого села постоянно проживает на кутане. Впрочем, есть случаи, когда на кутане постоянно живет и глава достаточно населенного горного села. Например, глава горного сельсовета, в который входят два села — с 80 и с 40 хозяйствами, постоянно живет на кутане одного из этих сел на территории Каякентского района.

Постоянное нахождение главы села на кутане удобнее для жителей: по крайней мере, для вопросов, находящихся в ведении сельского самоуправления, не надо отправляться в горы. Однако вопросы, решаемые в ЗАГСе, паспортном столе, военкомате, требуют поездки в горы в любом случае (разнообразнее ситуация с налоговыми инспекциями, которые сейчас в Дагестане в основном межрайонные). Такая поездка может быть не очень большой проблемой, например, для жителей кутанов на территории Каякентского и Дербентского районов, т. к. их горные районы обычно находятся в относительной близости от кутанов. Иная ситуация в Бабаюртовской зоне: ее жители, чтобы получить нужную подпись или печать в горном районе, должны проделать путь в 300–500 км. (Конечной целью таких поездок является не свое горное село, а центр сельсовета, к которому это село относится, или райцентр, в зависимости от требуемой бумаги.)

Если же село на равнине официально входит в состав горного района, то оно может либо быть муниципальным образованием этого района, либо входить в состав одного из сельсоветов этого района. Есть случаи, когда сельсовет горного района полностью находится на равнине. Например, все три села, входящие в сельсовет Качалайский Бежтинского муниципального участка, находятся на территории Бабаюртовского района. Чаще, однако, равнинное село входит в единый сельсовет с несколькими горными селами, как, например, село Шаласи на территории Каякентского района, вместе с тремя горными селами входящее в Сутбукский сельсовет Дахадаевского района. У сел, входящих в состав сельсовета, нет своих глав. Распространена ситуация, когда глава сельсовета живет в горах, а один из его заме-

стителей — в равнинном селе. Однако для всех вопросов, находящихся в компетенции района, ездить в горы приходится и жителям кутанных сел, имеющих муниципальный статус.

3.2. Этнический состав и миграция

Этнический состав кутанных сел зависит от того, за каким горным хозяйством был закреплен кутан. В советское время большинство колхозов и совхозов в горной местности были однонациональными по составу, поэтому однонациональны в большинстве своем и кутанные селения. Более того, чаще всего в них живут выходцы всего из одного горного села, даже если в советское время из-за укрупнений колхозов кутан временно принадлежал хозяйству, объединившему несколько сел. Например, в селе Ицари Дахадаевского района с 1937 по 1979 гг. существовал отдельный колхоз, в 1979 г. он был объединен с хозяйствами других сел, а в 1990 г. вновь обрел «независимость». Эти процессы объединения и разъединения никак не повлияли на население кутана села Ицари (Иван-кутан), находящегося на севере Дербентского района: в нем неизменно проживали и проживают только жители данного села (в настоящее время — за исключением одного школьного учителя, снимающего на кутане жилье; этот учитель также является выходцем из Дахадаевского района). Можно сказать, что неформальные ограничения на миграцию, существующие в горных селах, воспроизведены и в кутанных поселениях. Для жителя горного Дагестана обычаями затруднена возможность приобретения жилья и земли в селе, не являющемся для него родовым. Так же обстоит дело и на кутанах. В этом их отличие от многих равнинных сел, в которые в 1960–1970-е гг. шло плановое переселение горцев без всякой связи с горными колхозами или совхозами, т. е. вне «кутанной» модели: такие села часто многонациональны, нередко в них даже смешиваются жители разных районов (см. о таких селах ниже).

Распространены также кутанные поселения, в которые переселились жители нескольких близлежащих горных сел, чаще всего — образующих ныне единый сельсовет. Например, в уже упомянутом селе Шаласи живут выходцы из трех таких горных сел. На кутанах восточной части Бабаюртовского района, населенных лакцами, часто живут жители двух-трех соседних горных сел.

Более редкий тип кутанных сел — это села, которые в советское время объединили выходцев из большого количества населенных пунктов одного горного района. Примером может служить село Цадах на территории Бабаюртовского района. В 1960-е гг. оно возникло при межколхозном хозяйстве Чародинского района. Название «Цадах» (по-аварски «единство») было призвано подчеркнуть, что село объединило представителей разных горных общин. Интересно, что сегодня национальный состав Цадаха отражает состав Чародинского района с большой точностью: в районе, кроме аварских сел, есть одно лакское (Шалиб), и в Цадахе также живут три лакских семьи.

Отмеченный «консерватизм» расселения в кутанных селах не означает, что сейчас в них и из них вовсе не наблюдается миграция населения. По свидетельству глав горных районов, переезд сельских жителей с гор на «свои» кутаны сейчас продолжается, хотя идет менее активно, чем в советское время, и, разумеется, не является организованным. Так, по оценкам администрации Рутульского района, с 2005 г. по настоящее время из района на кутаны переместилось около 100 хозяйств (всего в районе, по данным администрации, около 5 200 хозяйств). Жители ряда кутанных сел, однако, отмечали, что в последние 15 лет в их село с гор никто не переселялся. По свидетельству жителей селения Губа-кутан (село «без статуса» в Каякентском районе, населенное даргинцами Дахадаевского района), из их родного горного селения жители предпочитают переселяться не на кутан, а в соседние с кутанным даргинские села, входящие в состав Каякентского района, — там жизнь благоустроеннее и есть возможность получить постоянную регистрацию. Жители этого же села рассказывают, что и с самого кутана примерно десять хозяйств в последние десять лет переселились в даргинские села Каякентского района. Также практически со всех кутанных сел идет активная миграция в Махачкалу, Каспийск и их пригороды — эта тенденция общая для всего сельского равнинного Дагестана.

По-видимому, сегодня практически отсутствует сезонная миграция с гор на кутаны и обратно, хотя именно такая миграция соответствовала бы первоначальному замыслу «отгонных» хозяйств. Процент жителей кутанного села, у которых сохранился также жилой дом в горах, обычно невелик. Так, из 50 семей, проживающих в селении Губа-кутан, дома в горах имеют около 10. Отсутствие сезонной миграции — самый

надежный показатель того, что система отгонного животноводства, при которой жители переселялись на лето на равнину для обеспечения выпаса скота, сейчас практически не работает (хотя некоторые отголоски ее сохранились, о чем речь ниже).

3.3. Земля и сельское хозяйство

Земля, используемая кутанными селениями для сельскохозяйственных нужд, является республиканской собственностью в соответствии с законом Республики Дагестан «О статусе земель отгонного животноводства» (см. выше). За редкими исключениями, земля, на которой стоят жилые дома кутанных селений, тоже относится к землям отгонного животноводства. Земли отгонного животноводства могут находиться в аренде у муниципальных унитарных предприятий, подчиняющихся горному району, у СПК, реже — у акционерных обществ, занимающихся сельскохозяйственным производством. Есть также случаи, когда земля арендуется ГУПом республиканского или федерального подчинения, сотрудниками которого при этом являются жители села.

По закону вопрос об аренде земель отгонного животноводства должен решаться исключительно на республиканском уровне. Руководители кутанных хозяйств рассказывают, что на практике для получения в аренду земель отгонного животноводства требуется одобрение главы горного района, к которому относится кутанное поселение: именно глава района, как правило, договаривается о сдаче земли в аренду с республиканским Министерством имущества и земельных отношений. Договора аренды земель отгонного животноводства с Минимущества могут заключаться на срок до 49 лет. Распространенные сроки аренды — 20, 25 лет.

Сам механизм такого оформления прав на землю ставит кутанные села в более сложное положение, чем другие населенные пункты Дагестана. Рынок земли пребывает под достаточно жестким административным контролем во всей республике (см. примеры в последующих разделах), однако в селах, являющихся муниципальными образованиями того района, на чьей территории они находятся, этот контроль — местный, ключевую роль в земельных вопросах играет глава района, важное место может занимать и глава села. Это люди, так или иначе прошедшие через выборные процедуры, хорошо известные местным

жителям, «свои» даже для тех, кто по каким-то причинам пребывает с ними в натянутых отношениях. В кутанных же селах вопросы о земле находятся во власти дагестанских правительственных чиновников, к которым у жителей чаще всего просто нет прямого доступа.

В северных районах дагестанской равнины, особенно в Ногайском, земли отгонного животноводства составляют почти исключительно пастбища. Южнее значительная часть отгонных земель может использоваться и в качестве пашен. Например, по данным Минсельхоза Дагестана, по состоянию на 2003 г. в Каякентском районе на землях отгонного животноводства 4 002 га составляла пашня, 7 946 га — пастбища; в соседнем Карабудахкентском районе в том же году пашня на землях отгонного животноводства составляла 1 453 га, пастбища — 3 579 га, сенокосные земли — 51 га. Культуры, которыми засеваются пашни, зависят от климатической зоны и различны в разных районах. Например, в Бабаюртовском районе выращивают люцерну, рис, бахчевые, зерновые. На отгонных землях в южной части Дагестана, наряду с зерновыми, выращивают виноград.

Сельхозпредприятия кутанных селений, как правило, работают на пашне, иногда имеют и собственный скот. Чисто скотоводческие предприятия распространены только на севере республики. В кутанных селах, где есть хотя бы несколько десятков дворов, процент работников СПК к общему числу жителей, как правило, незначителен. Например, в селе Шаласи на территории Каякентского района (180 дворов) в СПК, по свидетельству его руководства, постоянно работают 15 человек, дополнительно к ним набирают около 60 сезонных рабочих. В селе Морское на территории Дербентского района (367 дворов) в СПК работают 11 человек. В селе Цадах на территории Бабаюртовского района, где сейчас 180 хозяйств, на местном сельхозпредприятии работают 50–60 человек. Жители, не работающие на сельхозпредприятии, либо зарабатывают средства к существованию вне села (см. об этом подробнее в разделе 3.5 «Работа»), либо живут собственным сельхозтрудом.

Пашня либо полностью обрабатывается сельхозпредприятием, либо частично передается в пользование местным жителям. Чаще всего эта передача никак документально не оформляется. В Бабаюртовском районе распространена ситуация, когда пашню сдают местному

населению под посадку бахчевых культур. Эта сдача — сезонная, так как посадка бахчевых там чередуется с посадкой кормовых культур, которые разводят сельхозпредприятия. Опрошенные там нами жители сообщали, что годовая плата за гектар, которую население вносит сельхозпредприятию, составляет в этом случае 300 руб. В том же Бабаюртовском, а также в Каякентском районах население кутанных сел неофициально получает землю и для посадки зерновых. Например, хозяйство на территории Каякентского района, имеющее около 800 га пашни, сдает 263 га местным жителям под посадку озимой пшеницы и ячменя. В документах Минсельхоза Дагестана за 2003 г. указывается, что один из горных совхозов на территории Карабудахкентского района раздал более 150 га пашни гражданам под коллективное садоводство. Согласно этому же источнику, стоимость аренды одного гектара пашни на землях отгонного животноводства в то время варьировалась от 250 до 5 000 руб. за год.

Во многих случаях местные жители пашню не используют по причине затрудненности ее обработки. Одна из причин такой ситуации — недостаток воды, которая в советское время распределялась между селениями равнинного района и кутанными селениями, а сейчас эта система распределения разрушена, «водные» отношения между отгонниками и коренными жителями не урегулированы. Недостаток воды может приводить и к фактическому прекращению деятельности сельхозпредприятий, арендующих земли отгонного животноводства:

Житель селения Губа-кутан (территория Каякентского района):

— Почти пять лет земля незасеянная... Никакой воды нет, чтобы поливать. Чтобы пить — мы еле-еле бурили, а чтобы поливать — никакой воды. В советское время оттуда (со стороны соседнего села. — К. К.) вода шла. Сейчас они сами поливают, а здесь никак. Им тоже теперь не хватает. У нас один посадил десять гектаров виноградников. Но абсолютно урожая не получилось. Засохло, ничего не выросло. Он ходит в соседнее село, просит, умоляет [открыть подачу воды]. На один, два дня воду если получит — то получит, нет — так у него все остается.

У ряда сельхозпредприятий, работающих на пашне, существует проблема сбыта своей продукции. Ее решение они видят в развитии связей со своим горным районом.

Глава кутанного села (территория Бабаюртовского района):

— Я в прошлом году выступал на совещании в [горном] районе, мне пришлось высказаться — у нас для школы, для больницы непонятно где берут продукты. А наш рис прошлого года не используется, хотя это один из лучших в России рис. Сохранить его не в чем.

В Каякентском районе хозяйства, которые сеют зерновые (например, хозяйства села Шаласи, относящегося к Дахадаевскому району), продают зерно «родным» горным селам.

Что касается **пастбищ**, существенной особенностью нынешних кутанных хозяйств является то, что стада на них находятся круглый год. Система, действовавшая в советское время, когда скот на лето обязательно перегоняли в горы, после распада СССР стремительно пришла в упадок. Основной результат этого — перегрузка пастбищ, эксплуатируемых теперь круглогодично.

Глава кутанного села (территория Бабаюртовского района):

— На этих пастбищах большего количества скота держать невозможно. И так у меня постоянная война с людьми, я говорю, что эта земля выйдет из оборота. Если круглый год пасут, она выходит из оборота. Раньше это отгонное животноводство чем было выгодно? Летом скот в горах, пастбища отдыхают. Они должны отдыхать, корневая система должна укрепляться. А у нас как получается? У нас круглый год на одном и том же месте. Естественно, земля выйдет из оборота. Мы рекомендуем настойчиво, чтобы поменьше держали [скота].

Тот факт, что скот не убирают на зиму с равнинных пастбищ, признают и дагестанские власти. В справке Минсельхоза Дагестана, представленной в апреле 2003 г., говорилось, что, например, на отгонных пастбищах Каякентского района ежегодно остается более 2 300 голов крупного и более 3 500 голов мелкого рогатого скота. В той же справке сообщается, что одно из хозяйств Гунибского района на своих пастбищах в Кумторкалинском районе круглый год держит 1 600 голов крупного рогатого скота.

Вместе с тем в определенном виде отгонная система все же существует, но она не ведет к полному освобождению пастбищ на лето. В ряде кутанных хозяйств к постоянно находящемуся там скоту в зимний сезон прибавляется скот жителей гор, который за плату нанимают

для его выпаса «своих» отгонников. Так обстоит дело, в частности, в хозяйствах Лакского района, расположенных на востоке Бабаюртовского района. По-иному сохранилась отгонная система, например, в селении Иван-кутан на территории Дербентского района. В нем, напомним, живут выходцы от села Ицари Дахадаевского района, где сейчас осталось порядка 10 дворов. На лето жители Иван-кутана временно отгоняют часть скота в горы. Ситуация зеркальная той, что была в советское время: горы, а не равнина, становятся местом временного выпаса скота.

Когда на отгонных пастбищах пасется частный скот жителей кутанного селения, жители компенсируют земельный налог хозяйству-арендатору. Его суммой плата за пользование пастбищами и ограничивается.

Глава кутанного села (территория Бабаюртовского района):

— 600 га — пастбища, пользуется население. Мы налог на них отдаем хозяйству, а хозяйство в свою очередь деньги платит республике. Мы общую сумму налога распределяем между людьми в зависимости от того, у кого какое поголовье. В принципе, хозяйство как бы лишнее звено получается.

Некоторые главы хозяйств жалуются на то, что с трудом вводили систему, при которой население должно вносить арендную плату. Глава хозяйства в кутанном селе, где около 200 хозяйств, признается, что плату начали вносить только в 2011 г. и вносит ее около половины хозяйств. Если же сельхозпредприятие по тем или иным причинам прекратило свою работу, то жители кутанного села могут стихийно пользоваться пастбищами, выгоняя на них свой скот.

Житель села Губа-кутан:

— Потеряли совхоз, скот остался, распространили его по работникам. Работники совхоза так его пасут.

Вопрос об аренде земель населением возникает далеко не во всех кутанских селах. Среди них немало таких, на которых проживают всего 2–4 семьи, фактически единолично пользующиеся отгонными землями, некогда закрепленными за их селом. В основном это кутаны, на которые в советское время не было активной миграции населения.

Житель Бабаюртовского района:

— На тех кутанах людей мало... Никакого колхозного производства там нет, просто 300–400–500 га 2–3 семьи используют. Колхозы

и совхозы есть, для дотаций числятся (то есть используются в качестве юридических лиц для получения сельскохозяйственных субсидий и, возможно, кредитов. — К. К.).

Житель села Дружба Каякентского района:

— Раньше кутан там (недалеко от села Дружба. — К. К.) принадлежал колхозу. Теперь этого колхоза нет, кутан есть. В кутане господствует один господин, с двумя–тремя сотнями овец. Хозяйство числится в горах.

3.4. Жилье

Жилье постройки в кутанских поселениях имеют государственную регистрацию, как правило, только в том случае, если им присвоен статус «ведомственного жилья», принадлежащего сельскохозяйственному предприятию. Известны примеры кутанских поселений в 40–50 домов, из которых ни один не имеет госрегистрации. Чаще всего они стоят на сельхозземлях, где возведение жилых построек незаконно. С другой стороны, нам известен только один пример кутанского селения, жителям которого удалось оформить право собственности на свои домовладения. Это уже упоминавшееся село Шаласи, входящее в один из сельсоветов Дахадаевского района.

По неофициально возведенным жилым постройкам невозможно заключить договор купли-продажи, страхования и т. д. Они не могут использоваться в качестве залога по кредитам. Невозможно получить предусмотренные федеральным законодательством вычеты при исчислении НДФЛ при строительстве дома.

Житель села Губа-кутан:

— У меня в горах никакого дома нет, хоть сейчас проверяй. Только вот здесь у меня дом. Дома у нас все остались неоформленными. Я хотел заявить и налог отдать, хочу перед государством оправдать, что у меня тут есть дом. Я не знаю, куда обращаться, что делать. У меня даже есть колхозные справки, что колхоз меня сюда перевел и разрешил для этого дом построить.

Из-за статуса земель отгонного животноводства проблемой является и выделение сельским жителям участков под застройку.

Глава кутанного села (территория Бабаюртовского района):

— У меня около 40–50 семей молодых людей, которые не строятся.

В городе строиться у них нет денег, работы нет, а в селе они строиться по закону не могут. Что мне делать? Они ко мне: дай нам землю строиться. А по закону нельзя. Последний раз строились 7–8 лет назад. Люди, когда видят, что техпаспорт не дают, зеленку не дают, особого желания строиться не имеют. А очередь желающих есть. Они кто в ведомственной квартирке живет, кто у родителей.

В самое последнее время в селениях «без статуса» отмечены попытки сноса домов по решению суда. В июне 2011 г. Управление Федеральной службы судебных приставов по Дагестану сообщило о сносе по решению суда частного домовладения, незаконно построенного на территории Кумторкалинского района (название населенного пункта не уточнялось). Летом 2011 г. встал вопрос о сносе жилого дома в селе Губа-кутан на территории Каякентского района. Благодаря неформальным договоренностям этот процесс удалось приостановить. Как рассказывают жители села, судебное решение касалось одного из вновь построенных частных домов, однако приставы в разговоре с жителями заявили, что в перспективе могут быть разрушены и старые строения. Выразить протест по поводу сноса вышли не только жители этого села, но и их соплеменники-даргинцы из соседних сел, то есть явно имела место этническая солидарность. Почти одновременно с попыткой сноса дома в Губа-кутане, сельхозпредприятие кутанного селения Морское, находящегося в Дербентском районе, получило постановление Управления Россельхознадзора по Республике Дагестан. В постановлении говорилось, что часть сельхозземель хозяйством используется незаконно, в том числе та, что застроена жилыми домами. Арбитражный суд Дагестана 18 августа 2011 г. оставил постановление Россельхознадзора в силе. Как рассказали жители села Морское, представитель их сельхозпредприятия на заседании арбитражного суда задал вопрос инспектору Россельхознадзора: «Где вы были сорок лет назад?», имея в виду, что дома, нахождение которых на сельхозземлях инспектора признали незаконными, были построены, когда село только создавалось.

Любопытно, что очевидные юридические проблемы не останавливают частного строительства. Например, именно в тех селах, по строительству в которых были заявлены юридические протесты, летом 2011 г. можно было наблюдать возведение новых домов. Правда,

новостройки на кутанах часто жестко ограничены территориальными пределами села: на то, чтобы занять под строительство новые участки отгонных земель, а тем более — земли равнинного района, жители кутанных сел обычно не решаются, несмотря на высокую рождаемость и потребность в новых участках для строительства. Распространена ситуация, когда два-три брата строят себе дома впритык к отцовскому дому, фактически на одном с ним участке. Вместе с тем есть и случаи, когда главы кутанных сельхозпредприятий сознательно отдают землю под застройку без каких-либо документов. В уже упомянутой справке Минсельхоза Дагестана, представленной в апреле 2004 г., говорится о том, что под строительство самовольно захватываются даже скотопрогоны. Там же отмечается, что, например, в Карабудахкентском районе несколько горных хозяйств незаконно выделили под застройку по 15–20 участков.

Более того, можно констатировать, что, несмотря на юридические препятствия для строительства, иногда основой интереса к отгонным землям, причиной конфликтов вокруг них является именно возможность — пусть и юридически очень шаткая — использовать их под застройку. Это, скорее всего, неизбежно в сегодняшнем Дагестане, где высокая рождаемость соседствует с традиционно большим значением, которое жителю придают обеспечению себя и своих детей качественным, просторным жильем. Чтобы убедиться, что борьба за отгонные земли может быть связана с перспективой их застройки, процитируем протокол «общего собрания ГУП «Дылымское» Казбековского района с участием джамаата села Дылым» от 21 апреля 2011 г. Речь на собрании шла о готовности уступить отгонные земли, закрепленные за этим хозяйством в Бабаюртовском районе, в обмен на предоставление земель в Хасавюртовском районе. Участок в Бабаюртовском районе, закрепленный за данным хозяйством, долгое время был предметом спора с селом Львовское-1 этого района. Данный спор, получивший в Дагестане значительный резонанс, мы подробно рассмотрим в разделе 3.8, а сейчас обратим внимание на некоторые фрагменты протокола. «Основным мотивом претензий жителей [села Львовское-1]» на спорные земли в протоколе названы «постоянно растущие потребности в выделении земельных участков под жилищное строительство». Данный «мотив», как видно из документа, важен и для участников со-

брания, то есть для жителей горного района: давая согласие на предоставление своему хозяйству нового участка, они сочли целесообразным ходатайствовать перед руководством республики о «переводе земель сельхозназначения под земли поселения» на этом участке. Объясняется это просто: «[Число] заявлений на улучшение жилищных условий молодых земель в с. Дылым достигло более 2 000». То есть **горные хозяйства рассматривают земли, выделяемые им в других районах, в том числе и как средство решения проблемы дефицита земель под застройку в горах.** Это обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания политической ситуации, складывающейся сегодня вокруг равнинных земель в Дагестане (см. ниже).

Попытки условно провести межевание земли для строительства в селах «без статуса» обычно ничем не заканчиваются.

Житель села Иван-кутан (территория Дербентского района):

— По поручению главы нашего (Дахадаевского. — К. К.) района отсюда к нам выезжал земельный комитет, обсуждал ситуацию с Дербентским районом. Привезли геодезиста. Он разбил участки, мы условно распределили, исходя из количества сыновей. На этом все зависло.

Довольно острое положение складывается с подачей в дома кутанных сел газа. Распространена ситуация, когда кутаны не получают газа, в отличие от своих соседей, относящихся к равнинному району. К селениям, не имеющим статуса, газ могут не подвести именно из-за отсутствия статуса.

Житель села Иван-кутан:

— Мы обращались в дербентский райгаз, с письмом от Дахадаевского района (района, переселенцами из которого являются жители Иван-кутана. — К. К.). Они [нас] отправили в Дагрегионгаз. Мы убедили их, что газ — для нужд законно существующего предприятия. Затем наши были в Минэкономики. Там сказали, что есть лимиты по Дахадаевскому району, они выбраны.

Из бесед с жителями селений «без статуса», безуспешно добивавшимися проведения газа, можно выявить следующую тенденцию: в проведении газа на кутаны часто не заинтересованы главы горных районов. Их мнение республиканские структуры учитывают при вынесении решений о газификации, при этом для каждого района уста-

новлен ежегодный лимит средств, выделяемых на газификационные работы. Главы районов в последнюю очередь расходуют этот лимит на кутаны, потому что там, в отличие от горных сел, к сбору платежей администрация горного района не будет иметь никакого, даже неформального, отношения.

Известны случаи, когда газ к кутанному селу подведен, но не подается из-за протестов соседних сел, связанных с ним единой «трубой»: они опасаются, что если газ пойдет в кутанное селение, то у них в своем селе давление в газовой системе будет недостаточным. В такой ситуации оказалось, например, село Морское. Жители соседнего села Деличобан, входящего в Дербентский район, протестовали против того, чтобы труба, ведущая от магистрального газопровода в их село, была продолжена до Морского. В конце концов Морскому помог крупный республиканский чиновник, пролоббировавший вопрос о строительстве к этому селу отдельной трубы, отходящей непосредственно от магистрального газопровода. Этот чиновник — не выходец из данного села, но, как и его жители, даргинец, так что можно говорить о сработавшей этнической солидарности (как и в случае с протестами по поводу сноса домов). Конфликты с селами равнинного района по поводу газа нередко бывают довольно острыми. Спор между селами Морское и Деличобан по этому поводу даже попадал на страницы дагестанских СМИ⁷. А глава одного кутанного села Бабаюртовского района признавался, что «с трудом удержал людей от перекрытия автодороги», когда соседи протестовали против подачи в село газа.

Электричество в дома кутанных сел в основном проведено. Проблемы, однако, возникают с льготами по оплате электроэнергии. Слышны жалобы на то, что подразделения администрации горных районов, ответственные за предоставление льгот, в своей работе «не доходят» до кутанных поселений.

3.5. Учеба и медицина

В большинстве кутанных поселений имеются свои **школы**. В равнинных районах к северу от Махачкалы большинство из них находятся в ведении специально созданного Территориального управления образования земель отгонного животноводства (ТУО), находящегося

⁷ Газа хватит на всех // Дагестанская правда. 12 декабря 2008 г.

в городе Кизилюрт и подчиняющегося непосредственно Министерству образования и науки Дагестана. При этом заказчиком строительства школ выступают горные районы, строительство идет на федеральные деньги. В южных равнинных районах (Каякентском, Дербентском) ситуация сложнее. Там школы ряда кутанных поселений подчинены отделам районного образования горных районных администраций.

В некоторых кутанных селах школы открывались через несколько десятилетий после того, как возникло само поселение. Так, в селе Цадах, возникшем в 1960-е гг., первый выпуск местной школы состоялся в 1988 г., до этого дети ходили учиться в соседнее село Татаюрт, где живут в основном кумыки и ногайцы.

Как правило, преподаватели в кутанных школах — выходцы из «родного» горного села. Иногда к ним присоединяются учителя родом из других сел того же горного района. Они снимают жилье в кутанном селении, в котором работают. В большинстве школ преподается родной язык.

На кутанах, где нет школы, существуют два варианта обучения детей: либо те ходят в школу соседнего села (если там население той же национальности), либо направляются в интернаты, которые созданы для детей «отгонников», например, в Бабаюртовском и Ногайском районах.

Медицина в целом находится в гораздо более проблемном состоянии, чем образование. В некоторых кутанных селах в несколько десятков дворов медицинские учреждения полностью отсутствуют. Такие случаи зафиксированы в южной части равнинного Дагестана. Даргинцы, живущие там на кутанах, как правило, обращаются за помощью в амбулатории и больницы соседних даргинских районов (что снова указывает на важность этнической солидарности в жизни кутанных сел).

Однако, например, для жителей Бабаюртовской зоны поездки по медицинским делам в горный район — задача нереальная, т. к. в один конец надо будет преодолевать путь длиной до 500 км. Там в ряде кутанных сел больницы и медпункты в 2010 г. были выведены из подчинения Бабаюртовского района и переданы горным районам. Система, существовавшая до этого, местных жителей, по-видимому, не устраивала.

Глава кутанного села:

— Мы добились передачи медпункта [в наш горный район], до этого он подчинялся [равнинному] району, приходилось выбивать 300 р. в квартал на лекарства... Когда речь шла о ремонте, о выделении средств, естественно, они о нас забывали. Мы добились перевода в свой район и очень рады. Пусть придется ехать за 200–300 км (для решения вопросов, связанных с работой медпункта. — К. К.), тем не менее мы больше средств, больше внимания получаем.

В ряде случаев проблемой является лицензирование медицинских учреждений (даже медпунктов): они находятся в зданиях, стоящих на земле отгонного животноводства, и в лицензировании компетентные органы отказывают, ссылаясь на то, что постройка, где находится медучреждение, незаконна.

3.6. Работа

Как уже было отмечено, сельхозпредприятия на кутанных селах часто способны занять лишь незначительный процент (заметно меньше половины) трудоспособных жителей села. Части жителей удастся получить места бюджетников (все они находятся на обеспечении горного района), части — существовать за счет арендуемого земельного участка, огорода и собственного скота. Жители кутанных сел Бабаюртовского района жалуются, что в районе сейчас нет сырзаводов, на которых они могли сдавать молоко, как это делалось раньше. Продажа молока на рынках крупных городов для них исключена из-за удаленности этих рынков: молоко не удастся доставить туда в пригодном виде. Поэтому на рынки везут в первую очередь мясо.

Житель села Цадах (территория Бабаюртовского района):

— Если мясо на рынке стоит 180 рублей, наши люди в лучшем случае получают 130 со всеми расходами — ветеринарными, транспортными.

Заметное число жителей многих кутанных сел находится на заработках за их пределами. На юге Дагестана некоторые работают на виноградниках соседних хозяйств. Многие работают вне Дагестана: на стройках в Краснодарском крае, в Центральной России, на нефтяных и газовых промыслах Западной Сибири. Например, в селе Цадах (180 хозяйств), по оценкам местной администрации, за 2010 г. из села в другие регионы России выехали 22–23 человека, оставив

семьи в селе. О росте числа жителей, уехавших «на стройки», сообщают и жители села Морское (напомним, что там 367 хозяйств, однако на местном сельхозпредприятии работают только 11 человек).

Учет безработных жителей кутанных поселений ведется в равнинном районе. В ходе полевого исследования приходилось слышать жалобы на то, что жителей кутанов неохотно ставят там на учет, потому что «в районе есть лимит, и его отдают своим».

3.7. Отношения с равнинным районом

Прямые конфликты за земли между «отгонниками» и жителями кумыкских, ногайских сел происходят нечасто (об одном из них речь в разделе 3.8). Тем не менее земельный вопрос во взаимоотношениях «отгонников» и коренного населения все же регулярно возникает. Для этого есть несколько причин.

Первое. При появлении кутанных хозяйств в ряде случаев менялись границы земель, закрепленных за равнинными населенными пунктами. В дагестанских СМИ популярен пример кумыкского села Шамхалянгиюрт Кумторкалинского района, у совхоза которого с 1936 по 1963 гг., по данным журналистов, решением Совета министров Республики Дагестан изъяли в пользу отгонных хозяйств более 8 тыс. га из имевшихся у него 11 тыс. га⁸. В сельских районах большой резонанс получают те случаи, когда изменения границ осуществлялись непродуманно и сегодня явно ущемляют интересы жителей. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с селом Тамазатюбе (Новое Тамазатюбе) на востоке Бабаюртовского района (населено ногайцами; 357 дворов). Отгонные земли подходят вплотную к этому селу. Более того, один участок села, на котором сейчас стоят около десяти частных жилых домов и общественные постройки, в настоящее время тоже находится на землях отгонного животноводства. Это означает, что все стоящие на этом участке постройки могут быть признаны незаконными. Еще 30 декабря 1991 г. распоряжением Совета министров ДАССР эти земли (общей площадью 200 га) были переданы из колхозов горных районов Тамазатюбинскому сельсовету. Однако в 2000-е гг. при проведении землеустроительных работ это распоряжение, как утверждают в сельской администрации, учтено не было. Глава Тамазатюбинского

сельсовета 26 августа 2011 г. направил письмо в Минимущества Дагестана с просьбой решить данный вопрос. Жители Тамазатюбе, ожидая ответа Минимущества, говорят о том, как соседство с отгонниками повлияло на жизнь их села.

Житель села Тамазатюбе:

— Вот эта канава — граница. Это отгонные земли. Эта канава срезает вот эти дома. Это наше село, но отгонные земли. Тогда [отгонный] совхоз как-то по-дружески [поступил] — мы вам оставляем эту землю. Шесть-семь домов [стоят на отгонной земле], но там зерноток, склады — все это полностью остается на той стороне (т. е. на отгонных землях. — К. К.). У нас в селе земля передана муниципальному образованию, другой земли нет здесь... Неправильно сделали село, граница вовнутрь уходит. Наш скот идет на отгонные земли, у нас лощина, вода идет на наши земли и отсюда, и отсюда, болотистые места. Мы с отгонниками соглашения делаем (чтобы скот шел на пастбища через их земли. — К. К.) — жить-то надо как-то. Наше пастбище через 3 км — туда попасть можно только через отгонные. Это же неправильно. Земельный вопрос — очень щепетильный вопрос. В обмен мы не можем дать наши земли, потому что они арендованы, розданы. Наше село образовалось из девяти сел. Теперь земли этих сел у отгонников. Наши кладбища тоже там. Нам надо расширять село, мы под планы не можем давать [землю]. Создается семья — он здесь не строит. В основном в Западную Сибирь едут, сейчас и в Москву, из-за того что закон этот вышел, азербайджанцам не дают торговать [в Москве]. За последние 20 лет первые 3–4 дома стали строиться в последний год, это жилищные сертификаты помогли, до этого не строились.

Следует подчеркнуть, что Тамазатюбе не находится в конфликте с окружающими его отгонными селами. Между жителями Тамазатюбе и этих сел заключаются браки, имеется диалог между главами сел. Но сами отгонные земли жители села по сей день воспринимают как фактор, ущемляющий их интересы. Видимо, основной причиной для этого стала нерасторопность республиканских чиновников в исполнении решения о передаче селу участка отгонных земель. У нас нет сведений о том, много ли равнинных сел пострадали от подобного рода бюрократических ошибок. Ясно лишь, что такие явления вызывают весьма негативную реакцию жителей.

⁸ См., например, кумыкскую газету «Ёлдаш», 13 июня 2008 г.

Второе. Известны случаи (нам о них рассказывали жители кутанных сел Каякентского района), когда **власть равнинного района пытается ограничить застройку в кутанных селах**. Этого можно ожидать там, где кутанное село расширяется в сторону соседнего села, входящего в состав равнинного района. Жители некоторых таких кутанных сел заявляли, что перед строительством нового дома они должны получить «устное разрешение» районной администрации, несмотря на то что строить они собираются на отгонных землях, а не на землях района. Это может быть результатом деятельности глав (или бывших глав) равнинных районов, которые благодаря своим связям и личному влиянию «держат» район жестче, чем среднестатистический дагестанский районный глава. Также бывает, что и глава горного района не одобряет расширения зоны застройки в кутанном селе, мотивируя это необходимостью сохранить хорошие отношения с равнинным районом.

Третье. **Жители сел равнинного района нередко сдают свои участки пашни в аренду жителям соседних кутанных сел**. Это чаще наблюдается в тех кумыкских и ногайских селах, из которых достаточно большое количество жителей уезжает на заработки, главным образом в Западную Сибирь. Интересно объяснение жителей кутанных сел о мотивах такой аренды: им представляется более твердым юридический статус этих земель.

Житель села Цадах:

— Наши некоторые арендуют на 49 лет с последующим правом выкупа. Там земля не имеет отгонного статуса, там все понятно (выделено мной. — К. К.). Наши арендуют в Татаюрте (село рядом с Цадахом, проживают в основном кумыки и ногайцы. — К. К.) — несколько семей. Татаюртовцы — они в основном в Тюмени, едут туда на заработки. Те, кто не хочет свою землю обрабатывать по какой-то причине, — у них наши арендуют, новокаринцы (Ново-Кара — село в составе Бабаюртовского района, населено аварцами и даргинцами. — К. К.) арендуют, с Махачкалы приезжают люди и арендуют.

Земельными вопросами общение с равнинным районом не ограничивается. Институтом, обеспечивающим связь кутанных поселений с равнинным районом, является **полиция**. Участковые, отвечающие за кутаны, относятся к ОВД равнинных районов. Жители кутанов там практически не служат. В зону ответственности участкового редко

входит только одно кутанное село. Впрочем, в Дагестане сейчас идет большая ротация кадров в территориальных органах полиции, значительная часть личного состава многих ОВД формируется не из местных жителей. Так что говорить о полицейских как о представителях равнинного района на кутанах можно только с большой натяжкой.

Еще один вопрос, который решить можно только через равнинный район, — это получение **кредитов**. За ними надо обращаться в отделения банков по месту фактического проживания. С кредитами, по мнению переселенцев с гор, у них возникают особые сложности:

Глава кутанного села:

— *Малых предпринимателей кредитование — через район. Но там тому надо отдать, тому, никто за это не берется. Я своему племяннику хотел, он действительно занят малым предпринимательством. Не работает парень. Сделал бизнес-план, все прочие дела. Он сварщик, ворота делает. Я подошел, спрашиваю — для него какой-то стартовый капитал надо. Религиозный парень, ничего лишнего никогда. Этот центр [поддержки предпринимательства] — считается, что они помогают безвозмездно. Мы понимаем, почему мы ее [помощи по кредитам] не получаем. Там надо и там отдавать, и там. 20 тыс. с лишним рублей уходит на это дело. Но нам там вдвойне тяжело получить, потому что они в первую очередь своих должны обслуживать.*

Безусловно, не работает на укрепление связей с равнинным районом **исламский фактор**. В подавляющем большинстве кутанных сел имамы мечетей — из горных районов. Их связь с имамом равнинного района может быть совершенно формальной. Более того, имеются случаи, когда имамы мечетей кутанных сел, будучи сторонниками суфизма, тем не менее не признают суфийских шейхов, популярных в соответствующем равнинном районе, и даже называют их «муташейхами» (лжешейхами).

Особую проблему составляет взаимодействие глав кутанных сел с самоуправлением равнинного района. Ряд опрошенных нами глав жаловался на то, что, например, по вопросам борьбы с преступностью такого взаимодействия не получается.

Глава кутанного села:

— *Я предлагал — соберите хоть раз, мы же вместе живем, у нас общие проблемы. Кража скота — безусловная проблема. И таких*

проблем много. Вот статистика есть — местные столько совершили преступлений, горные — столько. Это же все через кого-то можно решить, есть люди старшие... Никто не захотел. Если он (глава равнинного района. — К. К.) хочет мира и спокойствия на своей территории — это же зависит в том числе и от нас. Собери нас. Мы от него никакой помощи, ничего не хотим. С [равнинным] районом отношений никаких нет, абсолютно.

Для глав сел равнинных районов, очевидно, важен контакт с главами отгонных сел и хозяйств. Предметом этих контактов они видят, например, поддержание порядка в среде молодежи, а также контроль за тем, чтобы скот одного хозяйства не заходил на земли другого. Контакты такого рода в целом имеются. Например, глава села Тамазатюбе отмечал, что контактирует с главой одного из соседних отгонных сел, а также с заместителем главы Лакского района, курирующим работу отгонных хозяйств (в окрестностях Тамазатюбе есть несколько отгонных хозяйств именно из этого района).

3.8. Конфликты вокруг отгонных земель и их внеправовое урегулирование

Данный раздел целиком посвящен одному локальному, но довольно широко известному конфликту вокруг отгонных земель, а именно земель в районе села Львовское-1 Бабаюртовского района. Этот конфликт может дать многое для понимания ситуации на отгонных землях в целом. Во-первых, его ход показывает некоторые неформальные пути решения земельных вопросов, которые используются в наши дни. Во-вторых, конфликт довольно сильно «раскручен» в дагестанских СМИ, что позволяет понять, какие именно аспекты проблем отгонных земель вызывают медийный интерес.

Речь идет о конфликте вокруг 634 га земель близ села Львовское-1. Эти земли находятся на дне высохшего озера Кала-Коль и используются в основном в качестве пастбищ. Кутанных сел на этих землях нет, однако в 1962 г. три хозяйства Казбековского района (район на северо-западе горной части Дагестана; населен аварцами) распоряжением Совета министров ДАССР получили там пастбища. Жители Львовского-1 (кумыки; в селе около 350 дворов) ссылаются на то, что еще в 1937 г. эта земля была передана местным хозяйствам и Государственный акт

о ее передаче не отменен. Таким образом, и горные хозяйства, и жители Львовского-1 считают землю «своей». В 2000-е гг. со стороны казбековцев неоднократно звучали претензии по поводу того, что львовцы без разрешения пасут свой скот на спорных пастбищах. Их претензии приводили к ответным акциям в Львовском-1, для успокоения которых туда приходилось выезжать высоким республиканским чиновником.

Ситуация дополнительно обострилась летом 2010 г., когда распоряжением правительства Республики Дагестан спорные земли были переданы хозяйствам Казбековского района в аренду на 49 лет. Серьезный инцидент произошел 13 декабря 2010 г. Тогда в районе села произошла массовая драка с участием местных жителей и казбековцев. В результате драки два человека были доставлены в больницу, также были сожжены временная постройка и несколько единиц сельхозтехники. Еще одна драка случилась 14 июня 2011 г.⁹ По информации МВД Дагестана, конфликт произошел между львовцами и работниками казбековских сельхозпредприятий, следовавшими на автомашинах к землям своих хозяйств для сенокоса. Завязалась перестрелка, один житель Львовского-1 был госпитализирован с огнестрельным ранением. В 2011 г. Минимущества Дагестана предложило казбековским хозяйствам в обмен на земли Кала-Коля пастбища в других районах республики. Переговоры об этом продолжаются и, по данным дагестанских СМИ¹⁰, идут негладко. При этом существуют протоколы общих собраний всех трех казбековских хозяйств, в которых содержатся решения о согласии на обмен земель Кала-Коля на земли в Хасавюртовском районе. Эти протоколы датированы апрелем—маем 2011 г. Мотивом для такого решения в одном из протоколов указано «исключение конфликтов с жителями села Львовское-1».

Данный конфликт примечателен не только тем, что привел к силовым столкновениям (в целом нередким в сельской местности Дагестана, причем не только на отгонных землях). Многие детали конфликта показывают, что его участники готовы прибегать к нестандартным путям защиты своих интересов. Приведем лишь некоторые из них.

Первое. Горцев, выезжающих на спорные отгонные земли, сопровождают сотрудники ОВД горного района. Так было, по данным СМИ,

⁹ Зона противостояния // Новое дело. 17 июня 2011 г.

¹⁰ Как решают спор // Новое дело. 12 августа 2011 г.

по крайней мере во время инцидента в июне 2011 г. Даже если эта мера была вынужденной, факт состоит в том, что силовики выезжают на территорию района, формально находящегося вне зоны их ответственности, чтобы защитить «своих».

Второе. Осенью 2010 г. на спорных землях появились горцы-арендаторы — одно хозяйство Казбековского района (не из числа тех трех хозяйств, которым первоначально были предоставлены эти земли) и одно хозяйство Ботлихского района. Как рассказывают источники во Львовском-1, сначала взять пастбища в аренду им предложили, видимо, казбековские хозяйства, конфликтующие с львовцами. Однако позже, по тем или иным причинам, новые арендаторы предпочли установить отношения и с Львовским-1. В результате 4 и 5 ноября 2011 г. эти два хозяйства подписали с львовцами соглашения (копии соглашений были предоставлены кумыкским общественникам Махачкалы общественным советом села Львовское-1). На одном из соглашений значится место его подписания — «мечеть сел. Львовское». Со стороны Львовского-1 договор заключили «представители джамататского совета» села, со стороны арендаторов — лица, обозначенные как «представители сел». Предметом договора названа «бывшая территория озера Кала-Коль», то есть непосредственно спорный участок, который, напомним, относится к землям отгонного животноводства и сдавать который в аренду по республиканскому закону может только Минимущества.

Таким образом, запутанность земельных конфликтов на землях отгонного животноводства, помноженная на сложность решения любого вопроса, касающегося этих земель, создает там, пусть и в зачаточном виде, альтернативные механизмы «местного права». Вертикали правоохранительных органов и монополии Минимущества в решении земельных вопросов противопоставлено использование силовиков для защиты своих соплеменников и заключение соглашений между общинами без учета формального юридического статуса тех земель, о которых идет речь. **Эти внеправовые альтернативы имеют шанс возникнуть и развиваться именно там, где государство длительное время показывает свою неспособность разрешать имеющиеся спорные ситуации, по сути — проигрывая на «рынке» урегулирования конфликтов.**

3.9. Отгонные земли: варианты будущего

Из всего сказанного очевидно, что жители кутанных сел испытывают сегодня значительные трудности в связи со статусом сел, в которых они живут, и статусом земель отгонного животноводства. Для коренных жителей районов, на территории которых находятся земли отгонного животноводства, наличие этих земель также создает определенные проблемы. В сегодняшнем Дагестане понимание этого приводит к поиску путей изменения статуса кутанных сел и отгонных земель. По каждому из возможных путей необходимо не только его экономическое обоснование, но и просчет политических рисков.

Теоретически возможны и реально обсуждаются три варианта изменения статуса отгонных земель в региональном масштабе.

Первый вариант: **включение кутанных селений и земель отгонного животноводства в равнинные районы.** «Плюс» этого варианта в том, что он даст сегодняшним «отгонникам» возможность решать максимальное число вопросов, важных для их жизни, на уровне районов, на территории которых они находятся. «Минус» для жителей кутанных сел в том, что им придется заново выстраивать отношения с новой для себя «властью», то есть с равнинным районом. Социологических опросов жителей кутанных сел об их отношении к переходу в равнинный район не проводилось, однако собранные нами интервью позволяют предположить, что отношение это неоднозначно, оно может быть разным в разных кутанных селах. При этом вхождение кутанных сел в равнинный район явно противоречит интересам руководства как равнинных, так и горных районов. Для руководства равнинных районов включение в их состав кутанных селений — это изменение сложившегося в районе баланса интересов, что может грозить и изменением распределения руководящих постов в районном самоуправлении. Для руководства горных районов такое решение — это утрата возможности влиять на судьбу равнинных земель, а также потеря контроля над определенными финансовыми потоками (финансирование амбулаторий, школ районного подчинения на кутанах и т. п.). Некоторые из глав горных районов вместе с кутанными селами лишатся существенной части своего электората, что немаловажно в тех районах, где идет острая борьба за пост главы.

В связи с таким вариантом решения проблемы отгонных земель можно сделать еще одно замечание: даже без включения в равнинные районы кутанных сел соотношение численности населения в ряде равнинных районов в последние годы продолжает меняться в пользу выходцев с гор. В качестве примера приведем данные Министерства образования и науки Дагестана об учащих, изучающих те или иные дагестанские языки в качестве родного в школах Бабаюртовского района в 2006–2007 учебном году. Среди учащихся 1989–1991 годов рождения аварский изучали тогда 13,3%, а кумыкский – 78,0%. Среди учащихся 1998–2000 годов рождения пропорция была иной: аварский – 20,7%, кумыкский – 71,9%. Схожая тенденция, по данным того же источника, наблюдается, например, в Тарумовском районе: там среди учащихся 1989–1991 годов рождения аварский изучали 48,4%, а ногайский – 32,5%; среди учащихся 1998–2000 годов рождения аварский изучали уже 63%, ногайский – 17,5%. В Каякентском районе пропорция менялась в пользу изучающих даргинский язык. Среди школьников 1989–1991 годов рождения там кумыкский изучали 51,5%, даргинский – 45,1%; среди школьников 1998–2000 годов рождения кумыкский изучали 47,1%, даргинский – 49,2%. Таким образом, среди учеников младших классов доля изучающих горские языки была выше, чем среди старшеклассников. Эти косвенные данные позволяют предположить рост доли детей горцев в общей численности детей в равнинных муниципальных образованиях (хотя «вклад» в эти цифры могли внести и дети из кутанных поселений, посещающие школы равнинных районов – в разделе 3.5 мы видели, что в ряде случаев дети «отгонников» пользуются такой возможностью). По предварительным данным органов статистики, в Бабаюртовском районе рост численности аварцев по переписи 2010 г. по сравнению с переписью 2002 г. составил 14,6%, что выше, чем у других народов в этом районе. То есть изменение национальных пропорций в равнинных районах, по-видимому, идет и без включения в их состав кутанных сел. Получается, что **включение кутанных сел в равнинные районы не перевернет имеющиеся демографические тенденции, а, напротив, усилит их.**

Второй вариант: **включение кутанных селений и земель отгонного животноводства в состав горных районов.** Этот вариант не изменит муниципальный статус тех кутанных сел, которые уже входят в горные

районы, и наделит таким же статусом прочие кутанные села. Однако, если села будут передаваться горным районам «вместе с землей» (что само по себе проблематично в свете российского законодательства), это обострит имеющиеся земельные споры: если спорные земли будут передаваться другим муниципальным районам, это фактически зафиксирует их потерю коренными жителями равнины. Кроме того, наши наблюдения показывают, что такая перспектива приветствовалась бы далеко не всеми жителями кутанных сел. В тех селах, чьи проблемы глава горного района фактически не занимается, эта идея вряд ли вызовет энтузиазм (отметим, что в ходе нашей полевой работы выяснилось существование достаточно крупных кутанных сел, которые глава горного района ни разу за время своей работы не посетил).

Третий вариант: **создание на землях отгонного животноводства новых муниципальных районов, с включением туда кутанных сел.** Этот вариант совмещает в себе риски первого и второго вариантов. Действительно, как и первый вариант, это будет проигрышем для глав горных районов. Как и второй вариант, это может привести к обострению земельных споров. Встанет и вопрос «дележа портфелей». Отметим, что однопациональные районы, скорее всего, не удастся создать: кутанные поселения разных народов нередко расположены на равнине вперемешку.

Итак, каждое из возможных решений может встретить серьезное противодействие со стороны тех или иных заинтересованных сил и вызвать конфликты. Поэтому рекомендовать какой-либо из этих вариантов к исполнению вряд ли возможно. А это значит, что оздоровление ситуации на отгонных землях может идти только в режиме «ручного управления», путем решения локальных проблем, путем конкретных шагов по улучшению ситуации в конкретных селах. Однако, помимо вопроса о том, готова ли к такой работе республиканская власть, важно прогнозировать, как может в ближайшее время развиваться общественно-политическая ситуация вокруг отгонных земель, кто и как готов использовать их проблемы в качестве своего политического «ресурса». Представляется, что политизация проблем отгонных земель может идти (отчасти уже идет) параллельно с политизацией проблем, возникающих в других частях дагестанской равнины, куда

также переселялись горцы. В следующем разделе мы кратко рассмотрим проблемы таких территорий, после чего вернемся к вопросу о политических рисках, связанных с миграцией горцев.

4. НОВЫЕ ГРАЖДАНЕ РАВНИНЫ: ГОРЦЫ В СЕЛАХ РАВНИННЫХ РАЙОНОВ

4.1. «Жертвы двойной депортации»

История многих равнинных сел Дагестана связана со сталинской депортацией чеченцев. В 1944 г. многих жителей Дагестана переселили на земли, которые чеченцы заселяли до депортации. Основанием для переселения на территорию ликвидированной ЧИАССР стало постановление Совнаркома СССР от 9 марта 1944 г. «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР». Целью было сохранение сельского хозяйства на этих территориях. Переселение шло как в равнинные районы Дагестана, где до депортации имелось чеченское население, так и на территорию нынешней Чечни. Это переселение подчас могло быть сравнимо по драматизму с самой депортацией чеченцев, особенно когда жителей гор заставляли переселяться в абсолютно непривычные для них климатические условия. Согласно данным, приводимым в М.-Р. А. Ибрагимовым¹¹, с марта по август 1944 г. на новые места жительства была переселена примерно пятая часть всего тогдашнего населения горного Дагестана: 16 100 хозяйств из 21 горного района, причем 144 населенных пункта были переселены полностью и 110 – частично. Число переселенных жителей, по архивным данным, составило около 62 тысяч человек. Переселению подвергались представители аварцев и родственных им этнических групп, а также даргинцев, лакцев и кумыков. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 июня 1944 г. «О территориально-административном устройстве Дагестанской АССР» на территории ликвидированной Чечено-Ингушетии

образовывались четыре района, включаемых этим указом в состав Дагестана: Андалальский, Веденский, Ратлибский и Шурагатский. Переселение с гор Дагестана шло в эти районы, а также в Новолакский район Дагестана, сформированный на территории бывшего Ауховского района Дагестана, где проживали чеченцы-аккинцы (подробно о Новолакском районе см. ниже). Исследователи приводят немало свидетельств фактически насильственного характера этих переселений¹².

Второй акт этой драмы начался в 1957 г. Шестая сессия Верховного Совета СССР 11 февраля 1957 г. приняла закон «О восстановлении национальной автономии Чечено-Ингушской АССР». Чеченцы по этому закону получили право на возвращение и постепенно возвращались к местам проживания до депортации. Согласно архивным документам, на 20 мая 1960 г. в Дагестан возвратилось 3 514 чеченских семей (15 248 чел.)¹³. Территории Дагестана, на которых разрешалось расселение возвращающихся чеченцев, определялись постановлениями Совета министров Дагестанской АССР. Первое постановление на эту тему, «О переселении чеченского населения из Киргизской и Казахской ССР и хозяйственном устройстве чеченского населения в республике», было принято Совмином ДАССР 16 июля 1958 г. Планы по возвращению дагестанцев из Чечено-Ингушетии утверждались рядом постановлений Совета министров и бюро обкома КПСС ДАССР летом 1957 г.¹⁴ Совместное проживание вернувшихся из депортации и переселенных в 1944 году на их место было затруднительно потому, что не всем хватило бы жилья и земли. Из этой ситуации в разных селах выходили по-разному. Некоторые дагестанцы, переселенные в 1944 г., переместились теперь в другие населенные пункты восстановленной Чечено-Ингушской АССР, преимущественно на север республики. Например, часть переселенцев из Цумадинского и Цунтинского районов Дагестана в 1957 г. оказалась в станице Бороздиновская Шелковского района, включенного в том же году в состав ЧИАССР. В некоторые местности, куда в 1944 г. переселили дагестанцев, чеченцам в 1957 г. вернуться практически не удалось – национальный состав таких территорий в 1957 г. не изменился. Так случилось, например, с Ново-

¹² М. Р. Курбанов, Ж. М. Курбанов. Народы Дагестана: история депортации и репрессий. Махачкала: Лотос, 2009. С. 197 сл.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 233.

¹¹ М.-Р. А. Ибрагимов. Депортации населения Дагестана в 1941–1944 годах // Ю. Алиев, А. Гаджиев. Беспамятство смерти подобно. Махачкала, 2010. С. 5–21.

лакским районом Дагестана. Наконец, часть дагестанцев вернулась из Чечено-Ингушетии в Дагестан, однако расселялись они не только на своей малой родине в горах, но и на равнине.

По данным М. Р. и Ж. М. Курбановых¹⁵, с июня по 1 ноября 1957 г. из Чечено-Ингушетии в Дагестан были перемещены 11 884 хозяйства. Из них 7502 хозяйства были переселены на равнину, а 4382 хозяйства — в горы. Оставшиеся 1908 хозяйств были переселены в конце 1957—начале 1958 гг. Те, кого переселяли в горы, направлялись почти исключительно в свои родные районы. На равнину переселение шло в основном в двух направлениях — в дагестано-чеченское приграничье, прежде всего в Хасавюртовский район (на 1 ноября 1957 г. в этот район были переселены 3883 хозяйства при плане в 4006 хозяйств), и на приморские территории между Махачкалой и Дербентом, в основном в Каякентский район (на 1 ноября 1957 г. в этот район было переселено 1109 хозяйств, в точном соответствии с планом переселения). Чаще всего создавались новые переселенческие села, но в ряде случаев переселенцы из Чечни подсалялись в села, где жили кумыки и ногайцы. Так случилось, например, с даргинцами в Костеке (Хасавюртовский район) и Новокаякенте (Каякентский район), с аварцами в Аксае (Хасавюртовский район) и Бабаюрте (Бабаюртовский район).

Появление в равнинном Дагестане переселенцев из Чечни почти совпало по времени с появлением переселенческих сел, жители которых в плановом порядке перешли на равнину, «минуя Чечню», непосредственно с дагестанских гор. Речь в данном случае идет не о кутанных селах, а о переселенческих селах, с момента возникновения официально включенных в равнинные районы. Например, в Хасавюртовском районе в 1952 г. появилось село Куруш, населенное лезгинами из нескольких сел Южного Дагестана.

Поэтому можно сказать, что «вторая депортация», то есть переселение из Чечни обратно в Дагестан, было лишь одним «ручейком» в потоке миграций, обрушившемся тогда на дагестанскую равнину. Однако именно память о миграции из Чечни приобретает сегодня в Дагестане особое политическое звучание. Она регулярно упоминается в обращениях дагестанских общественных организаций, прежде всего кумыкских. Кумыкские общественники и публицисты говорят о про-

явленных их народом гостеприимстве и готовности к территориальным уступкам во время переселения дагестанских горцев из Чечни. Процитируем обращение кумыкских общественников к президенту РФ Дмитрию Медведеву, размещенное в интернете в 2008 г.¹⁶: «Кумыки тогда отозвались, искренне желая помочь людям, попавшим в беду. Видя тяжелое положение переселенцев, сочувствуя им, кумыки помогали всем, чем могли. Кумыкские хозяйства передавали безвозмездно движимое и недвижимое имущество, зерно, корма, строительные материалы и многое другое». Логика многих выступлений кумыкских общественников такова: мы оказали помощь братьям в трудный момент и вправе рассчитывать сегодня на ответное содействие.

Межэтнические отношения в местах расселения «дважды депортированных» составляют особую проблему, потому что за ними, кроме конкретных территориальных споров, стоит историческая память народов о событиях середины XX в. Разные образы прошлого, наслаиваясь на современные территориальные споры, способны увеличить их остроту, снабдить их дополнительными смыслами. Именно такая опасность реально возникла в 1990-е гг. в некоторых селах Дагестана. Два достаточно известных примера такого рода мы и рассмотрим.

Села Костек и Новый Костек

Село Новый Костек Хасавюртовского района населяют даргинцы, которые переселились туда в 1957 г. Это были выходцы из горного села Санамахи, ныне пустующего и разрушенного (находилось на территории теперешнего Левашинского района). Память о родовом селе хранится в названии коммерческой фирмы «Сана», здание которой с крупной вывеской находится у въезда в Новый Костек. В 1944 г. жители Санамахи в рамках описанных выше переселенческих мероприятий в полном составе были спущены с гор на территорию нынешнего Курчалоевского района Чечни. Земли, куда их переселяли, опустели после депортации чеченцев и были присоединены к Дагестану, войдя в состав новообразованного Шурагатского района ДАССР. О жизни там санамахинцев и об обстоятельствах их второй миграции в 1957 г. рассказывает письмо, которое они направили 23 января

¹⁵ Там же. С. 234–235.

¹⁶ Сайт kumukia.ru. 12.07.2008.

1957 г. в адрес Шестой сессии Верховного совета СССР¹⁷. Ниже процитированы (с сохранением стилистики и пунктуации) фрагменты этого письма:

«Нет надобности описывать все трудности, с которыми нам пришлось встретиться во время и после переселения, как с климатическими условиями, от которых умерли более 630 человек только наших колхозников, так и с материальными трудностями. В момент переселения нас на новое место жительства у чеченцев мы нашли только лишь 15 га посеянных озимых, не нашли ни сельхозинвентаря для обработки почвы, ни семян для посева, ни животноводческих помещений для общественного животноводства, ни складских помещений для хранения зерна, не говоря о культурных учреждениях...

Мы знаем, что с восстановлением ЧИАССР будет восстановлена их литература, печать, радио, школы на чечено-ингушских языках, а мы даргинцы... теряем всякую связь с основной частью даргинского народа...

Нам говорят, что чеченцы будут возвращаться в плановом порядке. Что их будут вселять в те места, где испытывается нужда в рабочей силе, но это на практике совершенно получается по-иному. Чеченцы именно приезжают в те места, откуда они были выселены. К нам уже приехало более 40 хозяйств, каждый день продолжают прибывать по 7-8 хозяйств... А наш колхоз не нуждается в дополнительной рабочей силе, а имеется даже избыток. Поэтому практически нельзя принять их в колхоз и трудоустроить...

Если по какой-либо причине невозможно оставить наш район в составе ДАССР, то мы настоятельно просим, чтобы нас организованно переселили на территорию Дагестана, выделив для этой цели средства, предусмотренные для строительства жилых домов для чеченцев, так как чеченцам мы возвратим те дома, в которых мы живем... Заявляем, что в случае отказа организованного переселения нас на территорию Дагестана мы сами решим нашу судьбу, как нам заблагорассудится».

В августе – сентябре 1957 г. санамахинцы вместе с другими горцами переселились из Чечено-Ингушетии в Хасавюртовский район Дагестана. В архиве Новокостекской сельской администрации хранятся акты передачи имущества колхоза имени Ленина в колхоз, в состав

¹⁷ Архив Новокостекской сельской администрации.

которого вошли санамахинцы. Сотрудники администрации сегодня так объясняют необходимость хранения этих документов:

«Есть такие люди, которые говорят, что мы просто так здесь появились, начали хватать, без наследства, без ничего, на самом деле вот этим документом мы показываем и доказываем, что мы приехали сюда не с пустыми руками».

То есть в этих документах видится обоснование своей позиции в современных земельных спорах.

В отличие от многих других дагестанцев, переселявшихся тогда же из Чечено-Ингушетии, санамахинцы в момент переселения не получили на территории Дагестана своего отдельного села и колхоза или совхоза. Вместо этого они поселились в кумыкском селе Костек, в колхозе которого для них было создано свое отделение (сейчас это село неофициально часто называют «Старый Костек», в отличие от даргинского Нового Костека). Первоначально даргинцы получили возможность селиться в кумыкских домах – в каждом доме кумыкам выделялось по одной комнате. Весной 1958 г. даргинцам была выделена территория для строительства. При этом сельсовет и колхоз остались едиными, на руководящих должностях были представители как кумыков, так и даргинцев. Пожилые жители Старого и Нового Костека сейчас согласны в том, что до распада СССР взаимоотношения между ними ничем не омрачались.

Житель села Новый Костек:

– Было создано отделение колхоза на базе Нового Костека. Старый Костек выступал как центральная усадьба. И с 1957 года вплоть до начала национальных движений, это 1989 год, никаких разногласий (между Старым и Новым Костеком) не было. Одно время председатель сельсовета был даргинец, одно время кумыки были. Особое значение это в то время не имело. Кто бы там ни был, такого значения не придавалось. Председатели колхоза тоже менялись.

Житель села Старый Костек:

– До 1993 года я не видел, чтобы народы жили так близко и мирно, как у нас. Любое горе, любая свадьба – мы у них, они у нас. С 1957 года они до двух лет жили у нас в каждой семье. Вот так все было, когда в один момент за речкой планы (участки под строительство. – К. К.) распределять начали.

Конфликт начался с того, что в 1989 г. кумыкам было выделено не менее 76 земельных участков под частное жилищное строительство в непосредственной близости от даргинской части села (на территории, отделенной от нее автомобильной дорогой). Решение о выделении участков принял костекский сельсовет, однако, как заявили тогда представители даргинской общины, на его заседании отсутствовал кворум (сельсовет был сформирован из даргинцев и кумыков практически на паритетных началах). Участки, на которых началось строительство, отделяли даргинскую часть Костека от пахотных земель, закрепленных за даргинским отделением костекского колхоза.

Реакция даргинского населения села на это решение была крайне негативной. Уже к 1991 г. это привело к фактическому расколу села по национальному признаку. При этом большинство инфраструктурных и социальных объектов — животноводческий комплекс, механические мастерские, строительная база, склады, почта, аптека и т. д. — тогда располагалось только в кумыкском Костеке, где была центральная усадьба колхоза.

Житель села Новый Костек:

— С начала конфликта в общем колхозе ничего не работало. Когда начались эти конфликтные ситуации, там, где граница, фактически село было отрезано от всей остальной земельной площади. Новокостекское отделение ничего не сеяло. Дорога, ведущая в поле, которая существовала до конфликта, была перекопана, и въезд на полевые площади со стороны Нового Костека был перекрыт.

Решение о создании отдельного сельсовета в селе Новый Костек было принято президиумом Верховного Совета Дагестана 5 мая 1993 г., в ответ на требование схода костекских даргинцев разделить Костек на два села. С тех пор два села «официально» разделились. (По данным административных органов Хасавюртовского района, в 2007 г. численность населения в Старом Костеке составила 5 330 человек, в Новом Костеке — 4 176 человек.)

Тем не менее в мае 1993 г., сразу после разделения двух сел, ситуация стала стремительно ухудшаться. Тогда группа молодежи Нового Костека предприняла атаку на строящиеся на выделенных участках дома. Пролилась кровь: был убит один житель Старого Костека, были раненые и с другой стороны. Как утверждают жители Нового Костека,

на участках, которые стали причиной раздора, к тому моменту уже активно велось строительство. Жители Старого Костека, вспоминая те события, указывают на то, что новокостекцам в пределах общего села ранее было выделено большое количество участков:

Житель села Старый Костек:

— Когда нашим выделили первые 2–3 участка, до этого им (новокостекцам. — К. К.) выделялось около 200 участков. И Старый Костек ни разу не сказал: «Почему им столько даете?» А там они давали не только своим, много было людей с города (Хасавюрта. — К. К.), которые получили. И тогда не было спора между нами.

После событий мая 1993 г. республиканские власти стали заниматься костекской проблемой более серьезно. При их посредничестве начались переговоры между уполномоченными представителями двух сел. Соглашение было достигнуто 15 июля 1993 г. По нему представители Нового Костека соглашались на строительство домов на участках, предоставленных жителям Старого Костека. Представители Старого Костека, со своей стороны, соглашались на раздел совместного совхоза, с созданием отдельного хозяйства в Новом Костеке. Также в тексте соглашения было оговорено, что земли и поголовье скота, изъятые у костекского хозяйства в 1960-е гг. в пользу хозяйств других районов, должны быть возвращены. В соответствии с данным соглашением, Госсовет Дагестана 29 сентября 1994 г. принял решение о создании в Новом Костеке отдельного хозяйства. В ведение администрации Нового Костека было передано 350 га земли, ранее закрепленные за новокостекским отделением общего совхоза. От самого села эти земли отделены полосой тех самых конфликтных участков, на которых находятся постройки жителей Старого Костека. В постановлении Госсовета говорилось, что земли передаются «в целях обеспечения занятости населения, до окончательного раздела хозяйств».

Дальнейших решений по выделению земли администрации Нового Костека или какому-либо хозяйству этого села после 1994 года принято не было, если не считать возврата хозяйствами соседних сел 250 га, которые в советское время изымались в их пользу от костекского совхоза (в настоящее время земли Нового Костека частично обрабатываются местным сельхозпредприятием, частично находятся в аренде у местных жителей; там разводят в основном пшеницу и рис).

Собственная инфраструктура в Новом Костеке создавалась довольно медленно. В селе так и не завершено строительство нового школьного здания, из-за этого, по данным сельской администрации, в 2010–2011 учебном году из 130 детей, которые должны были пойти в первый класс, пошли только 100, а всего из 1 080 детей школьного возраста школу посещали около 800. Нерешенность социальных вопросов заставила правительство Дагестана постановлением от 1 августа 2006 г. вновь создать комиссию по костекской проблеме.

Вероятность негативного сценария во взаимоотношениях между селами возросла, когда в 2004 г. главой Хасавюртовского района стал представитель Старого Костека Алимсолтан Алхаматов, имевший большой вес в кумынской элите (был убит в Москве в сентябре 2009 г.): с этого момента, независимо от воли Алхаматова и его односельчан, любое решение районной власти, так или иначе затрагивающее интересы Нового Костека, неизбежно воспринималось в свете конфликта этих двух сел и, шире, в свете межнациональных отношений. В 2007 г. попытка новокостекцев самостоятельно произвести разбивку участков под строительство привела к новому крупному конфликту (по словам новокостекцев, они не могли решить вопрос о выделении участков с руководством района; эта была прерогатива района, поскольку разграничения собственности на землю в Хасавюртовском районе произведено не было). Остроту приобрел и вопрос о рынке, который жители Нового Костека организовали на своей территории в 1994 г., после того как в 1993 г. они перестали пользоваться рынком, работающим по воскресеньям в Старом Костеке. По утверждению новокостекцев, руководство Хасавюртовского района в 2000-е гг. по разным причинам пыталось закрыть этот рынок, однако торговля на нем все равно продолжалась. (На рынках, организуемых дагестанскими селами на своей территории, обычно торгуют как местные, так и приезжие; формальным организатором рынка выступает коммерческая структура, однако обычно доходы от аренды торговых мест реально идут в сельский «фонд», используемый для оплаты различных работ по благоустройству села.)

По состоянию на весну 2011 г., вопрос о земельном «разводе» сел Костек и Новый Костек решен не был. Новый Костек по-прежнему ждет выделения ему дополнительных земель и связывает окончательное

разрешение конфликта именно с этим. Что касается жителей Старого Костека, то в их сегодняшних рассуждениях по поводу конфликта между селами стоит выделить два момента. Во-первых, представители села высказывают уверенность, что конфликт был спровоцирован извне, причем виновными в его разжигании они видят лидеров национальных движений, которые в первой половине 90-х активно защищали интересы горцев на равнине (отметим, что это были не даргинские движения).

Житель села Старый Костек:

— Они нас столкнули. Они привезли сюда оружие... Представь себе, вот эта драка (в мае 1993 г. — К. К.) идет, еще в [Старом] Костеке не знает никто, что эта драка получилась. Знают только те, кто на планах работал, наше село еще не знает об этом. И тут колонна едет, с соседнего колхоза, вооруженные. Наши останавливают их: «Вы что, куда?» «Мы на маслихат (мирные переговоры, достижение согласия. — К. К.) едем», — говорят. «А вы откуда знаете [что у нас тут случилось]?» — наши спрашивают. В пять минут сказали им развернуться, уйти. Это была заранее спровоцированная вещь. Тот, кто это спровоцировал, хотел потом появиться как миротворец.

Во-вторых, признавая необходимость земельного компромисса, старокостекцы все же подчеркивают, что исходным правом на земли, закрепленные некогда за единым Костеком, обладают коренные жители. В обоснование этого они ссылаются на нормы шариата и суждения авторитетных в Дагестане религиозных деятелей.

Пример сел Новый Костек и Старый Костек ясно демонстрирует несколько особенностей земельных конфликтов в селах дагестанской равнины, в которых живут горские народы, переселившиеся туда «через Чечню». Там имеет место столкновение двух взглядов на события 1950-х гг. — точки зрения переселенцев и точки зрения коренных обитателей равнины. Это вовсе не абстрактные дискуссии о прошлом, потому что события тех лет служат аргументом в современных земельных спорах. Возможно, именно по этой причине земельные споры в таких селах оказываются столь острыми. Также очевидна неспособность районных структур местного самоуправления и органов республиканской власти оперативно решать имеющиеся конфликтные вопросы. Как показывает костекский опыт, даже локальный земельный вопрос

может более десятка лет оставаться фактически неразрешенным, несмотря на все подписываемые соглашения. Кроме того, конфликты такого рода легко «встраиваются» в контекст взаимоотношений между национальными движениями, национальными элитами, тем самым фактически выходя на республиканский уровень¹⁸.

Поселок Тарки

Земельная история поселка Тарки и соседних с ним поселков Альбурикент и Кяхулай, входящих сейчас в состав города Махачкалы, во многом нетипична для Дагестана. Однако именно проблему этих поселков, населенных кумыками, наиболее активно поднимают сегодня дагестанские общественники, стремящиеся формулировать земельную доктрину от имени кумыкского народа. Именно злоключения жителей Тарки являются основным предметом публичных выступлений таких лидеров, а также публикаций близких им по духу СМИ. Быть может, одна из причин этого состоит в том, что в XV—начале XIX вв. в Тарки была столица крупного по меркам Северного Кавказа государства — Тарковского шамхальства, расцвет которого кумыкские историки рассматривают как «золотой век» своего народа.

Ситуация вокруг поселков Тарки (17 162 жителя по данным переписи 2010 г.), Альбурикент (15 695 жителей) и Кяхулай (6 953 жителя) примечательна тем, что в ходе серии переселений в XX в. их жители, благодаря стечению ряда обстоятельств, лишились практически всех закрепленных за ними сельхозземель, не считая личных огородов. Сейчас у населения этих поселков нет другой альтернативы, кроме поиска работы в Махачкале, так как отсутствуют земли, на которых можно было бы заниматься сельскохозяйственным производством. Остроту ситуации придает тот факт, что именно земли, некогда принадлежавшие таркинцам, после распада СССР были задействованы в некоторых территориальных «обменах», в которых сами таркинцы уже не участвовали.

Постановлением Совнаркома Дагестанской АССР от 12 апреля 1944 г. жители Альбурикента, Кяхулая и Тарки, общей численностью

около 3000 человек, были переселены в села Хасавюртовского района, откуда двумя месяцами ранее были депортированы чеченцы. (О переселении дагестанцев на территории, освободившиеся в результате депортации чеченцев, см. выше в настоящем разделе.) Постановление о переселении в Хасавюртовский район было принято Совнаркомом Дагестанской АССР 12 апреля 1944 г. Земли трех поселков, согласно постановлению, отчуждались «как нефтеносные, а также для организации коллективных, индивидуальных огородов и подсобных хозяйств нефтяных, промышленных и транспортных предприятий». В 1957 г., когда чеченцы вернулись в Хасавюртовский район, жители трех кумыкских поселков переселились обратно на родину. Однако Совмин ДАССР не распорядился вернуть им 2 020 га земель к северу от Махачкалы, которыми они пользовались до выселения. Эти земли еще в сентябре 1944 г. постановлением Совнаркома ДАССР были переданы Махачкалинскому горсовету и хозяйствам трех горных районов¹⁹. Старейшины поселка Тарки поныне хранят государственный акт от 1937 г. о передаче этих земель таркинскому колхозу. Именно этот акт, по их мнению, обозначает тот земельный расклад, к которому необходимо вернуться. Спорные 2 020 га земель использовались таркинцами до переселения в Хасавюртовский район в качестве пашни (засеивались в основном пшеницей), а также для сенокоса. Кроме этих земель, три кумыкских колхоза имели земли, которые сейчас заняты жилыми кварталами Махачкалы (ранее на них помещались виноградники).

Земли, некогда принадлежавшие таркинскому колхозу, оказались в центре внимания в 1991 г. Тогда встала проблема Новолакского района Дагестана, находящегося на границе с Чечней к югу от города Хасавюрт. Новолакский район был сформирован в 1944 г., включив в себя большинство территории ликвидированного тогда же Ауховского района Дагестана (см. выше). В Ауховском районе проживали чеченцы, отправленные оттуда в депортацию. После возвращения в 1957 г. чеченцы не получили возможности полноценно заселиться в Новолакском районе. Лакцы, переселенные туда в 1944 г., в 1957 г. из района не выехали, то есть возвращения на «исходные позиции», существовавшие до 1944 г., в этом районе не произошло (напомним, что террито-

¹⁸ Удачный анализ костекского конфликта содержится в монографии: А. З. Адиев. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010.

¹⁹ См. М.-Р. А. Ибрагимов. Депортации населения Дагестана в 1941–1944 годах // Ю. Алиев, А. Гаджиев (сост.). Беспамятство смерти подобно. Махачкала, 2010. С. 5–40.

рии, на которые могли возвращаться в 1957 г. чеченцы, определялись постановлениями Совета министров ДАССР). Только после распада СССР чеченцы, высланные из района, и их потомки поставили вопрос о своем возвращении в родные дома и о восстановлении Ауховского района. В ответ на это 23 июля 1991 г. Съезд народных депутатов Дагестана (тогда Дагестанской Советской Социалистической Республики) принял постановление, по которому Ауховский район должен был быть восстановлен в прежних границах. Под новое место расположения Новолакского района отдельным постановлением того же съезда было отведено 8 504 га земель, примыкающих с севера к Махачкале. Лакцы, согласно постановлению, должны были переселиться туда в 1991–1996 гг. Земля для Новолакского района изымалась в том числе у хозяйств Лакского и Гунибского районов, получивших таркинские земли, когда таркинцы жили в Хасавюртовском районе.

Сегодня старейшины села Тарки больше всего критикуют именно решения, принятые в 1991 г., хотя очевидно, что потеря таркинцами земель, о которых идет речь, имела место гораздо раньше, еще в сталинские времена. Причина такого внимания к передаче земель Новолакскому району может быть в следующем. Уже после принятия съездом постановления судьба этих земель неоднократно становилась предметом переговоров между республиканскими властями, лакскими и кумыкскими национальными общественниками. В первой половине 1990-х гг. в Дагестане переговорный процесс между властями и лидерами организаций, выступающих от имени того или иного народа, был обычным явлением. Присутствие кумыков как «стороны» в данных переговорах было совершенно логичным потому, что земли, передаваемые лакцам, находились на территории Кумторкалинского района, руководство и большинство населения которого состоит из кумыков. (Этот район был сформирован уже после решения съезда о предоставлении лакцам новых земель: указ Президиума Верховного Совета Республики Дагестан о его создании был подписан 18 сентября 1992 г. Земли, о которых идет речь, и по сей день входят в границы Кумторкалинского района, поскольку формирование Новолакского района на новой территории до сих пор не завершено.) Однако, как заявляют таркинские старейшины, их позицию в ходе переговоров ни одна сторона не учитывала.

Член совета старейшин поселка Тарки:

— Наши (кумыкские. — К. К.) ученые соглашение подписали (об отказе от претензий на земли, передаваемые Новолакскому району. — К. К.), 40 человек. Они (правительственные чиновники. — К. К.) показывают нам эту бумажку. Я говорю: «Эти сорок человек, ни одного таркинца нет там подписавшего». Ни один таркинец не подписал о согласии. Люди из Буйнакскса, из Карабудахкента, писатели — решают судьбу Тарков.

Таким образом, «счет» выставляется не только чиновникам, но и национальным общественникам, что отражает в том числе и непростые отношения внутри кумыкского движения.

Старейшины села Тарки считают решения Съезда народных депутатов Дагестана нелегитимными. Эта позиция звучит на фоне очевидного разрушения традиционного сельскохозяйственного уклада жизни в трех поселках, которое старейшины также связывают с безземельем.

Член совета старейшин села Тарки:

— Я, например, хочу сельским хозяйством, бизнесом заняться — у меня нет такой возможности. Хотя мои предки все занимались сельским хозяйством. Земли нет. Ваххабизмом занимаются — это есть. Дети анашу курят, колются. Работы нет. Воруют.

Таркинские старейшины, оценивая сложившуюся ситуацию, постоянно используют понятие исторической принадлежности таркинцам земель, которых они сейчас лишены. Это касается не только земель, передаваемых Новолакскому району, но и земель самих поселков, где идет активная продажа участков «неместным» под застройку. Интересно, что против продажи земли в поселках они выступают, исходя из одновременно двух правовых систем: современной российской и традиционно-исламской. Старейшины говорят и о том, что часть земель, выставляемых на продажу, относится к рекреационной зоне и не может быть застроена, и о том, что продажа земель без согласования с «джамаатом» недопустима.

Все три поселка входят сейчас в состав Советского района Махачкалы, главы администраций поселков назначаемы, а не избираемы. В этих условиях неформальная группа старейшин является основным публичным защитником земельных прав поселков. Однако без специального

социологического исследования трудно определить, насколько актуальна проблема земель, потерянных в сталинское время, для рядовых жителей Тарков, Альбурикета и Кяхулая. Несмотря на значительные проблемы в социальной сфере, жизнь в этих поселках более урбанизирована, чем в сельских равнинных поселениях. Также сейчас трудно определить, предоставит ли ближайшее будущее повод таркинским старейшинам громче заявлять протесты по поводу переноса Новолакского района на новые земли. Перенос района на новое место оказался непростым процессом (его рассмотрение выходит за рамки данного текста), и прогнозировать, когда и как он завершится, сейчас вряд ли возможно.

4.2. «Новые соседи»: многонациональные поселения равнинных районов

Как уже отмечалось, переселение горцев в села равнинных районов было связано не только с последствиями депортаций. Многие жители гор Дагестана в советское время, в плановом порядке или стихийно, переселились в села равнинных районов «напрямую», минуя места, освободившиеся после выселения чеченцев в 1944 г. Часто в результате возникали смешанные по национальному составу села. Были две принципиально разные модели их образования. С одной стороны, многонациональные села возникали путем «подселения» выходцев с гор в места проживания народов, населявших плоскость до миграции горцев. В таких селах выходцы с гор проживают совместно с кумыками, ногайцами, русскими, чеченцами. С другой стороны, имеются села, в которые переселялись представители разных горских народов, но в которых нет или почти нет коренных жителей равнины. Обычно такие села создавались переселенцами в местах, которые до этого не были заселены. Также существуют села, которые в 1970–1980-х гг. были преимущественно русскими по составу населения, однако затем русские почти полностью выехали, уступив место смешанному этническому составу горских переселенцев.

В отличие от кутанных сел, а также сел «дважды переселенцев», на эту категорию сел не распространяется какой-то общий, универсальный для всех них конфликтный сюжет. Они не формируют такого спорного узла, который имел бы общереспубликанское значение. Однако ситуация в каждом из таких сел непосредственно связана

с межэтническими отношениями и потому требует внимания. Ниже мы кратко охарактеризуем два таких села, одно из которых возникло «с нуля», а другое изначально было казачьим поселением. **Село Дружба** на юге Каякентского района начало строиться во второй половине 1960-х гг. В настоящее время в этом селе, находящемся рядом с федеральной трассой «Кавказ», по оценкам местной администрации, проживает более четырех тысяч человек (по результатам переписи 2002 г., проживали 3382 человека). На 2002 г. в селе 49% составляли даргинцы, 22,5% — табасаранцы, 21% — агульцы, прочие народы по численности не превышали 5% от населения села. После переписи 2002 г., по оценкам местных жителей-даргинцев, национальные пропорции внутри села могли несколько измениться, поскольку агульцы и табасаранцы частично выезжают из села в Ставропольский край.

Житель села Дружба:

— Нас переселили в 1966 г. Тогда это был винсовхоз Кировский. В 1986 г., когда населения у нас больше стало, это отделили уже, Кировский у нас остался, а у них Башлыкентский называется (совхоз соседнего кумыкского селения Башлыкент. — К. К.)... Делили исходя из плотности населения. Нам дали примерно 500 га виноградников и немного пастбищ. Где сейчас строят дома — это был сенокос совхозной фермы. Строят в основном наши. И приезжают тоже много. У нас же нет закона, чтобы не принять других. Уже которые здесь живут — им места нет. Еще лет 20 пройдет — негде будет совсем. Приезжают с гор. С самых разных районов. В основном Дахадаевский район и Кайтагский. Но и другие тоже приезжают. В горах же трудно. У кого здесь родственники живут. Девушка замуж выйдет оттуда — с парнем сюда едет. У кого знакомства нет здесь — такие, наверное, редко приезжают... Когда только переселялись — немножко разговоры были, что вот агульцам попался один квартал, вот другим. Когда переселение было — это совсем другое было. А сейчас планы (участки, выделяемые сельским жителям под застройку. — К. К.) по жребию дают. Я говорю — я здесь хочу, он говорит — я тоже, чтобы обидно не было, глава администрации кидает жребий... Такого, чтобы кто какой национальности, нет. Особенно когда на похоронах. На свадьбе такого нет, туда по приглашению, а на похоронах — все село ходит, или на соборознование.

Село начало формироваться с планового переселения жителей села Санжи Дахадаевского района (в настоящее время в Санжи осталось всего одно домохозяйство). Плановым переселенцам выдавались подъемные — 7,5 тысячи рублей на семью. Однако уже в 1960-е гг. стали появляться и неплановые переселенцы — из других сел Дахадаевского района, а также из Агульского и Табасаранского районов. Часть санжинцев по сей день проживает в селе компактно, занимая две улицы. Выходцы из других сел и районов живут вперемешку. В селе есть межнациональные браки. В школах как предмет изучаются все основные языки, представленные в селе, — даргинский, табасаранский и агульский. Наличие в селе каких-либо конфликтов этнического содержания отрицают как представители сельской администрации, так и рядовые жители. Главой села в настоящее время является даргинец, выборы обычно проходят в жесткой борьбе, но и она, по рассказам жителей, не приобретает этнического подтекста. В селе работает ГУП, возделывающий виноградники. Директор ГУПа — кумычка (еще в советское время она руководила местным совхозом, в состав которого входило не только село Дружба, но и соседнее кумыкское село). ГУП сейчас занимает практически все земли в окрестностях Дружбы, которые в советское время использовал совхоз; в отличие от ряда соседних виноградарских хозяйств, сдача земли частникам в аренду не практикуется. В ГУПе шесть сезонных бригад, они многонациональны, но практически целиком состоят из жителей Дружбы. Стабильный спрос на виноград со стороны винных заводов позволяет рядовым работникам ГУПа зарабатывать за сезон до 150 тысяч рублей. Большая часть жителей села, однако, предпочитает работать в составе выездных строительных бригад, которые находят работу как на Юге России, так и в Казахстане. Такие бригады обычно формируются жителями Дружбы — выходцами из одного и того же горного села. Также некоторые жители берут в аренду под виноградники участки, не относящиеся к землям ГУПа. В частности, арендуют земли под виноградники в соседнем (кумыкском) колхозе. Это осуществляется без оформления договора: арендатор неформально обязуется компенсировать владельцу участка земельный налог. Проблемой частных арендаторов является доступ к воде для орошения. Ключевые потребители винограда — заводы в соседних городах Дербент и Избербаш, выпускающие алкогольную продукцию.

Житель села Дружба:

— Урожай сдаем в Дербенте — коньячный завод, шампанский завод. Там если эти заводы встанут, нам ничего нет. Мы в основном шампанскому [заводу] сдаем. Работают они с нами напрямую. Сейчас эти два завода, говорят, своих виноградников много посадили, сами. Около 1 000 га. Говорят — не знаю. Столовые сорта у нас забирают — бизнесмены приезжают. И русские бывают, и наши бывают. Ну, русских мало, у кого знакомые есть, через них. Приезжают, загружают, в Россию забирают.

Таким образом, хозяйственная жизнь села Дружба не предполагает каких-либо разделений по этническому признаку, хотя связи между членами этнических общин могут быть крепкими (что проявляется, в частности, в формировании выездных строительных бригад). Однако в сегодняшней жизни села есть одна ярко выраженная проблемная точка. Она касается выделения земель под застройку («планов») — участков площадью примерно четыре сотки. Спрос на них весьма велик. Во-первых, в селе высокая рождаемость, а по дагестанским традициям (соблюдаемым сегодня, кстати, не только в селе, но в значительной мере и в городе) взрослые дети после женитьбы не должны оставаться жить с родителями, за исключением младшего сына. Во-вторых, благоприятные климатические условия и близость к федеральной трассе делает Друмбу и сегодня желанной целью миграции, что дополнительно увеличивает спрос на участки. Бесплатно получить участки могут, однако, только жители, прописанные в селе. Это создает особый рынок: сельчане рассказывают о регулярных случаях, когда местные жители получали «планы» только затем, чтобы сразу их продать. Цены участка под застройку опрошенными нами жителями назывались в пределах от 100 до 170 тысяч рублей. Однако внутри села свободных пространств практически не осталось, и новые участки можно выдавать только на землях, которые ранее не использовались под застройку. Это либо бывшие сельхозземли (пашня или пастбища), либо участки в лесополосе. По данным сельской администрации, в 2010 гг. было выделено 260 новых участков. При этом местные жители признают, что изменения статуса земель, которые предоставляются в собственность под строительство, не произошло. В районе не проведено разграничение собственности на землю. На переходный

период все вопросы управления муниципальной землей, в том числе ее передачи под участки, формально находятся в ведении района. Решение этих вопросов идет явно медленнее, чем люди хотят получать участки. Все это создает земельную напряженность, о которой говорят жители села. В беседах с нами они высказывали опасение, что «скоро мест для строительства не будет».

Такая ситуация в густонаселенных равнинных селах Дагестана достаточно типична. Глава села вынужден регулировать рынок земельных участков, на котором он формально не имеет всех необходимых полномочий и который в целом юридически уязвим. При этом, принимая решения по выделению участков каким-то лицам и, возможно, отказывая другим, глава села невольно оказывается на острие потенциального конфликта.

Селу Дружба «повезло» в том плане, что такие конфликты там в целом не связаны с межэтническими отношениями. В некоторых других селах дело обстоит иначе. Примером может служить село **Косякино Кизлярского района**. Вместе с четырьмя другими селами Косякино входит в муниципальное образование «сельсовет Косякинский». К нему также относятся села Первомайское, Михеевское, Бондаренковское и Первокизлярское. Плановое переселение даргинцев из Дахадаевского и Акушинского районов в эти села началось в 1977 г. (жители Акушинского района переселялись в Первомайское, в остальные села — жители Дахадаевского района). Большинство получали подъемные («переселенческие деньги») на переезд.

Житель села Косякино, даргинец:

— Покупали на подъемные у казаков хаты, саманные, камышовые, постепенно их разбирали, сначала строили по обстановке временки, из двух комнат, чтобы они потом в кухни летние превратились, а потом на месте хаты строили на эти деньги каменные дома. Мой отец на 700 рублей купил хозяйство, потом построил новый дом, и еще от подъемных осталось 2 000 рублей в запас. Во время стройки все друг другу помогали, сэкономили на строителях.

В конце 1980-х в Косякино стали появляться аварцы — выходцы из высокогорного Цунтинского района (в Цунтинском районе проживает несколько этнических групп, родственных аварцам, но имеющих собственные языки, отличающиеся от любого диалекта аварско-

го; именование жителей района аварцами носит спорный характер, но по-прежнему широко принято в Дагестане).

Житель села Косякино, даргинец:

— К концу 80-х появился один цунтинец, приехал учительствовать. Увидел обстановку: русские уходят, наши не успевают все выкупать. Начал постепенно подтягивать своих, из Цунтинского района людей из 5–6 сел. Цунтинцы переселялись внепланово, без подъемных, без переселенческих. Этой роскоши у них не было. Они тогда немного отличались от наших. Подход к жизни, к разным мероприятиям, увеселительным или же горестным, у них был очень неблизкий для остального населения. У нашего народа не было Бога, была компартия. У нас были проводы в армию, свадьбы с фатой. А эти в платках черных. Они уже были с религиозным статусом. Первую мечеть в Косякино начали строить они, сразу после распада СССР. При СССР они собирались [молиться] у одного дома. Там выбрали одну комнату, очистили ее от мебели и там совершали пятничный намаз.

По данным администрации Кизлярского района, по состоянию на 1 марта 2010 г., в Косякинском сельсовете проживали 1916 даргинцев (рост, по сравнению с данными переписи 1989 г., на 90%), 1391 аварец (рост на 189%), 134 русских (убыль на 64%). К числу аварцев в этих статистических данных относятся как цунтинцы, так и немногочисленные выходцы из Цумадинского района, жившие ранее в станции Бороздиновская в Чечне (цумадинцы в Бороздиновской появились в 1957 г., переселившись туда из гор Чечни, куда, в свою очередь, они были насильственно перемещены со своей родины в 1944 г., чтобы поддерживать сельское хозяйство на территориях, оставленных депортированными чеченцами; в 2005 г., после «зачистки», которую провели в Бороздиновской представители чеченских силовых формирований, 11 жителей Бороздиновской пропали без вести, часть домов дагестанцев была сожжена; после этого большинство цумадинцев покинули Бороздиновскую и переселились в Кизлярский район Дагестана²⁰).

Внутренняя жизнь села с конца 1980-х и по сей день определяется взаимоотношениями двух национальных общин. Русские практически

²⁰ См. *Бороздиновская*: информация Правозащитного центра «Мемориал» в Назрани. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/06/m39990.htm>.

полностью покинули эту часть Кизлярского района — по свидетельству местных жителей, во всем сельсовете осталось 10–15 русских хозяйств; русские продолжают работать на должностях специалистов в администрации муниципального образования²¹. Трижды главой села избирался один и тот же даргинец (выходец из Дахадаевского района), потом один срок главой был его «преемник»-односельчанин, а затем того сменил цунтинец. Когда цунтинец впервые выиграл выборы, ему противостояло сразу несколько кандидатов-даргинцев, так что даргинский электорат был раздроблен. К прежнему главе у его же соплеменников-даргинцев были претензии. По их словам, он недостаточно активно помогал им с выделением участков под строительство:

Житель села Косякино, даргинец:

— Например, один придет, купит у русского двор. В этом дворе он (глава) прописывал этого покупателя. И он прописан в этом дворе — а там прописывать можно [одного человека] по столько метров, сколько по нормам в сельской местности, — он уже прописывает своих двоюродных, троюродных, а глава наш выносит решение и предоставляет им планы. А нашим он очень сильно не давал [участки под строительство]. Говорил — пускай подрастут ваши дети, пускай приподнимутся, у вас во дворе там есть место построить еще один дом.

Таким образом, выделение участков под строительство здесь, как и в случае с Дружкой, — одна из наиболее актуальных для жителей села проблем. Отметим, что, в отличие от кутанных сел, в селах равнинных районов земельные участки могут выделяться на твердых юридических основаниях (если только они не расположены на несанкционированно захваченных сельхозземлях) и поэтому привлекательны в рыночном отношении. При этом легальный способ их бесплатного получения один: чтобы получить участок, надо иметь постоянную регистрацию в селе. Такая система могла бы быть источником заметного влияния органов внутренних дел, ведающих регистрацией. Но по факту процесс выдачи «планов» часто подконтролен

не этим органам, а главе села. Если в селе несколько этнических общин, существующих обособленно, то местные жители легко трактуют действия главы как дружественные или, наоборот, недружественные тому или иному народу. При этом глава может встретить критику не только от «чужих», но и от «своих», последнее как раз имело место в Косякино.

Даргинская и цунтинская общины в Косякино отличаются по преобладающим источникам доходов. Цунтинцы регулярно формируют строительные бригады, работая как в районе, так и в Махачкале, а также в других регионах Юга России. Даргинцы в большей степени ориентированы на сельское хозяйство. В этом селе его можно вести, как используя земли, полученные жителями при разделе совхоза (2,25 га пашни), так и арендуя землю у акционерного общества, которое консолидировало часть бывших колхозных земель. Оно, по оценкам местных жителей, распоряжается 500–600 га пашни (в колхозе в советское время было, также по свидетельству местных жителей, около 2 000 га, т. е. почти 1 500 га в настоящее время находится в распоряжении у местных жителей; пастбища, не принадлежащие акционерному обществу, находятся под общественным управлением).

В религиозной сфере неоспорим приоритет цунтинцев. Только в одном из пяти сел Косякинского сельсовета — Михеевском — имамом на весну 2011 г. был даргинец, в остальных мечетях — цунтинцы. При этом наблюдаются некоторые — хотя вряд ли очень заметные — межэтнические расхождения в религиозной сфере, касающиеся в основном числа мюридов (последователей) разных шейхов в даргинской и цунтинской общинах.

Таким образом, на примере Косякинского сельсовета можно увидеть, как разные переселенческие общины существуют совместно, но не «растворяют» друг друга, сохраняя отличия в образе жизни. Межэтнический мир в таких селах зависит в первую очередь от решения вопросов, в которых заинтересовано большинство жителей, в частности — от вопросов, касающихся участков для строительства. Любые неурядицы в этой сфере при неблагоприятном сценарии могут быстро перейти в сферу межобщинных отношений. При этом массового отъезда из Кизлярского района ни у одной из общин не наблюдается. Очевидно, что в обозримом будущем им предстоит сосуществовать.

²¹ Данные по миграции русского населения из сельской местности северного Дагестана анализируются в работе: З. М. Гаджиева. География и динамика расселения русских в Дагестане. Дисс... канд. геогр. наук. Дагестанский Государственный Педагогический Университет, 2005. В данной работе, в частности, показано, что интенсивное снижение численности русского населения в Кизлярском районе происходило уже в 1970-е гг.

5. ДАГЕСТАНСКАЯ РАВНИНА И ПОЛИТИКА

Ситуация в сельской части дагестанской равнины стала значимой для политики республиканского уровня еще в начале 1990-х гг. Тот период был уникален для истории Дагестана тем, какое значение в нем обрела этническая тематика. На авансцену вышли национальные общественные движения, обеспечившие взлет многих местных политиков. Земельные конфликты на равнине были тогда основным предметом переговоров лидеров таких движений и просто влиятельных людей, выступавших от имени того или иного народа. Сейчас можно констатировать, что политическая карьера ряда таких переговорщиков впоследствии пошла по восходящей и уже мало зависела от национальных организаций, с которыми они были связаны. Земельные конфликты начала 90-х стали для них своего рода «подъемным ресурсом».

Сегодня говорить о том, что межэтнические отношения на равнине образуют центральную тему республиканской политической жизни, было бы, конечно, неверным. Динамика дагестанской жизни привела и к сокращению роли этнической тематики на республиканском уровне, и к появлению факторов, гораздо более мощных, чем этнический, в первую очередь — к усилению общественной роли ислама. Однако проблемы, связанные с поселением горцев на равнине, и сегодня в значительной степени не решены. Это касается и проблем республиканского масштаба, прежде всего проблем земель отгонного животноводства, и проблем локальных, связанных с отдельными селами. Переселение привело к такому положению в равнинной части Дагестана, при котором как переселенцы, так и народы, населявшие равнину до переселения горцев, имеют претензии к своему нынешнему положению. При этом, осмысляя свои сегодняшние проблемы, сельские жители нередко видят их истоки в исторических событиях последних десятилетий. К этой «актуальной истории» относятся и шаги властей во время и после переселения, и взаимоотношения между отдельными сельскими общинами. Особенно велико значение исторической памяти в локальных проблемных узлах, захватывающих конкретные села. При этом обитатели равнины нередко различаются по тому,

как они «прочитывают» историю, в чем видят себя пострадавшими. На конкретных примерах мы наблюдали, что, осмысляя настоящее, к прошлому апеллируют вовсе не только представители гуманитарной интеллигенции, но и работники сельских администраций, члены сельских советов старейшин. Тем самым текущие хозяйственные проблемы у довольно широкого слоя жителей оказываются взаимосвязаны с исторической памятью и могут перейти в проблемы этнические. Опасность состоит в попытках использовать эти проблемы в политических целях как средство «мобилизации» населения.

Реальна ли такая опасность на сегодняшний момент? В этом отношении ситуация у коренных народов равнины (кумыков, ногайцев) и у горских народов разная. Кумыки, как и некоторые другие тюркские народы Северного Кавказа, сегодня, на наш взгляд, отличаются определенным разрывом между своей элитой и массой населения. Большинство кумыкских бизнесменов и чиновников республиканского уровня в последние годы воздерживаются от публичного участия в обсуждении земельных вопросов, в решении которых заинтересованы кумыкские сельские общины, не появляются на сельских сходах, посвященных земельным конфликтам. Исключением в этом плане был глава Хасавюртовского района Алимсолтан Алхаматов, который, напомним, еще в начале карьеры был непосредственно вовлечен в конфликтную ситуацию в селах Старый и Новый Костек. О том, что в определенной части кумыкской среды существует стремление обрести влиятельного этнического лидера, говорит некролог, подписанный после убийства Алхаматова главами и имамами мечетей девяти кумыкских сел²². В нем, в частности, об убитом говорится: «Он последовательно и твердо отстаивал законные, конституционные права и интересы своего народа... Алхаматов был молодой, перспективный политик — кумыкский народ связывал с ним осуществление своих самых ярких надежд». Важно, однако, отметить, что нынешние главы районов, в которых численно преобладают кумыки, сегодня не претендуют на ту роль, которой в этом некрологе наделяется Алхаматов. Выше мы видели, что именно главы районов являются чиновниками, которых в наибольшей степени затрагивают возможные решения по землям отгонного животноводства. Но перспектив того, что они будут защищать свою позицию, опи-

²² Архив автора.

раясь на национальные лозунги, в их сегодняшнем поведении, на наш взгляд, не просматривается.

Вместе с тем сегодня в публичном пространстве Дагестана имеются общественные организации, которые не только выражают «кумыкскую» позицию по земельным вопросам, но и участвуют в попытках разрешения конкретных конфликтных ситуаций. Это в первую очередь Союз общественных объединений «Сплоченность», активно защищающий земельные интересы, в частности, жителей поселка Тарки и села Львовское-1²³. «Сплоченность» выступает против нынешней системы использования земель отгонного животноводства. Организация в целом не солидаризуется с радикальными требованиями демонтажа этой системы, но настаивает на контроле за использованием арендованных горными хозяйствами земель, на расторжении договоров аренды в случае нецелевого использования земель. «Сплоченность» располагает и ораторами, и журналистами, хорошо подготовленными для защиты кумыкской позиции в земельных и других спорах. Ей, однако, явно не хватает действенной элитной поддержки.

Ситуация у горских народов, вовлеченных в земельные отношения на равнине, во многом не похожа на ситуацию у кумыков. Общественные организации, публично «специализирующиеся» на защите интересов горцев на равнине, в Дагестане сегодня значительно менее заметны. Однако многие главы горных районов, хозяйства которых арендуют значительные площади земель отгонного животноводства, являются на сегодняшний день достаточно значительными фигурами в политике регионального уровня. Особенно влиятельным считается «аварский клуб» глав горных районов. При этом лишь некоторые из этих глав явным образом входят в политические команды видных аварских политиков, таких как глава города Хасавюрт Сайгидпаша Умаханов, глава дагестанского отделения Пенсионного фонда РФ Сагид Муртазалиев. Чаще речь идет не о членстве глав районов в командах, а о попытках влиятельных политиков создать коалиции, в которые как равноправные участники входили бы горные муниципальные руководители. Таким образом, в данном случае мы имеем ситуацию, когда главы райо-

нов, которые не могут быть безразличны к тому, как решится вопрос земель отгонного животноводства, имеют возможность участия в политических союзах, идущих под этническими знаменами.

Итак, и проблемы переселенцев, и проблемы коренных жителей равнины имеют предпосылки для того, чтобы обрести политическое звучание, однако в обоих случаях набор предпосылок неполон: у коренных народов есть общественники, но недостает влиятельных фигур, обладающих необходимыми ресурсами; у горских народов, напротив, такие ресурсные фигуры, связанные с проблемами равнинных земель, имеются, однако недостает публичных общественных организаций, активных в земельных проблемах. Очевидно, что каких-то непреодолимых препятствий для достраивания политической «инфраструктуры», необходимой для отстаивания земельных интересов, в обоих случаях нет. В настоящий момент земельные проблемы на равнине не оборачиваются столкновениями между различными народами. Однако политизация этих проблем легко может отразиться в худшую сторону на межэтнических отношениях.

Что касается республиканской власти, то ее очевидный интерес состоит в недопущении обострения каких-либо противоречий на фоне и без того острой ситуации в Дагестане. Но роль посредника руководству республики исполнить будет трудно. Дело в том, что земельные отношения на равнине вызывают недовольство их создателем, то есть региональной властью, со стороны значительного числа муниципальных руководителей. Землями отгонного животноводства дело здесь не ограничивается. В подтверждение этому приведем слова главы одного из равнинных сел, с отгонными землями никак не связанного. Глава жалуется на то, что не может перевести из статуса сельхозземель в статус земель поселения единственную территорию на окраине села, где технически возможно вести строительство новых жилых домов:

— Такое у нас государство получилось. Перевод земель — это же абсурд. Разве может республика распределять земли сельхозназначения? Откуда они знают? Деньги отдадут — они дадут. Тебе землю передавать надо [под участки для строительства] — деньги отдашь — передашь. Неужели это Москва не понимает? У нас 11 глав сел, мы хотим письмо Путину написать, у нас иного выхода нет, у нас разваливается государство. Перевод земли — к двум министрам надо ездить.

²³ См., например, Б. Узунаев. Сам себе джамаат // Свободная республика. 25 июня 2010 г.; Б. Узунаев. По ком звонит Кала-Коль (2) // Свободная республика. 16 июля 2010 г.

При таких настроениях, фиксируемых у глав сел, говорить о серьезном потенциале республиканских властей как авторитетного посредника в земельных конфликтах, скорее всего, не приходится.

6. ВЫВОДЫ

Сельская часть дагестанской равнины — это одна из тех территорий Северного Кавказа, в жизни которой этнический фактор продолжает играть существенную роль, несмотря на то, что в регионе в целом он на сегодняшний день отступил перед более серьезными угрозами. Переселение горцев на равнину в XX в. было длительным и сложным процессом, иногда стихийным, иногда организованным государственной властью. Действия последней не всегда были продуманны: об этом можно судить по тому, сколько конфликтных узлов имеется сейчас на дагестанской равнине. Решения, принятые на государственном уровне несколько десятилетий назад, сохраняют актуальность и сегодня. Многие жители равнины, чье положение оказалось сложным в результате переселений (либо после того, как они сами были переселены, либо после того, как по соседству у них появились переселенцы), связывают свои сегодняшние трудности с событиями, произошедшими в советское время. В сегодняшних спорах на дагестанской равнине обстоятельства прошедших десятилетий используются сторонами в качестве аргументов столь же активно, как обстоятельства дня сегодняшнего. В качестве примера можно вспомнить ведомость о включении переселенческого имущества в равнинный колхоз в 1957 г., до сих пор бережно хранящуюся сегодня в администрации одного из равнинных сел. При поиске решений проблем сегодняшней дагестанской равнины, в том числе земельных проблем, «фактор прошлого» необходимо принимать во внимание наряду с чисто экономической целесообразностью. Как мы видели, по ряду конфликтов споры, связанные с событиями прошлых лет, длительное время велись в публичном пространстве. Поэтому решения, предлагаемые по конкретным конфликтным

узлам, должны учитывать не только экономическую целесообразность, но и понятие всех заинтересованных сторон о справедливости. Иначе эти решения рискуют быть отвергнутыми населением.

Многие проблемы дагестанской равнины связаны с землями отгонного животноводства. Их статус, а также статус сел, находящихся на этих землях, создает значительные трудности для жителей этих сел. Действия государственных органов в последние годы не раз усугубляли эти трудности и приводили к ответной реакции, в которой налицо была этническая солидарность. Однако и коренные жители равнины столкнулись с проблемами, созданными в результате развития системы отгонного животноводства. Кроме того, современные тенденции на отгонных землях — фактическая приватизация некоторых отгонных хозяйств, утративших хозяйственную связь со своим «родным» горным селом, использование земель под застройку и т. д. — вызывают критику со стороны коренных жителей равнины, а также общественных организаций, представляющих их интересы. Все это заставляет подходить к проблеме отгонных земель с особой осторожностью. Мы также видели, что ни один из «глобальных» вариантов решения проблемы отгонных земель, подразумевающих изменение муниципальной принадлежности находящихся на них сел, не может считаться безопасным, потому что негативно затронет интересы кого-то из влиятельных в контексте дагестанской равнины «игроков». В таком случае естественный, но сложный выход — «терапия» конкретных, локальных проблем, недопущение их эскалации, разрастания до проблем межэтнических.

За пределами земель отгонного животноводства на дагестанской равнине отсутствует какой-либо общий конфликтный сценарий, однако в отдельных селах земельные споры не раз достигали большой остроты и даже приводили к трагедиям. Замораживание конфликтов, вместо поиска их решения, опасно, потому что чем дольше неразрешенными остаются те или иные конфликты, тем больше укрепляются и увереннее звучат земельные «доктрины», основанные на узкоэтнических интересах. Однако для разрешения любой конкретной земельной проблемы необходим переговорный процесс с участием влиятельных гарантов и посредников.

Внимания требуют и те равнинные села, в которых не засвидетельствованы какие-либо конфликты, но население которых многонацио-

нально. Как мы видели, этнические общины внутри таких сел не «растворяются» полностью, хотя степень различия в их укладе жизни, степень их обособленности в разных селах разная, как и механизмы их взаимоотношений друг с другом. При этом ключевые «сюжеты» жизни многонациональных сел, как и других сел дагестанской равнины, связаны с землей, в первую очередь — с дефицитом земель под застройку. Отношения в многонациональных селах должны быть предметом особого мониторинга в том числе и для того, чтобы земельный дефицит не стал катализатором межэтнических проблем.

Очерк второй. КАВКАЗСКИЙ СТЫК. НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ГОРЦЕВ И КАЗАКОВ

При всем обилии народов, проживающих на Северном Кавказе, в сельской местности они редко расселены совместно на одной территории. Даже в равнинной части Кавказского региона, видевшей немало этнических миграций, гораздо чаще можно встретить два сельских поселения разных национальностей, расположенные в считанных метрах друг от друга, чем одно поселение со смешанным национальным составом. Однако имеющиеся зоны совместного проживания народов — межэтнические «стыки» — требуют особого внимания для прогноза и предотвращения потенциальных проблем.

В сельской местности Северного Кавказа к таким зонам относятся, в частности, равнинные районы Дагестана, где в ряде сел совместно проживают разные горские народы, переселившиеся на равнину в последние десятилетия (см. первый очерк). Также известная многонациональная территория — Пригородный район Северной Осетии, зона совместного расселения ингушей и осетин. Имеется и несколько смешанных по национальному составу сельских районов, где один из народов — русские (казаки). Это бывшие казачьи села Чечни и Ингушетии (в последние два десятилетия числен-

ность русского населения там в разы уменьшилась), восточная часть Кабардино-Балкарии, где совместно проживают русские и турки-месхетинцы, а также несколько районов Карачаево-Черкесии, населенных русскими и карачаевцами. Ситуации в «стыковых» районах Карачаево-Черкесии и посвящен данный очерк. Его цель – оценить состав и степень дестабилизирующих факторов, которые имеются на этих территориях.

1. КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА: ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ (СПРАВКА)

Карачаево-Черкесия – регион, на территории которого компактно проживает несколько народов, и ни один из них не образует там абсолютного большинства. По переписи 2010 г., карачаевцы в регионе составили 41% населения (от числа назвавших свою национальную принадлежность; таковых было 474,4 тысячи человек, или 99,2% от всех учтенных в ходе переписи), русские – 31,6%, черкесы – 11,9%, абазинны – 7,7%, ногайцы – 3,3%.

Впервые Карачаево-Черкесия как единое административное образование была создана в 1922 г. Решение о создании Карачаево-Черкесской автономной области было принято Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) 12 января 1922 г. Перед этим создание объединенной автономии было одобрено на чрезвычайном съезде карачаевского народа (20–21 ноября 1921 г.) и на съезде абазин, ногайцев и черкесов (7–8 ноября 1921 г.). До создания автономии ее территория входила в состав Горской Автономной Республики, созданной в апреле 1921 г., после утверждения советской власти на Северном Кавказе²⁴. Объединенная автономия существовала до 26 апреля 1926 г. Тогда решением ВЦИК она была разделена по эт-

²⁴ А. Х. Боров. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: КБГУ, 2007. С. 110–111.

ническим границам: были сформированы Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ, на территории которого, кроме черкесов, оказалась также значительная часть абазин и практически все ногайское население. Территории, где преобладало русское население, а именно город Баталпашинск (ныне Черкесск), прилегающие к нему территории и территории на западе нынешней КЧР, были тогда же включены в Армавирский округ Северо-Кавказского края (частично также в Майкопский и Терский округа). Такое деление существовало два года. В 1928 г. вся территория нынешней КЧР была поделена между Карачаем и Черкесией, причем последняя стала так же, как и Карачай, именоваться автономной областью. Ареал проживания русского населения был распределен между двумя автономными областями. Баталпашинск стал центром Черкесской автономной области (после серии переименований Черкесском он стал называться в 1939 г.), его окрестности также отошли к Черкесии²⁵. Русские районы на западе нынешней Карачаево-Черкесии стали частью Карачаевской автономной области с центром в новопостроенном городе Микоян-Шахар (ныне Карачаевск).

В ноябре 1943 г. карачаевцы были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан, Карачаевская АО была расформирована. Часть ее территории была отдана Грузинской ССР, часть – Ставропольскому краю, часть – соседнему Краснодарскому краю²⁶. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. была воссоздана Карачаево-Черкесская автономная область в прежних границах (иногда ее называют «второй КЧАО», в отличие от «первой КЧАО» 1922–1926 гг.). Она входила в состав Ставропольского края. С возвращением карачаевцев структура расселения основных народов КЧР не была восстановлена в том виде, в каком она существовала на момент их депортации (подробнее см. раздел 2).

²⁵ См. И. А.-А. Джазева. Образование населенных пунктов и административно-территориальное обустройство в Карачаево-Черкесии в советский период. Дисс... канд. ист. наук. Карачаевский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2011. С. 54. О ситуации на территории нынешней КЧР, населенной в 1920-е гг. казачеством, см. А. В. Баранов. Национальный вопрос и региональные особенности политического сознания на Юге России в 1920-х гг. // Г. Н. Севостьянов (ред.). Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. Москва: Социально-политическая Мысль, 2005. С. 254–269.

²⁶ См. П. Полян. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ–Мемориал, 2001. С. 118.

Решением областного совета Карачаево-Черкесия 30 ноября 1990 г. вышла из состава Ставропольского края. В октябре 1992 г. она была официально названа Карачаево-Черкесской Республикой. В первой половине 1990-х г. наблюдались выступления за раздел региона. Особенно активными в этом вопросе тогда были карачаевские общественники, требовавшие создания Республики Карачай в составе РФ²⁷. Во второй половине 1990-х гг. эти тенденции пошли на спад. Однако первые всенародные выборы главы региона, прошедшие в апреле-мае 1999 г., крайне обострили межэтнические отношения в республике. Борьба между вышедшими во второй тур голосования черкесским предпринимателем, на тот момент мэром Черкесска Станиславом Деревым и бывшим главкомом сухопутных войск РФ карачаевцем Владимиром Семеновым привела к конфронтации между национальными общественными движениями и многотысячным этническим митингом. Вновь ставился вопрос о разделе региона. Ситуация успокоилась только в 2000 году, после активного вмешательства федерального центра. Главой республики стал Семенов²⁸. На следующих всенародных выборах главы в августе 2003 г. борьба велась только между карачаевскими кандидатами — победу одержал Мустафа Батдыев, возглавлявший до этого Национальный банк КЧР. За него выступали многие черкесские бизнесмены и общественники. Главы региона, получавшие впоследствии свой пост по представлению президента РФ (Борис Эбзеев в 2008 г. и Рашид Темрезов в 2011 г.), — также карачаевцы. Периодически в региональной политике возникает вопрос о соблюдении (или несоблюдении) национального паритета при распределении ключевых должностей, однако противостояния, подобного по остроте 1999 г., в республике давно не наблюдается.

²⁷ См. Н. Д. Пчелинцева, Л. В. Самарина. Карачай в контексте новой исторической реальности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1995; И. А.-А. Джазаева. Административно-территориальные преобразования в требованиях национальных движений КЧР в 1950–1990 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 9. Пятигорск: ПГТУ, 2011. С. 62–67; Э. Х. Джегутанов. Предвыборная, выборная и послевыборная ситуация в Карачаево-Черкесской Республике // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России: Сборник докладов. М.: Центр Карнеги, 2002. С. 86–93; К. И. Казенин. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С. 121–127.

²⁸ Л. Л. Холперская. Институт всеобщих выборов как фактор нестабильности в Карачаево-Черкесской Республике // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России: Сборник докладов. М.: Центр Карнеги, 2002. С. 93–102.

2. РАЙОНЫ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И РУССКИХ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В Карачаево-Черкесии имеются четыре сельских района, в которых совместно проживают карачаевцы и русские: Зеленчукский, Прикубанский, Урупский и Усть-Джегутинский. Во всех этих районах карачаевцы интенсивно селились после возвращения из сталинской депортации, начавшегося в 1957 г., частично возвращаясь к местам прежнего проживания, частично обосновываясь на новых местах²⁹. В настоящий момент процентное соотношение основных национальностей в этих районах разное, отличаются районы друг от друга и социально-экономической ситуацией. Помимо этих районов, карачаевцы после депортации селились и в местах, где они составляли большинство и до 1943 г. В районы, населенные черкесами, переселения карачаевцев после депортации почти не происходило (за исключением села Садовое в Адыге-Хабльском районе)³⁰.

Из четырех районов совместного проживания мы ограничимся рассмотрением двух — Зеленчукского и Урупского. Такой выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, в Зеленчукском и Урупском районах доля русского населения, согласно данным переписей, в постсоветское время остается выше, чем в других районах совместного проживания. Можно сказать, что именно в этих районах КЧР русское население в наибольшей степени сохраняет свою «субъектность», роль в местной общественной и экономической жизни. Сколь бы активной ни была миграция, вероятно, что на протяжении ближайших поколений русское присутствие на данной территории сохранится. Во-вторых, исторически эти районы, прежде всего удобный для земледелия Зеленчукский, играли особую роль в карачаевском самосознании. Пашни Зеленчука непосредственно примыкают к горам Карачая, население которых на протяжении веков страдало от малоземелья. Возможность закрепиться наравне с другими народами на этой территории отвечала давним

²⁹ Подробно о расселении карачаевцев по возвращении из депортации см. И. А.-А. Джазаева. Образование населенных пунктов... С. 35–41.

³⁰ Там же. С. 41.

чаяниям карачаевского народа, сформулированным, например, одним из идеологов создания карачаевской автономии в составе Советской России, председателем Карачаевского ревкома в 1920–1922 гг. Умаром Алиевым: «Благодаря географическим условиям, карачаевцы находились в "мешке" верховий кубанских ущелий, среди кубанского казачества; благодаря этому географическому положению, они были оторваны от семьи горских народов и особо испытали царский гнет от казаков и атаманского режима... Почти отсутствовала пахотная земля; Карачаю своего хлеба хватало только на месяц–полтора, а остальное время он жил за счет ввозимого хлеба»³¹. Таким образом, можно сказать, что для одного из народов присутствие на данной территории – это не только вопрос собственного хозяйственного развития, но и важный исторический результат. С освоением карачаевцами этих территорий связаны не только чисто «технические», бытовые вопросы, но и вопросы их национальной памяти и идеологии, сформулированной в XX в. авторитетными представителями этого народа. Все это объясняет, почему данная территория должна быть зоной особого внимания в деле мониторинга межнациональных отношений на Северном Кавказе.

Зеленчукский район включает горную и равнинную территорию, Урупский – преимущественно горную. Численность населения в Зеленчукском районе – 52 953 чел., в Урупском – 24 470 чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Пахотные земли концентрируются прежде всего в Зеленчукском районе, в Урупском много лесов, есть сенокосы и пастбища. На территории двух районов всего одно городское поселение – поселок городского типа Медногорский в Урупском районе (6 006 чел. по переписи 2010 г.), где располагается Урупский горно-обогатительный комбинат, принадлежащий Уральской горно-металлургической компании. Наиболее крупные сельские поселения в Зеленчукском районе: Зеленчукская (21 025 чел. по переписи 2002 г., 20-е по численности жителей сельское поселение в России), Сторожевая (7 951 чел.), Кардоникская (7 796 чел.), Исправная (4 586 чел.). В Урупском районе наи-

³¹ Умар Алиев. Очерки революционного движения в Карачае. Ростов-на-Дону, 1927. С. 8–9.

более крупные сельские поселения – Преградная (6 566 чел.) и Курджиново (4 216 чел.).

После заселения карачаевцев в 1957 г. на протяжении десятилетий процентное соотношение русских и карачаевцев в двух районах незначительно менялось в сторону увеличения доли последних. Ниже приводятся доли этих народов в населении районов по данным переписей³²:

Зеленчукский район

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
карачаевцы	20%	23,6%	26,1%	27,5%	30,9%
русские	75,1%	72,3%	69,9%	66,4%	64,7%

Урупский район

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
карачаевцы	13,0%	13,9%	14,9%	15,9%	18,6%
русские	76%	78,8%	78,4%	76,5%	75,1%

Схожая динамика этнического состава населения, судя по результатам переписей, наблюдалась после 1957 г. также в Прикубанском и Усть-Джегутинском районах. Как отмечают исследователи, эта динамика была связана не только с естественным приростом численности карачаевского населения, но и с оттоком русских из сельской местности. Если в начале 1960-х гг. в КЧР было 56 крупных поселений, в которых русские составляли не менее 90% жителей, то в наши дни число таких поселений оценивается как 5–6³³.

Данные о современной ситуации в Зеленчукском и Урупском районах, содержащиеся далее в настоящем очерке, основаны на интервью с местными жителями обеих национальностей, собранных нами в этих районах летом и осенью 2010 г. (если не указаны другие источники информации). Характерные фрагменты этих интервью цитируются.

³² Данные переписей советского периода по национальному составу районов приводятся по сборнику: А. Г. Озов, А. П. Кизилов. Трудовые ресурсы Карачаево-Черкесии. Часть III. Черкесск: Минтруда КЧР, 1997.

³³ См. Е. А. Щербина. Этническая конфликтология: региональный аспект. Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 2010. С. 119 сл.

3. МЕХАНИКА СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ

3.1. Расселение

Основная волна карачаевского расселения в Зеленчукском и частично Урупском районах прошла после того, как в 1957 г. карачаевцам было позволено вернуться на родину. Они активно заселялись в Зеленчукский район, меньше – в Урупский (тогда Преградненский). На этой территории селились как те, кто жил там до депортации³⁴, так и те, кто по возвращении решил поменять свое место жительства.

В Зеленчукском районе, по данным, приводимым И. А.-А. Джазаевой³⁵, в 1957 году возникли два карачаевских поселения, которых не существовало до депортации. Кроме того, карачаевцы вернулись в четыре села данного района, в которых они жили до 1943 года, и поселились в четырех селах, где до 1943 года они почти не жили. Среди последних – крупные казачьи станицы: Зеленчукская, Кардоникская и Сторожевая. Например, по данным переписи 1939 г., в Кардоникской численность карачаевского населения составляла 42 чел. (0,5%), по переписи 1970 г. – 737 чел. (8,6%), по переписи 2002 г. – 1346 чел. (17,3%). В Зеленчукской в 1939 г. карачаевцев числилось 118 чел. (0,9%), в 1970 г. – 1299 чел. (7,3%), в 2002 г. – 3662 чел. (17,4%). После 1957 г. в Зеленчукском районе осталось только одно село, населенное практически только русскими. Это станица Исправная (население по переписи 2002 г. – 4586 чел., русские – 94,4%, карачаевцы – 1,6%).

Что касается Урупского района, то, по данным И. А.-А. Джазаевой³⁶, карачаевцы частично начали заселяться в него накануне Великой Отечественной войны, однако в 1957 г. преимущественно основывали там новые населенные пункты, в частности хутора вокруг райцентра – станицы Преградная. Согласно данным переписи 1939 г., численность карачаевцев на территории района составляла 153 чел. (1,1%), а в 1970 г. их было 3167 чел. (13,9%). (Отметим, что до 1963 г. район

носил название Преградненский, затем 1 февраля 1963 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был расформирован, а указом от 12 января 1965 г. восстановлен под названием Урупский³⁷. Границы района неоднократно менялись, поэтому сопоставление национального состава его населения в разные годы может быть не вполне корректным.)

В литературе приводятся факты того, что в конце 1950-х гг. советские и партийные органы в ряде случаев сопротивлялись расселению карачаевцев на новых местах, в том числе в Зеленчукском районе³⁸. Вместе с тем, по рассказам карачаевцев старшего поколения Зеленчукского и Урупского районов, собранным нами в ходе полевой работы, прямых территориальных ограничений на расселение возвращающихся из депортации в этих районах не налагалось, за исключением запрета на строительство новых домов в Архызском ущелье (близ курорта Архыз). Не изучен вопрос о том, какую долю среди селившихся в этих районах составляли те, кто жил в них же до 1943 года (или их потомки). По предположениям карачаевцев, проживающих ныне в станице Преградная Урупского района и на прилегающих к ней хуторах, сегодня семьи, жившие в Урупском районе до 1943 г., составляют примерно половину от общего числа карачаевских семей этих населенных пунктов. По-видимому, не совсем верно встречающееся в СМИ утверждение о том, что после депортации на новых местах селились только карачаевцы родом из отдаленных горных сел. Например, среди карачаевцев, поселившихся на хуторах возле Преградной, некоторые называют себя потомками выходцев из села Кумыш Карачаевского района, находящегося на автодороге Черкесск–Карачаевск, вовсе не в высокогорной зоне³⁹.

Наблюдения над нынешним расселением показывают, что карачаевцы селились в основном там, где была возможность заниматься сельским хозяйством. В населенных пунктах, не приспособленных для этого, карачаевских переселенцев практически не было. При-

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ Там же. С. 39 сл.; А. А. Суянчев. Время рассудит. Карачаевск: изд. КЧГУ, 2004.

³⁹ Вместе с тем исследователи отмечают, что общий характер расселения карачаевцев после возвращения из депортации не изменился по сравнению с тем, который существовал до 1943 года. В частности, среди карачаевцев сохранился высокий удельный вес жителей крупных сельских населенных пунктов: см. В. С. Белозеров. Этническая карта Северного Кавказа. Москва: ОГИ, 2005. С. 111.

мером может служить село Курджиново (Урупский район). Там в советское время большинство населения было занято на мебельной фабрике, а лесистая горная местность вокруг села неблагоприятна ни для земледелия, ни для скотоводства. Однако желание возвращающихся из депортации поселиться в том или ином селе еще не гарантировало им такую возможность. По рассказам русских жителей Зеленчукского района старшего поколения, в 1957 г. решение о заселении карачаевцев в конкретное село принимал местный председатель колхоза (директор совхоза). Большинство из них было заинтересовано в новых поселенцах как хороших животноводов, но оставшаяся мононациональная станица Исправная (см. выше) стала исключением.

В большинстве многонациональных сел сейчас нет внутренних этнических границ, жители обеих национальностей живут вперемешку. Но возникало это «смешение» разными путями. Например, есть села, где первоначально, с 1957 г., русские и карачаевцы были расселены компактно, отдельно друг от друга. Так было, в частности, в станице Сторожевой Зеленчукского района, где, судя по рассказам ее жителей, карачаевцы сначала основали практически самостоятельное поселение, отделенное от казачьей станицы рекой. Однако сейчас принцип компактного расселения там не соблюдается. В Сторожевой карачаевцы в настоящее время расселены по обеим сторонам реки, покупая дома в том числе в той части села, которая ранее была заселена только русскими. По данным местных жителей, максимальная стоимость дома с участком в этом селе в 2010 г. находилась на уровне 700 тыс. руб., дом в аварийном состоянии можно было приобрести за 30–50 тыс. руб. (также вместе с участком).

Другая модель первоначального расселения и последующего смешения была реализована в станице Преградная (административный центр Урупского района). В 1957 г. карачаевцы поселились на хуторах, окружающих станицу⁴⁰. В настоящее время в двух из четырех хуторов, находящихся вокруг Преградной и официально входящих в состав Преградненского сельского поселения, население полностью карачаевское. В конце 1980-х–1990-х гг., по рассказам местного населения,

⁴⁰ И. А.-А. Джазаева. Образование населенных пунктов... С. 40.

жители хуторов стали активно селиться непосредственно в станице. До этого, согласно карачаевцам, живущим сейчас в Преградной, им свободно селиться в станице не позволяли (за исключением тех, кто имел в станице работу). Сейчас, как свидетельствуют жители станицы, «нет такой улицы, где бы не жили карачаевцы». По переписи 1979 г., их доля в Преградной, с учетом прилегающих хуторов, составила 18,9%, а по переписи 2002 г. — 27,7%.

3.2. Земля, сельское хозяйство

В КЧР, в отличие от соседней Кабардино-Балкарии, не действует мораторий на приватизацию сельхозземель. В большинстве сел Зеленчукского и Урупского районов крестьяне получили земельные паи⁴¹. Крупные хозяйства, существовавшие в советские времена, в этой части КЧР практически не сохранились. В состав пая вошли пахотные и сенокосные земли (пашни в одном пая в данных районах — от 0,9 до 1,5 га, сенокоса — от 2 до 3 га). В некоторых селах пай состоял только из пахотных земель. Горные отгонные пастбища, закрепленные в советское время за колхозами и совхозами, в большинстве случаев в пай не включались⁴².

По земельной ситуации, а также по отношениям между национальными общинами, складывающимся на ее базе, Зеленчукский и Урупский районы несколько отличаются друг от друга, что связано и с разными условиями для сельского хозяйства в этих районах.

Зеленчукский район выгоден для земледелия, особенно для разведения картофеля. На рубеже 1990–2000-х гг. в Зеленчукском районе активно действовали крупные игроки агропромышленного рынка, стремившиеся консолидировать как можно больше крестьянских паев. Основания, по которым они получали паи, по-видимому, не всегда были прозрачными (нередко пайщики не продавали свои паи, а давали доверенность на совершение с ними сделок, не разобравшись в юридических последствиях такого шага). Агрофирмам удавалось

⁴¹ См. И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов, Т. П. Интигринова, Н. И. Мирнова, Х. Г. Магомедов. Северный Кавказ: модернизационный вызов. Москва: РАНХГС, 2011. С. 87–88.

⁴² Обзор общей ситуации в сельском хозяйстве КЧР после распада СССР содержится в работе: А. Ю. Узденова. Из экономической истории села 1990-х гг. (на примере Карачаево-Черкесии) // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Выпуск 6. Черкесск, 2010. С. 63–69.

получить в распоряжение достаточно большое количество паев. Так, в станице Исправная, по оценкам наших респондентов — местных жителей, из примерно трех тысяч пайщиков 40% отдали свои паи одной из компаний. В станице Зеленчукская имели место судебные тяжбы между одной из агрофирм и местными жителями, решившими забрать переданные ей в аренду паи.

Очевидно, что с агрохолдингами столкнулись обладатели паев как русской, так и карачаевской национальности, и все они в настоящее время говорят о невыгоде передачи своих паев крупным участникам рынка, в том числе и в аренду. Однако оценивают текущую ситуацию в отношениях с этими фирмами в разных национальных общинах по-разному. Ниже приведены характерные реплики жителей одного из «смешанных» поселений Зеленчукского района:

Русский, 1947 г. р. (респондент № 1):

— С паями так и не разобрались до сих пор. Большинство пайщиков, три с половиной тысячи, землю так и не оформили. Если заинтересованность республиканских властей была бы, проблему давно решили бы. Если бы председатель совета пайщиков не плясал под дудку этого ООО, давно решили бы. Так и по сей день ничего не решили, часть оформили, часть не оформили.

Карачаевец, 1934 г. р. (респондент № 2):

Вопрос: А вот с паями были проблемы?

— Этот вопрос решили. Нашлись люди, которые взялись за это дело.

Вопрос: То есть у вас пай оформлен в собственность, все как положено, с этим проблем нет?

— Да. Уже у всех почти с паем нормально, уже сами пользуются.

Оценку, данную первым респондентом, поддерживают и опрошенные в Урупском районе.

Русский, 1942 г. р. (респондент № 3):

— Есть паи, приносят налоги тому, кому положены паи, а где наша земля? А нету. А налоги плати.

Вопрос: А что сейчас на земле, которая раздавалась обладателям паев?

— Да ее не делили. Пустыри там, ничего нет. Вон поезжай за эту гору, поля, где я пахал и работал в совхозе, ничего нет, все развалилось, травой все поросло.

Те, кто сейчас сам распоряжается своим паем, либо обрабатывают его самостоятельно, либо сдают в аренду. Оценка перспектив самостоятельного возделывания земель, полученных в качестве пая, в разных национальных общинах тоже разная. Ниже фрагменты интервью, собранных в Зеленчукском районе.

Русский, 1947 г. р. (респондент № 1):

— Раньше огороды брали, а сейчас не хотят.

Вопрос: Невыгодно?

— Да, это трудоемко и невыгодно. Цена низкая, и затраты больше, чем они от этого получают.

Русская, 1978 г. р. (респондент № 4):

— Вот соседи — карачаевцы картошки на 130 тысяч [рублей] продали. Молодцы... Вот у нас два огорода, у мамы, но чтоб участок взять и на продажу выращивать — нет, и не знаю, кто из русских этим занимается. Среди моих знакомых таких нет.

Вопрос: А почему так получается?

— Не знаю... Мне кажется, нужно слишком много вложить. Людей нанимать.

Вопрос: То есть нужен оборотный капитал, которого у людей нет, так?

— Ну да. Не с чего начать. А своими силами можно только для себя. Ну, может, тонну-две получится продать, не больше. Так у всех моих знакомых, на работе, родственников.

Карачаевец, 1950 г. р. (респондент № 5):

— Пай у меня есть. У меня не было своего пая, но у отца был пай, и по наследству он достался мне. Я его отдал в аренду, а сам в другом месте взял. В этом году я решил свой пай использовать. Засаваю картошкой. Лучший вариант в наших местах — взять и смотреть за этим паем. 94 сотки, около гектара. В этом году где-то 80 тысяч мы на этом пае заработали. Можно еще арендовать, но для этого нужно иметь свой транспорт.

В нашем районе очень многие покупают или берут в аренду паи, выращивают и нормально, особенно как в этом году получилось, и цена пошла, и очень многие, по-моему, оперились. У кого есть деньги или люди есть, у тех очень хорошая возможность.

Вначале приехал человек с Москвы, местный, он сказал — я аренду ваши участки, я вам буду платить. За прошлый год мне заплатили

из расчета полтонны зерна на пай. 600 кг зерна плюс 200 рублей, это получается 3700 за пай. А за первый год тот человек так и не отдал ничего. За прошлый год уже более-менее порядок люди навели, и вот буквально вчера мне принесли, отдали... У нас два человека есть, которые занимаются этими вопросами, которые приватизируют это, которые оформляют документы. Ни зарплату, ничего не получают, просто как активисты. Хочешь продать, сдать в аренду — эти вещи они решают.

Карачаевец, 1973 г. р. (респондент № 6):

— Есть отцовские пай и свои. В пае 0,94 гектара. У нас три пая.

Вопрос: То есть, в принципе, семейных паев у вас хватает, чтобы какой-то бизнес вести?

— Ну да, стараемся.

Вопрос: А людей нанимаете при обработке?

— Нанимаем, люди помогают там.

Карачаевец, 1947 г. р. (респондент № 1):

— Сейчас же рабочих рук много, только плати. Дети нанимают и платят. По 500 рублей [в день].

Среди карачаевцев в интервью часто звучала точка зрения, что их хозяйства могли бы развиваться лучше при более активной государственной поддержке.

Карачаевец, 1973 г. р. (респондент № 6):

— Если бы было какое-то субсидирование более широкое, чем субсидирование 10% кредита Россельхозбанка, мы бы свой бизнес расширили. Вот у меня сосед держит 5 коров. Он бы держал 10 коров. Справа сосед тоже держит 7–8 коров, держал бы 20 коров.

Нет каких-либо видимых, активно высказываемых самими жителями причин, которые бы объясняли оптимизм одних и пессимизм других в отношении работы на земле, выделенной в качестве пая. В частности, новые поселенцы не создали какого-либо единого хозяйственного механизма, который обеспечивал бы им взаимопомощь:

Карачаевец, 1973 г. р. (респондент № 6):

Вопрос: А объединения фермерские здесь не практикуются?

— Пока такого нет. Были [планы], но не получилось. Там надо деньги вкладывать. Понимаешь, если у человека, допустим, есть свои трактора, то ему неинтересно в это вступать, а таким, как я, вступать трудно.

Также беседы с жителями не выявили случаев, чтобы один житель села арендовал или выкупал для своего хозяйства значительное количество паев. Чаще всего арендуют один–два пая. Есть случаи, когда карачаевцы арендуют пай у русских. Арендная плата за пай вносится обычно зерном, в 2010 г. она составила по Зеленчукскому району 400–700 кг зерна за один пай.

По-видимому, наиболее конфликтная ситуация вокруг выделения паев складывается в станице Исправная, население которой почти полностью русское и в которой активно действуют представители республиканских общественных организаций, позиционирующих себя как защитники интересов русского населения. Напомним, что, по рассказам местных жителей, около 40% пайщиков в этой станице отдали пай в аренду крупному агропромышленному предприятию, а остальные по состоянию на 2010 г. сталкивались с проблемами при попытках реально получить доступ к земле, входящей в их пай. Жители станицы, а также взаимодействующие с ними общественники подчеркивают, что земли вокруг станицы, которые должны быть розданы на пай, отдаются в аренду или продаются предприятиям и лицам, никак не связанным с Исправной. Протицируем претензии жителей Исправной, изложенные в материале газеты «Русь» (Черкесск) от 8 апреля 2010 г., рассказывающем о сходе станичников, на котором присутствовало также руководство района и представители агробизнеса, работающего в районе:

«До каких пор у нас на глазах будет распоряжаться землями СПК "Исправная" (которые должны пойти под выдел сенокосов) администрация Зеленчукского муниципального района, а не сами пайщики, и почему вокруг станицы на сохранившихся кошарах и фермах работают и содержат свой скот «пришлые», а не местные скотоводы?.. В качестве примера назовем передачу 45 га некоей майкопской организации под разработку гипса... Исправненцев лишили имущества, обведя вокруг пальца как малых детей... Продали жителю аула Кызыл-Октябрь (полностью карачаевское село Зеленчукского района. — К. К.) 46 объектов всего за 3 млн 581 тыс. руб. в октябре 2005 г.»

Запутанная юридическая ситуация, осложненная неоднократным запуском процедуры банкротства сельхозпредприятий, делает ситуацию в Исправной наиболее чреватой конфликтами. По «расстановке

сил» эта станица принципиально отличается от своих соседей, потому что в ней имеется почти однонациональная община, высказывающая недовольство руководством района и ряда коммерческих структур.

И русские, и карачаевцы в Зеленчукском районе в качестве одной из проблем указали доступ к сельхозтехнике. Но перспективы решения этой проблемы разные респонденты оценили по-разному.

Карачаевец, 1973 г. р. (респондент № 6):

— Нанимать комбайн смысла нет. Не такие масштабы. А если нанять трактор, который пашет, — я ему заплачу, он приедет, вспашет. Это проще... Когда 2–3 гектара, уже надо нанимать трактор. Но нанимать как-то дороговато, и вот он [фермер] выходит, бегаёт, лазейки ищет свои. Но у меня двоюродный брат купил трактор. Каждый год же не будешь платить. Купим трактор.

Русская, 1947 г. р. (респондент № 7):

— Но ведь для разведения картофеля немного и надо — трактором распашал, засеял, пару раз прополол — и собрал урожай. Но за все надо платить, нанимать. Невыгодно.

Звучали в интервью и более общие негативные оценки ситуации, возможно субъективно обусловленные, однако достаточно частые:

Вопрос: А чем мужья дочерей занимаются?

Русская, 1954 г. р. (респондент № 8):

— Один дрова людям рубит, другой, что заработает, — все пропивает... На биржу ходит, у карачаевцев работает, а потом все пропивает.

Вопрос: На какую биржу?

— Ну, нанимаются на день. Картошку выбирать или еще чего.

Вопрос: То есть сезонная работа?

— Ну да, сезонная, зимой дома сидят.

Вопрос: А сколько за сезон заработать можно?

— День работы — 600–700 рублей.

По сбыту сельхозпродукции две национальные общины, судя по интервью, находятся примерно в равных условиях. Чаще всего жители Зеленчукского района рассказывали о том, что перекупщики скупают их продукцию, в первую очередь картофель, прямо на полях, особенно в годы большого урожая. Продажа на рынке — менее распространенный вариант. Цены сильно варьируются от года к году в зависимости от урожая.

В Урупском районе условия для земледелия хуже. Основной источник существования для сельского населения там — животноводство.

Карачаевец, 1960 г. р. (респондент № 9):

— Если скотину продам, семью кормить нечем. На огород в 20–25 соток не прокормишь.

Выпаса, находящиеся в непосредственной близости от населенных пунктов, включались в паи, выделяемые колхозникам, наравне с пахотой и сенокосными землями. Однако их для откорма скота недостаточно — их используют только в качестве зимних пастбищ, а также для «домашнего» скота, дающего молоко. Для летнего выпаса скота местные жители заинтересованы в использовании горных отгонных пастбищ. Их общая площадь на территории района — около 3200 га. Именно эти пастбища составляют в районе основной земельный «актив». Они находятся в республиканской собственности, в паи они не входят. Пашню используют в основном для разведения овощей, однако их урожайность в районе значительно ниже, чем в соседнем Зеленчукском. Возможно, именно из-за низкой урожайности население Урупского района часто не заинтересовано использовать землю, включаемую в паи. По свидетельствам жителей станицы Преградная, 70% колхозников там свои права на паи не оформили.

Ситуация с горными пастбищами в Урупском районе достаточно острая. На их использование претендуют почти исключительно карачаевцы. Карачаевские фермеры в 2011 г. жаловались, что не могут оформить договоры аренды на отгонные пастбища. По их словам, как минимум с 2000 г. большинство из них в летний период пасет свой скот в горах без какого-либо оформления права пользования пастбищами. Большинство фермеров нуждается в участках площадью около 100–200 га, однако лишь единицы в 2011 г. имели договоры аренды на такие участки (по свидетельству самих фермеров, таковых было всего два человека на район).

По рассказам фермеров, вопросы об аренде они должны решать с районными властями, несмотря на то что пастбища относятся к республиканской собственности. Районные власти не препятствуют фермерам в «неформальном» использовании пастбищ. Как заявляют фермеры, отказ заключать с ними договоры районные власти мотивируют тем, что пастбища якобы отданы или в ближайшее время будут отданы

какому-то неместному арендатору, и фермерам надо будет заключать именно с ним договоры субаренды, однако сделать это можно будет только после того, как арендатор «появится в районе». У фермеров такая перспектива вызывает крайне негативную реакцию: они опасаются того, что новый арендатор установит для них неподъемно высокие цены для субаренды. Районные власти в 2011 г. сообщили, что горные пастбища, находящиеся на территории района, официально выставлены на аренду. В районной администрации признали, что на аренду всех пастбищ претендует одна компания, не зарегистрированная в районе, а также несколько фермеров, претендующих на участки от 200 до 800 га. Районная администрация заверила, что при решении вопроса об аренде «позиция руководства района — не обижать своих». Однако, по нашим данным, до конца летнего сезона договоры аренды с большинством фермеров так и не были заключены⁴³.

Пастбищные земли в горах неформально разделены между карачаевскими семьями, занимающимися отгонным животноводством. Границы между пастбищными участками, которые они используют, достаточно стабильны, фермеры рассказывают о них как о вполне сложившихся: «Там стоят (т. е. пасут. — К. К.) такие-то, там — такие-то». Они видят внешнюю угрозу этой системе в арендаторах, не связанных с районом и, по-видимому, желающих получать прибыль от сдачи пастбищ в субаренду тем самым людям, которые сейчас их реально используют⁴⁴.

⁴³ В Карачаево-Черкесии возникла конфликтная ситуация из-за горных пастбищ // ИА REGNUM. 26 июня 2011 г. <http://regnum.ru/news/1420224.html>.

⁴⁴ Горные отгонные пастбища в КЧР находятся на территории не только Урупского, но также Зеленчукского и Карачаевского районов. В советское время они представляли равнинным хозяйствам. К 1995–1996 гг. их использование равнинными хозяйствами стало менее активным, чем в советское время. Так, по свидетельству руководителя одного из сельхозпредприятий Хабезского района, его хозяйство к этому времени вообще перестало использовать отгонные пастбища, так как у него уменьшилось поголовье скота. Юридическая ситуация с отгонными пастбищами часто запутанная, при этом, в отличие от соседней Кабардино-Балкарии, в Карачаево-Черкесии статус отгонных пастбищ не стал предметом широкого публичного обсуждения и конфликтов. По факту, в разных районах управление этими землями складывается по-разному. Так, если в Урупском районе вопросы аренды фактически должны решаться через районную администрацию, то, например, в Карачаевском районе, на плато Бечесын, договоры аренды для выпаса скота, по свидетельствам местных жителей, надо заключать с республиканским Министерством имущественных и земельных отношений, при этом фактически плато используется мало. Руководители ряда хозяйств Хабезского района утверждают, что отгонные земли в Зеленчукском районе, предоставлявшиеся в советское время колхозам или совхозам их сел, сейчас сдаются в аренду карачаевцам Зеленчукского района, которые за плату пасут и скот того хозяйства Хабезского района,

Русское население Урупского района на использование горных пастбищ, как правило, не претендует. Русские в этом районе лишь иногда поручают свой скот чабанам-карачаевцам, отправляющимся в горы (в 2011 г. плата за выпас составляла 300 рублей в месяц за одну корову). С учетом того, что земледелие в районе не имеет больших экономических перспектив, русское население в массе своей практически не имеет отношения к товарному сельскому хозяйству и ищет источники дохода в других сферах, часто мигрирует из района.

Еще одна тема, связанная с сельским хозяйством, которую достаточно эмоционально комментируют жители сел, — это получение сельхозкредитов и материальной помощи от государства. Карачаевцы и русские, опрошенные в селах, солидарны в том, что кредиты получать трудно. При этом несколько русских респондентов настаивали на том, что казаки должны быть признаны репрессированным народом, наравне с карачаевцами, чеченцами, калмыками и др., и иметь право на соответствующие компенсационные выплаты. Не приводя каких-либо цифр, казаки утверждают, что «компенсационные» деньги сыграли большую роль в подъеме карачаевских хозяйств.

3.3. Местное самоуправление и отношение к нему

В местном самоуправлении «смешанных» сел Зеленчукского района в целом реализуется неформальный национальный паритет: в сельских советах депутатов и в администрациях сел имеются и карачаевцы, и русские. Как правило, при выборах сельских депутатов по одномандатным округам избегают выдвижения в одном округе депутатов разных национальностей. Жестко этот принцип не соблюдается, но в целом действует.

Многонациональными являются районные администрации и сельские администрации в «смешанных» селах. Распространенная схема — глава муниципального образования одной национальности, его замести-

за которым ранее были закреплены эти пастбища. О повсеместной «карачаевизации» горных пастбищ говорить, впрочем, нет оснований. Например, русские жители станицы Сторожевая (Зеленчукский район) рассказывают, что некоторые из них пасут свой скот в горах сами, сбиваясь в «бригады», в которых роль чабана выполняется владельцами скота поочередно. При почти полном отсутствии публичного обсуждения статуса горных пастбищ, нашими респондентами в Зеленчукском и Урупском районах нередко высказывались самые «экстремальные» версии об их судьбе. Если представители карачаевцев часто говорили о том, что пастбища «проданы москвичам», то среди русского населения в моде версия о сформировавшейся в горах «собственности ваххабитов».

тель — другой. В большинстве «смешанных» сел главы — русские, в двух таких селах пост главы сейчас первый срок занимают карачаевцы.

Работу глав, а также районной администрации в целом больше готовы обсуждать русские, а не карачаевские респонденты, причем оценка глав не связана с их национальностью. Распространенная претензия к главам сел и района — неясность системы распределения пастбищных земель, не поделенных на паи, и системы разрешения на строительство кошар на пастбищах («строят без разрешения архитектуры»). Из претензий к республиканской власти самая упоминаемая — незавершенность газификации. В Зеленчукском районе, например, не до конца газифицирована практически полностью русская по составу населения станица Исправная. Напомним, что именно в Исправной население активно выражает свои протесты и по поводу распределения земель, обращая их в первую очередь к районной администрации.

3.4. Школа и молодежь

В школьном образовании две национальные общины тесно взаимодействуют. В тех селах, внутри которых есть зоны компактного проживания карачаевцев, на их территории есть и «однонациональные» по составу школы. Но и в этих селах, по свидетельству учителей, карачаевские родители предпочитают отдавать своих детей в школы со смешанным национальным составом. В такие школы часто отдают и детей из полностью карачаевских сел. Ученики карачаевской национальности во всех школах имеют возможность изучать карачаевский язык как предмет. Однако известен случай, когда в одной из школ встал вопрос о выделении дополнительных часов на преподавание карачаевского языка, но родители-карачаевцы заявили, что предпочтительно занять эти часы английским, поскольку родным языком дети и так овладевают дома. В «смешанных» школах соотношение национальностей может быть разным как среди учеников, так и среди учителей.

Наблюдается тенденция к «укрупнению» школ, в процессе которого закрываются в первую очередь школы, находящиеся в местах компактного проживания карачаевцев, т. е., как правило, на окраинах селений. Так, в одном из хуторов, входящих в состав станицы Преградная, по свидетельству местных жителей, начальная школа была закрыта во второй половине 2000-х гг. из-за малочисленности учащихся (на ху-

торе, где она располагалась, около 130 хозяйств). Однако и тогда, когда эта школа работала, многие жители хутора предпочитали с первого класса отправлять своих детей в школы, находящиеся в центральной части станицы.

Более сложным является вопрос о существовании барьеров среди старших школьников за пределами школьного класса, и в молодежной среде в целом. Опрошенные жители сел старшего и среднего поколения, вне зависимости от национальности, именно в молодежной среде видят основную угрозу для межнационального мира на своей территории. Судя по их рассказам, среди молодежи сел реализуются типичные для юга России взаимоотношения с устоявшимися группами, «контролирующими» определенные территории, и т. п. Сложность в том, что часто эти группы формируются по национальному признаку.

Вопрос: А отношения между школьниками как складываются, нормальные или конфликтные?

Русская, 1978 г. р. (респондент № 10):

— Вы знаете, конфликтные. Неприязнь все равно чувствуется. Больше наездов: давай подеремся, силами померяемся. А начинается с пустяка... В прошлом году вообще не было ни одной дискотеки. Мы делаем вечер для своих детей, приезжают с Кызыл-Октября (село в Зеленчукском районе, населенное карачаевцами. — К. К.) — и начинается. Нам это не надо.

Из этой реплики видно, что в молодежные инциденты в смешанных селах может вмешиваться молодежь из однонациональных сел.

Люди среднего и старшего поколения, жалуясь на подобные ситуации, подчеркивают, что в их возрастных категориях аналогичных проблем нет. Например, русские жители сел неоднократно рассказывали о торговых сделках, заключаемых с карачаевцами (купля-продажа скота и т. п.), о работе по найму на участках, владельцами которых являются карачаевцы, и т. п.

3.5. Религия

В селах действуют и мечети, и православные храмы. По словам имамов мечетей, на пятничную молитву постоянно приходят в основном жители села старшего возраста (в одном из «смешанных» сел с населением около 8 тысяч человек в пятницу в мечети присутствует,

по словам имама, 20–40 человек, часть которых — приезжие). Имамы мечетей нередко находятся в непрестом материальном положении. Не имея регулярной финансовой поддержки от Духовного управления мусульман КЧР, они на практике часто могут рассчитывать только на доходы от собственного хозяйства и на помощь родственников.

Православные храмы также регулярно посещает довольно небольшой процент жителей, тоже преимущественно старшего поколения. Однако храмы служат своего рода «базой» для русских общин. Одинокие пожилые женщины нередко получают там и материальную поддержку, устраиваясь при храме на какую-либо работу.

В школах в качестве предмета по выбору преподаются «Основы православия» и «Основы ислама». Имамы мечетей заявляют, что в школы их практически не приглашают, даже в те, где большинство составляют карачаевцы.

Имеются как «русские», так и мусульманские кладбища. В Урупском районе, например, шесть мусульманских кладбищ, некоторые из них закреплены одновременно за несколькими селениями.

3.6. Работа и миграция

За пределами сельского хозяйства, администрации и школ работы в селах немного. В Урупском районе (в частности, в Курджиново и Преградной) распространенным местом работы русского населения являются пилорамы, на которых обрабатывают срубленный в районе лес. В районе имеется не менее 20 пилорам. Некоторые работают на своем сырье, но, по-видимому, большинство — на чужом, т. е. хозяева пилорам там не являются владельцами лесных билетов, позволяющих вести вырубку (распиловка чужого леса на пилорамах в 2011 г. стоила в среднем 600 рублей за кубометр). Однако работа по найму на пилорамах чаще всего не является стабильной. По свидетельствам карачаевских фермеров, которые рассматривали для себя возможность открытия своей пилорамы, заниматься этим бизнесом, не ведя самостоятельно вырубку, довольно рискованно. Может подолгу не быть спроса на распиловку чужого сырья — в этом случае и работники пилорамы, вероятнее всего, останутся без заработной платы. Получение же лесных билетов для жителей района затруднено. Респонденты рассказывали о том, что большая часть участков для вы-

рубки используется предпринимателями из Краснодарского края. Жителям района часто приходится довольствоваться участками, находящимися на большой высоте, где для работы необходима техника. Все это не позволяет владельцам пилорам предлагать жителям стабильную работу.

Другой вариант работы — в пансионатах, расположенных в районе. Люди с соответствующей подготовкой имеют возможность устроиться также в качестве работников к коннозаводчикам и участвовать в организации скачек — виде отдыха, особенно популярном у карачаевцев (в качестве работников задействованы и русские). Несколько десятков русских жителей Зеленчукского района работают в одной из военных частей. Некоторое количество карачаевцев работает на разных работах в городе Карачаевске, живя при этом в селах. Среди русского населения популярна работа в Черкесске на заводах, подконтрольных известному черкесскому предпринимателю Вячеславу Дереву. Из станции Зеленчукской каждое утро на эти заводы отправляется по несколько автобусов с работниками.

Распространенный вид мелкого предпринимательства в селах — открытие магазинов. Бизнес этот интернациональный, по крайней мере в Зеленчукском районе.

Русская, 1978 г. р. (респондент № 4):

— В принципе, здесь много бизнесменов, и русских тоже. Магазины держат. Процентом 70 карачаевцы, процентов 30 русские. А продавцы наоборот — процентов 70 русские, процентов 30 карачаевцы.

Представители молодого поколения достаточно активно выезжают из районов. При этом ориентиры миграции у двух национальных общин разные. У карачаевцев один из частых и, судя по интервью, желаемых вариантов — это отъезд в город Черкесск (наиболее распространенные варианты устройства там — открытие торгового бизнеса или поступление на госслужбу). Русские в Зеленчукском районе первым ориентиром миграции называют Ставрополье. В Урупском районе русское население часто находит работу в Краснодарском крае, с которым этот район граничит и исторически тесно связан. Интересно отметить, что в Урупском районе, по-видимому, часть населения позитивно воспринимает идею присоединения района к этому краю. Схожие настроения фиксировались там и раньше. Известно, что в ходе опроса

населения КЧР о сохранении единства региона, прошедшего в марте 1992 г., в Урупском районе идея сохранения единой КЧР не получила сильной поддержки⁴⁵.

Миграционные настроения в Урупском районе могут быть связаны с тем, что большая часть имеющейся там собственности не принадлежит жителям района и воспринимается как «отчужденная».

Русский, 60 лет (респондент № 11):

— Лес — круглые сутки там гудят, и везут, и везут, и везут.

Вопрос: Местные?

— Нет. Предприниматели.

Русский, 54 года (респондент № 12):

— Как правило, здесь больше осталось жить пенсионеров. Молодежь вся потихоньку разбегается... Семьи кормить здесь нечем особенно, потому что то, что здесь осталось, — крохи от того, что здесь было. Была мебельная фабрика. Ее выкупили и развалили.

4. РИСКИ

Будучи многонациональными по составу, Зеленчукский и Урупский районы не стали «плавильным котлом» для проживающих в них народов. Даже там, где два народа живут смешанно, без территориального размежевания, жители достаточно четко осознают себя членами одной из национальных общин. Однако в основных сферах общественной жизни взаимодействие между национальными общинами достаточно четко выстроено, пусть и не всегда симметрично. Особенно заметно это взаимодействие в школьном образовании, но также и в местном самоуправлении, малом бизнесе (работа в торговых точках и на полях и т. п.), сделках (аренда и продажа паев, продажа скота т. п.).

Экономические условия существования двух национальных общин в целом отличаются не сильно. И для русских, и для карачаевцев единственная реальная возможность в земледелии — это создание хо-

зяйства на основе небольшого количества паев. При этом и русские, и карачаевцы сталкивались с необходимостью отстаивать свои права пайщиков перед представителями крупного агробизнеса.

Несмотря на все это, проведенные интервью зафиксировали большую разницу между двумя национальными общинами в оценках перспектив занятий сельским хозяйством на данной территории, и шире — разницу в ожиданиях от собственного пребывания на своей малой родине. Неотложный вопрос состоит в том, могут ли указанные различия в социальном самочувствии стать причиной для роста политической напряженности на этом «стыковом» участке Северного Кавказа. Для населения, живущего в районах, о которых идет речь, сельское хозяйство остается и в ближайшие десятилетия, скорее всего, останется основным средством существования. Поэтому столь разные оценки его перспектив, прозвучавшие в интервью, являются тревожным фактором. Надо подчеркнуть, что опрошенные из обеих национальных общин — люди, одинаково далекие от каких-либо крупных коммерческих структур, вовлеченных в агробизнес. То есть замеченная тенденция никак не может быть объяснена случайной близостью каких-то групп населения к каким-то внешним источникам ресурсов — тенденция явно шире и глубже, и она касается оценки разными общинами собственных перспектив на земле, на которой они живут.

Как мы видели, данные «внутренние» обстоятельства, отмечаемые в Зеленчукском и Урупском районах, соседствуют с возрастающей активностью «внешних» по отношению к ним сил, заинтересованных в контроле над определенными ресурсами на этих территориях. Это и агрохолдинги, и «спекулятивные» арендаторы земли, и предприниматели, занятые в лесной промышленности. Если миграция населения из рассматриваемых районов не примет обвального характера, то конфликт интересов таких структур с местными жителями будет становиться все более очевидным. Это, в свою очередь, поставит население районов перед необходимостью большей самоорганизации и более жесткого отстаивания своих интересов. Принципиальный вопрос, на наш взгляд, состоит в том, будет ли эта самоорганизация носить этнический характер. Нынешняя ситуация в Зеленчукском и Урупском районах, с явными различиями в жизни их основных народов, делает такое развитие событий вероятным, хотя и не несет в себе непосредственной угрозы межэтнических конфликтов.

⁴⁵ См. Н. Д. Пчелинцева, Л. В. Самарина. Карачай в контексте новой исторической реальности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1995.

Очерк третий. НОВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ: ЧЕМУ ПОМОГЛИ И ЧЕМ ГРОЗЯТ?

1. СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 2000-е гг.

Вопрос о «национальных границах» на Северном Кавказе, о том, должно ли административно-территориальное деление в северокавказских регионах соответствовать расселению разных этнических групп, обсуждается в последние годы часто. Хорошо известно, что национальный принцип был основным при разделении Северного Кавказа на автономии в 1920-е гг.⁴⁶. Советская система деления на регионы позднее менялась незначительно и в основе своей сохранена на Северном Кавказе по сей день.

На уровне местного самоуправления ситуация с «национальными границами» сложнее. Большинство районов северокавказских республик на сегодняшний день имеют смешанный состав населения, о чем говорят, например, «национальные» итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Однако это не значит, что в вопросах о границах муниципальных образований на Северном Кавказе не присутствует этнический фактор. Достаточно сказать, что одним из требований ра-

дикальной части балкарского национального движения в Кабардино-Балкарии является восстановление в полном объеме районов, в которых балкарцы проживали до депортации 1944 г. (в настоящее время один из четырех этих районов ликвидирован). В целом земельные споры в Кабардино-Балкарии, длительное время влиявшие на политическую обстановку в этом регионе, активизировались именно в ходе реформы местного самоуправления 2000-х гг.⁴⁷.

Федеральная власть публично не одобряет перекройку границ на Северном Кавказе по этническому принципу, как и вообще использование этого принципа в формировании управленческих структур. Например, полномочный представитель президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин на встрече с журналистами 17 октября 2011 года назвал формирование административных органов по национальному признаку «атавизмом прошлого»⁴⁸. Однако на практике этнический фактор в государственном строительстве на Северном Кавказе вовсе не игнорируется. Например, в последние годы там были созданы два национальных района, то есть района, названия которых отражали численное преобладание там одной из национальностей. Это Абазинский и Ногайский районы Карачаево-Черкесии.

Абазины и ногайцы – это два народа КЧР, уступающие там по численности карачаевцам, черкесам и русским (по переписи 2010 г., абазины составляли в КЧР 7,7% населения, ногайцы – 3,3%). В Конституции КЧР ногайцы и абазины названы среди народов, которых КЧР «объединила в ходе исторического развития единой судьбой». Ногайцы компактно проживают на северо-западе КЧР, по обеим сторонам реки Малый Зеленчук. Что касается абазин, то 13 их сел расположены в разных частях КЧР. Один абазинский анклав имеется на северо-востоке региона (Адыге-Хабльский район), также абазины составляют большинство в ауле Псыж (6810 чел., по переписи 2002 г.), расположенном в непосредственной близости от Черкесска, на противоположном от него берегу Кубани. Несколько абазинских сел имеется к югу от Черкесска. Кроме того, крупное абазинское село Красный Восток находится в восточной части республики, в Малокарачаевском районе.

⁴⁷ См. Казенин К. И. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С. 56–113.

⁴⁸ Пятигорская правда. 18 октября 2011 г.

⁴⁶ См. А. Х. Боров. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: изд-во КБГУ, 2007. С. 87–147.

Абазинский и Ногайский районы КЧР были созданы во второй половине 2000-х гг. Ногайский район включил в себя все села, в которых проживают ногайцы, кроме села Кизилюрт, находящегося в Хабезском районе. В Абазинский район вошло пять абазинских сел из 13. Включить в район все или хотя бы большинство абазинских сел не представлялось возможным, поскольку в таком случае район оказался бы состоящим из нескольких не граничащих друг с другом территорий, что не разрешается российским законодательством: абазинские села Карачаево-Черкесии характеризуются достаточно большим территориальным «разбросом» (см. карту «Карачаево-Черкесская республика»), абазинские анклавы отделены друг от друга территориями, населенными другими народами, поэтому создать административно-территориальное образование, состоящее из всех абазинских сел, практически невозможно.

Политической остротой отличалось в основном создание Абазинского района, начавшееся в 2005 г.⁴⁹ Это было связано с конфликтом экономического характера вокруг абазинского села Кубина, находящегося тогда на территории Усть-Джегутинского района. Значительная часть жителей этого села на тот момент работала на находящемся неподалеку тепличном комбинате «Московский», принадлежащем правительству Москвы. У жителей Кубины вызвало протест решение Народного собрания КЧР, не включившего тепличный комбинат в границы села (республиканский закон «Об установлении границ муниципальных образований на территории Усть-Джегутинского района и наделении их соответствующим статусом» был принят Народным собранием КЧР в декабре 2004 г.). Для бюджета сельского муниципального образования вопрос о границах был принципиален из-за налоговых поступлений, связанных с комбинатом. В июне 2005 г. в Верховном суде РФ провалилась попытка представителей села признать незаконными муниципальные границы, проведенные Народным собранием. Именно после этого в столице КЧР Черкесске прошла серия протестных акций абазин, проводимых преимущественно жителями Кубины. Увенчались они тем, что 29 июня около 200 жителей этого села ворвались в Дом правительства КЧР (отметим, что это был в общей сложности уже третий протестный «штурм» Дома правительства менее чем за год).

⁴⁹ К. И. Казенин. «Тихие» конфликты... С. 165–172.

Реакция властей на эти акции оказалась максимально примирительной. Была стремительно запущена процедура создания Абазинского района. Референдум о его создании прошел 25 декабря 2005 г. Решение о его проведении было принято в октябре 2005 г. советами депутатов Кубинского и Псыжского сельских поселений и не встретило противодействия на региональном уровне. После всех необходимых формальных процедур, распоряжение «О присвоении наименования «Абазинский» району с административным центром в ауле Инжич-Чукун» было подписано главой правительства РФ в июне 2006 года. Вскоре после этого, 27 ноября 2006 г., Народное собрание КЧР внесло поправки в республиканское законодательство, включив комбинат «Южный» в границы Кубины.

В процессе создания Абазинского района было видно, что руководство республики рассматривает его в первую очередь как «политическое» образование, возникшее из-за необходимости погасить назревавший конфликт. Дело в том, что саму идею создания района руководство КЧР стало активно озвучивать только после того, как со стороны жителей Кубины прозвучали первые протесты по поводу отторжения тепличного комбината. Район объединил села, которые достаточно мало связаны друг с другом в хозяйственном отношении, существуют по весьма разным экономическим моделям, а также не близки друг к другу в транспортном отношении. Наряду с аулом Псыж, пользующимся преимуществами столичного пригорода, и Кубиной, находящейся при тепличном комбинате, в район попали три достаточно «депрессивные» села. Очевидно, что не формальное, а реальное объединение хотя бы этих пяти абазинских сел в некий единый организм может осуществиться только ценой очень серьезных экономических и инфраструктурных проектов, которые пока не реализованы. На данный же момент о социальных и хозяйственных итогах создания Абазинского района говорить трудно.

При этом резонанс, который вызвало его создание, почти «заглушил» образование в КЧР еще одного «национального» района – Ногайского. Формирование этого района шло по иной модели: в него попали исключительно села, расположенные компактно по отношению друг к другу, образующие естественный этнический анклав. С созданием района этот анклав лишь обрел свой муниципальный статус. Однако

и такой «естественный» путь создания района, отделяемого от соседних территорий по национальному признаку, как оказалось, наткнулся на определенные подводные камни. Рассмотрению опыта создания Ногайского района будут посвящены нижеследующие разделы.

2. НОГАЙСКИЙ РАЙОН: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Ногайский район в составе Карачаево-Черкесии находится на севере этой республики (одноименный район расположен на севере Дагестана). Вместе с соседним Адыге-Хабльским районом он занимает равнинную местность к северо-западу от столицы республики Черкесска, пересекаемую реками Большой Зеленчук и Малый Зеленчук (см. карту «Северо-запад Карачаево-Черкесии»). Территория Адыге-Хабльского и Ногайского районов сложна по этническому составу: по данным переписи 2002 г., здесь проживают черкесы, ногайцы, русские, абазинцы, греки, карачаевцы и другие народы. При этом смешанных сел мало (в основном смешанность достигается за счет присутствия в селе русского меньшинства).

Административное деление территории, входящей ныне в два указанных района, в советский период неоднократно менялось, причем иногда оно проводилось по национальному признаку, а иногда — нет. Впервые национальный округ, носивший название Ногайско-Абазинского или, по некоторым документам, Абазино-Ногайского, был создан в составе Карачаево-Черкесской автономной области в 1925 г. Округ включал в основном ногайские и абазинские села, находящиеся на территории нынешних Адыге-Хабльского и Ногайского районов (будучи территориально целостным образованием, он заведомо не мог включить в себя все абазинские села — см. выше). Как отмечает И. А.-А. Джазаева, создание Ногайско-Абазинского округа с самого начала могло иметь политические причины: численность абазин на территории Карачаево-Черкесской автономной области, созданной в 1922 г., превышала численность черкесов, и, как полага-

ет исследователь, отсутствие абазинского народа в названии региона могло вызывать определенное недовольство, так что создание округа могло рассматриваться как некоторая «компенсация»⁵⁰. В 1926 г., после расформирования Карачаево-Черкесской автономной области, эта территория вошла в состав Черкесского национального округа (с 1928 г. — Черкесской автономной области; о расформировании Карачаево-Черкесской АО в 1926 г. подробнее см. раздел 1 главы 2).

В составе Черкесской автономной области (ЧАО) территория нынешних Адыге-Хабльского и Ногайского районов подвергалась административно-территориальному переделу несколько раз⁵¹. Постановлением ВЦИК от 12 ноября 1928 г. Ногайско-Абазинский округ получил статус района в составе ЧАО. В январе 1935 г. район был разделен на два — Кувинский и Икон-Халкский. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Икон-Халкском районе, при общей численности населения в 15 175 человек, черкесы составляли 43,2%, ногайцы — 31,7%, русские — 15,4%. В Кувинском районе, с общей численностью населения 9627 человек, общая доля черкесов и абазин составила 49,5%, доля ногайцев — 11,5%, русских — 26,4%. Таким образом, в обоих районах ни одна этническая группа не составляла абсолютного большинства. Тем не менее особый статус Икон-Халкского района по отношению к ногайцам был виден из его названия, полученного от ногайского села Икон-Халк. При этом центром Икон-Халкского района данное село успело побыть не более года: в 1936 г. районные органы власти были перенесены в село Адыге-Хабль, преимущественно черкесское по национальному составу, находящееся в непосредственной близости Икон-Халка, на противоположном берегу реки Малый Зеленчук.

В августе 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Кувинский район был упразднен, большинство его территорий было включено в Икон-Халкский район. После восстановления объединенной Карачаево-Черкесской автономной области в январе 1957 г. и возвращения карачаевцев из депортации, Икон-Халкский район был переименован в Адыге-Хабльский (название села Адыге-Хабль

⁵⁰ И. А.-А. Джазаева. Образование населенных пунктов и административно-территориальное обустройство в Карачаево-Черкесии в советский период. Дисс... канд. ист. наук. Карачаевский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2011. С. 89.

⁵¹ Там же. С. 90 сл.

по-черкесски означает «черкесский дом»). По состоянию на 1957 г., большинство ногайских сел района входило в Адыге-Хабльский сельсовет, однако на протяжении 1960–1970 гг. решениями Ставропольского крайисполкома в ногайских селах района образовывались собственные сельсоветы⁵².

Этнические пропорции в объединенном Адыге-Хабльском районе в советское и постсоветское время менялись незначительно. От переписи к переписи фиксировалось, однако, постепенное сокращение доли русских и постепенное увеличение доли ногайцев.

Динамика численности населения и национального состава Адыге-Хабльского района

Год	Общ. числ. населения, чел.	Черкесы	Абазины	Ногайцы	Русские
1959	22 325	4 282 (19,2%)	3 848 (17,2%)	7 153 (32,0%)	5 024 (22,8%)
1970	26 887	5 113 (19,0%)	4 356 (16,2%)	8 918 (33,2%)	6 147 (22,9%)
1979	25 449	4 876 (19,2%)	3 803 (14,9%)	9 404 (37,0%)	5 169 (20,3%)
1989	26 876	5 141 (18,9%)	3 468 (12,9%)	10 053 (37,8%)	5 105 (18,9%)
2002	28 426	5 364 (18,9%)	3 766 (13,2%)	11 621 (40,9%)	4 158 (14,6%)

В советское время, по рассказам местных жителей, в объединенном районе неформально соблюдались принципы национального паритета. Например, первым секретарем райкома обычно был черкес, а на должности председателя райисполкома сменяли друг друга русские и ногайцы. В районном центре Адыге-Хабль росла доля ногайского населения: по переписи 1970 г., при общей численности жителей села в 2 897 чел., ногайцы составили там 10,5%; к первой постсоветской переписи 2002 г. их доля выросла до 18,2%. Наши респонденты в Адыге-Хабле – как черкесы, так и ногайцы – объясняют этот рост тем, что ногайцы переезжали в райцентр, устраиваясь на работу в различные районные учреждения. Межнациональные браки, по рассказам

⁵² Там же. С. 144 сл.

местного населения, также не были редкостью (в результате сегодня ряд заметных фигур как в Адыге-Хабльском, так и в Ногайском районе имеют смешанное этническое происхождение). Вместе с тем ногайцы, чья доля в районе росла, не имели на уровне района статуса «титульного» народа.

Как уже отмечалось, в КЧР в целом 1990-е гг. были периодом небывалой активизации этнического самосознания и регулярного использования этой активизации в прикладных политических целях. Кульминацией стали первые всенародные выборы главы региона в апреле–мае 1999 г. Основными публичными «игроками» региональной политики были тогда национальные движения. Однако ногайское движение «Бирлик» не занимало тогда в республиканской политической борьбе сколь-нибудь заметного места. Причиной, скорее всего, стала малая численность ногайцев в республике. Одним из основных сюжетов политической борьбы в 1999 г. была борьба основных кандидатов в главы региона, бывшего главкома сухопутных войск РФ Владимира Семенова и мэра Черкесска Станислава Дерева, за голоса русского населения, которые по количеству на порядок превышали ногайские голоса⁵³. В период, когда республикой руководил Владимир Семенов (1999–2003 гг.), ногайский фактор в политической жизни КЧР также присутствовал мало.

На всенародных выборах главы региона в 2003 г. соискатель президентского кресла Мустафа Батдыев, карачаевец по национальности, делал ставку на консолидацию предпринимателей и общественников разных национальностей. В его группу поддержки вошло и ногайское движение «Бирлик». Однако вопрос о ситуации в Адыге-Хабльском районе в ходе выборов 2003 г. почти не поднимался.

Этот вопрос обострился в 2005 г., во время всенародных выборов главы Адыге-Хабльского района. На пост главы района тогда претендовали действующий глава района Фраль Шебзухов (позднее работал советником президента КЧР; убит в Черкесске 12 мая 2010 г.) и представитель ногайской общины Магомед Джамакулов (в настоящее время является главой села Икон-Халк Ногайского района). После голосования 25 декабря районный избирком сообщил о победе Шебзухова с 65,81% голосов. Часть ногайского населения не согласилась с эти-

⁵³ См. К. И. Казенин. «Тихие» конфликты... С. 128–130.

ми результатами. Несколько избирательных участков 26 декабря были разгромлены⁵⁴.

Шебзухов благополучно вступил в должность главы района на второй срок, однако сразу после этого активно пошел процесс создания Ногайского района. Можно предположить несколько причин, по которым руководство республики было тогда в этом заинтересовано. Во-первых, именно в 2006 г. шла борьба за создание Абазинского района, сопровождавшаяся громкими протестными выступлениями (см. выше). Вполне возможно, что в этих условиях руководство республики стремилось увеличить число создаваемых национальных районов, чтобы его согласие на образование Абазинского района выглядело как проявление некоего системного подхода, а не как вынужденная уступка силовым протестам. Во-вторых, создание Ногайского района могло мыслиться и как определенный удар по позициям крупных черкесских бизнесменов, союз с которыми, действенный в момент его избрания в 2003 г., к концу 2005 г. у президента КЧР Мустафы Батдыева разрушился⁵⁵. Наиболее влиятельные представители черкесского бизнеса имели свои предприятия в Адыге-Хабльском районе, некоторые из «больших черкесов» контролировали и районную администрацию. Уменьшение территории и численности населения Адыге-Хабльского района в определенной степени ослабляло их позиции.

С этногеографической точки зрения раздел Адыге-Хабльского района означал дезинтеграцию той территории, которая неофициально в КЧР считалась «черкесской». Два района с черкесским населением, Хабезский и Адыге-Хабльский, до создания Ногайского района образовывали единый территориальный конгломерат, примерно соответствовавший территории существовавшей ранее Черкесской автономной области (см. раздел 1 очерка второго). Ногайский район в территориальном отношении образовался внутри этого конгломерата.

Процедура создания района была запущена по инициативе ногайского общественного движения «Бирлик» («Единство»). Лидер этого

движения Магомед Санглибаев, впоследствии ставший первым главой Ногайского района, в интервью 2006 г.⁵⁶ подчеркивал, что у него и его сторонников полное взаимопонимание с руководством Адыге-Хабльского района. Каких-либо конфликтов этнического характера в ходе создания нового района не возникало. Референдум об образовании Ногайского района состоялся 8 октября 2006 г. За создание района высказалось более 90% избирателей в ногайских сельских поселениях. Народное собрание КЧР приняло постановление об образовании Ногайского района с центром в поселке Эркен-Шахар 25 декабря 2006 г. Правительство РФ постановлением, опубликованным 17 октября 2007 г., утвердило это решение республиканского парламента.

Согласно постановлению Народного собрания, в Ногайский район вошло пять муниципальных образований: Адиль-Халкское сельское поселение, Икон-Халкское сельское поселение (включает аулы Икон-Халк и Кызыл-Тобай), Эркин-Халкское сельское поселение, Эркин-Шахарское сельское поселение (поселок Эркин-Шахар и аул Кубан-Халк), Эркин-Юртское сельское поселение (включает аул Эркин-Юрт и хутор Евсеевский). Общая площадь Ногайского района — 187 км², что составило примерно треть от площади Адыге-Хабльского района до разделения. Население Ногайского района, по данным переписи 2010 г., — 16 007 чел., Адыге-Хабльского — 16 152 чел. Из восьми населенных пунктов, вошедших в Ногайский район, многонациональных по составу оказалось три. В райцентре Эркин-Шахаре, на территории которого находится крупный сахарный завод, по данным переписи 2002 г., русское население составляло 37%, а также проживали представители 27 других национальностей. Также русское население, согласно переписи 2002 г., проживало в селе Эркин-Юрт (15%) и на хуторе Евсеевский. На начало 2011 г., по оценкам администрации Ногайского района, в районе примерно 75% населения составили ногайцы, 15% — русские, 10% — черкесы и абазины, 5% — представители других народов.

В целом можно констатировать, что образование Ногайского района шло по чрезвычайно мирному сценарию. Сама идея создания района

⁵⁴ Муниципальные выборы в Карачаево-Черкесии состоялись: недовольные громят участки // ИА REGNUM. 26 декабря 2005 г. <http://regnum.ru/news/565845.html>.

⁵⁵ К. И. Казенин. «Тихие» конфликты... С. 132 сл.

⁵⁶ Преодолевая Хрущева: в воскресенье на карте Кавказа может появиться новый национальный район // ИА REGNUM. 6 октября 2006 г. <http://www.regnum.ru/news/717531.html>.

не была вызвана к жизни каким-либо конфликтом, если не считать кратковременного недовольства части ногойского населения результатами местных выборов 2005 г. Ногойцы поддержали создание района на референдуме, но до этого активных выступлений с требованием создать район не наблюдалось. Создание данного национального района в большой степени было инициативой республиканской элиты, результатом политической игры регионального уровня. Житель Ногойского района, в 1990-е гг. работавший в органах республиканской власти, так сегодня описывает происходившее до начала раздела Адыге-Хабльского района:

— Был момент, когда абазины из-за комбината, из-за налогов под-няли протест. Эмиссаров со всех сторон было миллион, и все го-ворили: очередь ногойцев, очередь ногойцев. Все говорили: кара-чаевцы бастовали, черкесы бастовали, карачаевцы брали площадь, абазины то же самое, остались ногойцы. Эмиссаров миллион было. И притом из-за пределов Карачаево-Черкесии.

Однако, будучи создан, район обрел собственную логику развития, не зависящую от воли тех сил за пределами района, которые способствовали его созданию.

3. НОГАЙСКИЙ РАЙОН: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

«Развод» между Адыге-Хабльским и Ногойским районам не предпо-лагал деления всех структур, обслуживавших до этого единый рай-он. Структуры федерального подчинения реорганизованы не были. На два района по-прежнему имеется единый отдел внутренних дел. При этом национальный состав его работников, как и до деления района, — смешанный, работают как черкесы, так и ногойцы. Также сохраняется единый для двух районов Адыге-Хабльский районный суд, национальный состав судей также смешанный. Органы прокуратуры, налоговой службы и ряда других структур являются межрайонными и, помимо Адыге-Хабльского и Ногойского, имеют в своей зоне ответ-ственности другие близлежащие районы.

Тем не менее, помимо районной администрации, в Ногойском рай-оне после его образования появились некоторые другие структуры, работающие только в новом районе. По данным районной админи-страции, в районе появилось отделение Фонда обязательного меди-цинского страхования, районный ЗАГС, дополнительный офис Рос-сельхозбанка и некоторые другие учреждения.

Для населения одним из наиболее ожидаемых результатов созда-ния отдельного района было улучшение системы здравоохранения. Ре-альные улучшения здесь пока состоят в появлении своего отделения «скорой помощи».

Житель села Адиль-Халк, 1948 г. р.:

— «Скорую помощь» из Адыге-Хабля вызывать — за четыре часа подъезжала. Сейчас можно засекают — 10–15 минут.

Более сложной оказалась ситуация с районной больницей, кото-рой пока не существует. По свидетельству жителей Ногойского рай-она, в первые 2–3 года после деления района они сталкивались с проблемами при устройстве в районную больницу, находящуюся в Адыге-Хабле. Сейчас Адыге-Хабльская районная больница вновь стала принимать жителей Ногойского района. Ногойская районная администрация планирует открыть в районе свою больницу, но пока это не реализовано.

Житель села Икон-Халк, 1963 г. р.:

— Народ претензий не имеет, что черкесы, что ногойцы. Как жили мирно, так и живут. А отдельные люди, не думая, куда их слова идут, иногда по глупости своей, иногда по тупости своей, допустим... При-везут больного, он и есть больной, твоя обязанность врача, Гиппо-крата клятву давал, прими, помоги, а потом отправь и скажи: больше не приходи сюда, а они больному от ворот поворот. Тогда и до кон-фликта может привести.

Одновременно жители района отмечают, что после создания райо-на в его селах улучшилась ситуация с детскими садами. В общей слож-ности, по данным райадминистрации, число мест в них удалось увели-чить на 140.

Что касается экономического положения населения, то, по всей видимости, создание отдельного района никак на него не повлияло, если не учитывать рабочих мест в структурах нового района. Наиболее

крупным промышленным предприятием района является сахарный завод в райцентре Эркин-Шахаре, подконтрольный крупной российской компании ОАО «Разгуляй». На предприятии, по данным районной администрации на 2011 г., было около 450 рабочих мест, но большинство из них сезонные, так что завод загружен поздней осенью и зимой. Работают как жители Ногайского и соседних районов КЧР, так и жители Ставропольского края.

Для жителей, не работающих ни на сахарном заводе, ни в административных органах, есть два основных источника дохода — работа в Западной Сибири и собственное приусадебное хозяйство. Подсобное хозяйство — товарное, ориентированное на продажу продукции.

Вопрос: Чем люди живут, кроме сахарного завода?

Житель села Икон-Халк, 1968 г. р.:

— Личное подворное хозяйство. На продажу, чтобы коммуналку погасить.

Вопрос: А что продают?

— В основном КРС, барашки. За счет огорода не выживешь, огород только для дома. Продается и мясо, и молоко. Без этого трудно. Работа — только сахарный завод и служащие.

Продажа собственной сельхозпродукции затруднена деятельностью перекупщиков. Точки сбыта находятся в основном за пределами Ногайского района.

Житель села Икон-Халк, 1963 г. р.:

— Закупщики приезжают, но по очень низким ценам закупают, народу куда деваться, у кого-то школа на носу, у кого-то долги на носу.

Вопрос: А на рынок выезжать?

— Там на рынке все забито. Просто колхознику пробиться — гиблое дело. Никто не пустит его.

Вопрос: Рынок в Черкесске или в Адыге-Хабле?

— Возят в Адыге-Хабль, место, где они могут реализовать, и то есть человек, который там этим занимается. Он с каждой головы по 15–20 рублей снимает за реализацию. А без него человек сунется туда, он стоять будет.

Вопрос: Мясокомбинат черкесский, вы туда сдаете мясо?

— Нет, там цены очень низкие закупочные. Только для тех, кто много скота держит, на свободных выпасах, сами по себе поднимаются,

им выгодно сдавать туда, даже по низкой цене. Трудом своим [выращенный скот] как я могу туда сдать? Поэтому я лучше даже по себям раздам.

Как известно, в Карачаево-Черкесии, в отличие от других республик Северного Кавказа, население получило земельные паи и имеет право как продавать их, так и сдавать в аренду⁵⁷. Всего в районе, по данным районной администрации, на 2011 г. было около 3 500 пайщиков, из них право собственности на земельный пай оформили примерно 2 500. Средний размер пая в районе — 4,07 га. В пай включается пашня и сенокосы. Пастбища в основном сохранены в общем пользовании. Обработка собственных паев не считается среди населения перспективным занятием. В основном паи сдаются в аренду местным предпринимателям, арендаторов из-за пределов района почти нет, не считая сахарного завода. По данным райадминистрации, крупных арендаторов, обрабатывающих участки в 500–1 000 га, в районе примерно десять человек.

Вопрос: Вам паи при разделе не достались, но, может быть, есть смысл купить, чтобы был дополнительный приработок?

Житель села Икон-Халк, 1968 г. р.:

— Смысла нет. Если своей техники нет, и 3 га нет смысла брать. А так одно поле должно быть хотя бы 70–100 га. Паи в основном сдают в аренду. У кого пай берут, тому зерно дают, а остальное себе, за обработку. А так один в поле не воин.

Плата за аренду паев может быть как денежной, так и натуральной, но денежная форма расчетов распространена меньше.

Вопрос: За сколько пай в аренду можно отдать?

Житель села Икон-Халк, 1955 г. р.:

— Как договорятся. В среднем 6,5–7 тысяч рублей в год. Тонну двести (килограмм пшеницы) за пай дают — 7,5–8 тысяч рублей получается. Это за пай. Пай у нас 3,1 га.

Местные арендаторы расплачиваются в основном пшеницей, в среднем плата составляет одну тонну в год за пай. Дочерняя структура сахарного завода, арендующая паи, в частности, у жителей села

⁵⁷ Подробнее см. И. В. Стародубровская, Н. В. Зубаревич, Д. В. Соколов, Т. П. Интигринова, Н. И. Миронова, Х. Г. Магомедов. Северный Кавказ: модернизационный вызов. Москва: РАНХГС, 2011. С. 83–97.

Адиль-Халк, расплачивается с ними сахаром. Условиями аренды местные жители часто недовольны, однако, поскольку арендаторы в основном также местные, подобные конфликтные ситуации не выходят за границы района.

Житель села Икон-Халк, 1975 г. р. (о крупном арендаторе):

— Твое хозяйство на ноги встало за счет чего? За счет тех же людей, 170 паев, к примеру, находится у тебя, 50 паев находится у него, 30 — у него, каждый за счет этого становится на ноги. Но, извини, у тебя совесь есть? Ты за 2–3 миллиона новый трактор покупаешь. А каждому человеку (за пай. — К. К.) тонну пшеницы он дает, тонну отдает всего. В этом году, как подачки, дал по мешку сахара. На сенокос я иду, говорю, покажи, сенокос — это же трава, эту траву ты покажи мне, чтобы я мог прийти и косить, или помоги нам косить. Он вместо того, чтобы помочь косить, говорит, удерживаю с тебя 100 кг пшеницы за то, что я буду косить. А с моих паев, 9 га, каждый год сколько тонн получает, сколько людей таких?

Что касается работы по найму у фермеров, то о такой перспективе опрошенные нами жители высказывались в основном скептически.

Житель села Икон-Халк, 1963 г. р.:

— Работы (в сельском хозяйстве) нет как таковой. Отдельные фермеры взяли землю и работают. На 16 тысяч человек населения пусть 300 занимаются земледелием. А остальным что делать?

Вопрос: А у фермера можно работать?

— На 20 паев 2–3 человека взял, а остальным что делать? Он же тоже не может 10 человек взять.

Вопрос: 20 паев — это 60 га, и 2-х человек хватает?

— На 60 га и одного тракториста хватает, лишь бы трактор хороший был.

На заработки в Западную Сибирь (Тюменскую область и Югру) регулярно выезжает значительная часть населения. Так, по оценкам администрации села Икон-Халк (4202 жителя по переписи 2002 г.), по состоянию на 2011 год, там находилось около 35% трудоспособного населения села. Интересно отметить, что из всех народов КЧР, по-видимому, именно ногайцы в наибольшем количестве работают в Западной Сибири. Это же направление «отходничества» популярно и среди ногайцев Дагестана (см. очерк первый, раздел 2)⁵⁸.

⁵⁸ Об «отходничестве» северокавказских народов см., напр., Е. Л. Капустина. Отходни-

Житель села Адиль-Халк, 1948 г. р.:

— Здесь, в Карачаево-Черкесии, столько ногайской речи не слышу, сколько в Уренгое. Едешь в автобусе, обязательно кто-то по-ногайски разговаривает. А здесь, в Черкесске, вообще не слышно.

При этом экономические результаты пребывания в Западной Сибири для разных жителей района разные.

Вопрос: Временно уезжают или постоянно?

Житель села Адиль-Халк, 1948 г. р.:

— Только временно. Посмотри ногайские аулы, двух-, трехэтажные дома, деньги привозят в Карачаево-Черкессию, сюда вкладывают, и газ, и воду, и дорогу, и детсадики, и мечети — все они финансируют.

Житель села Икон-Халк, 1975 г. р.:

— Чтобы район здесь на ноги встал, ты открой что-нибудь, фабрики открой. Хоть половина этих северных [работников], чтоб они не заболели, [пусть вернутся сюда работать], от простудных заболеваний умирают люди. Приходят сюда, на последние заработанные деньги строят дома или заборы, и в конце что остается? Палец сосет и на одном чае сидит. А если бы он на месте работал и зарплату 20 тысяч получал бы, вот так хватало бы. Здесь не надо московские 100 тысяч рублей, на газ, муку этого хватает.

Населенным пунктом, во многом цементирующим два района, остается бывший райцентр объединенного района Адыге-Хабль. Эта его роль выражается не только в том, что там находятся межрайонные структуры, в зону ответственности которых входят оба района. В советское время, после укрупнения района в 1950-е гг. (см. раздел 2), в его райцентр довольно активно переселялись ногайцы, получавшие там различные должности и жилье (как уже отмечалось, по данным переписи 2002 г., ногайское население Адыге-Хабля составляло 664 человека, или 18,2%). Заметной миграции ногайцев из Адыге-Хабля после создания Ногайского района, по оценкам представителей ногайской и черкесской общин, не зафиксировано. Ногайцы имеются среди врачей районной больницы, учителей школы. По свидетельству одного из опрошенных жителей Адыге-Хабля,

чество в Нагорном Дагестане как социальное и экономическое явление (конец XIX—начало XXI века) // Ю. Ю. Карлов (ред.). Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб: Петербургское востоковедение, 2010. С. 356–401.

«движущиеся ногайцы» (то есть, видимо, жители Ногайского района, имеющие свой автотранспорт и возможность отвозить детей в другое село) по-прежнему предпочитают отдавать детей в школы и детские сады Адыге-Хабля. Есть и случаи трудовой мобильности, когда житель Ногайского района по совместительству работает и у себя в селе, и в Адыге-Хабле.

Жительница села Икон-Халк, 1959 г. р.:

— В Адыге-Хабле в школе наша женщина работала, так и продолжает работать, отношение доброжелательное, коллектив хороший. Здесь мало часов, и она по совместительству в Адыге-Хабле работает в начальной школе. У нас многие из нашего аула, человек 10 работает в Адыге-Хабле в школе.

Таким образом, в районном масштабе разделение не привело к конфликтам и осложнению межэтнических отношений. В целом свидетельств такого неблагополучия на территории контактного проживания черкесов и ногайцев не было ни до, ни во время создания Ногайского района. Можно предположить, что одна из причин этого — многовековая история взаимоотношений черкесов и ногайцев, на протяжении которой между этими народами не сформировались отношения соперничества, характерные для некоторых других пар народов-соседей на западном Кавказе⁵⁹. Отсутствовали при разделе Адыге-Хабльского района и экономические «раздражители», подобные тем, которые были при образовании Абазинского района (см. раздел 1). Как показывает наш полевой материал, имеющиеся в районе экономические проблемы население не связывает с образованием района. В основном все эти проблемы — внутренние для ногайского ареала (например, взаимоотношения крупных местных арендаторов и населения). Однако и в этих, почти идеальных условиях формирование «национального района» вызвало у населения определенные претензии и недоумения. У жителей нового района эти претензии сводятся к тому, что районные структуры пришлось создавать «с нуля», без распределения между двумя районами материальной базы, имевшейся в Адыге-Хабльском районе. Как мы видели, в первую очередь

эти претензии касаются сфер, с которыми сталкивается любой житель района, например, здравоохранения. Можно предположить, что эти претензии возникли в те годы, когда жителям нового района был затруднен доступ к некогда «своей» больнице (см. выше).

Житель села Икон-Халк, 1955 г. р.:

— Вообще раздел района был неправильным, абсолютно неправильным. Дележа вообще-то не было, был выход Ногайского района из Адыге-Хабльского. Как мужчина уходит? Пиджак взял и ушел. Так и Ногайский район ушел без единой ручки. Собес, то же здравоохранение — кусок ваты не взял.

Такие негативные комментарии у ряда респондентов в Ногайском районе сопровождались заявлениями о том, что вместо раздела района следовало изменить его название. То есть, одобряя саму идею создания национального района, население неоднозначно относится к состоявшейся процедуре разделения. Эта процедура была омрачена также территориальным спором, который рассматривается в следующем разделе.

4. НОГАЙСКИЙ РАЙОН: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР

Территориальный спор, о котором идет речь, имеет место между сельскими поселениями Адыге-Хабль (Адыге-Хабльский район) и Икон-Халк (Ногайский район). Эти два села расположены на противоположных берегах реки Малый Зеленчук, «по диагонали» друг от друга: северная граница Икон-Халка на левом берегу Малого Зеленчука находится почти напротив южной границы Адыге-Хабля на правом берегу. Как раз по линии соприкосновения села соединены автомобильным мостом.

Территориальный спор, о котором идет речь, начался задолго до создания Ногайского района, однако обострился после его создания. Спор касается 602 га земли, находящейся на правом берегу реки, непосредственно напротив Икон-Халка (в основном это пастбищная и сенокосная земля).

⁵⁹ Об истории черкесо-ногайских отношений см., например: В. В. Гудаков. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

На момент распада СССР в Адыге-Хабле не было своего сельхоз-предприятия, за селом почти не было закреплено сельхозземель. Некоторые жители Адыге-Хабля работали в совхозе «Икон-Халкский», основная часть земель которого находилась на левом берегу Малого Зеленчука. Жители Адыге-Хабля испытывали дефицит земли для выпаса домашнего скота. Этот дефицит лишь частично был устранен решением исполкома Адыге-Хабльского районного совета народных депутатов от 30 сентября 1991 г., по которому Адыге-Хабльскому сельсовету было передано 287,2 га пастбищ от совхоза «Икон-Халкский». При этом значительно большая часть бывших совхозных пастбищ (690,9 га) была передана тогда же Икон-Халкскому сельсовету. Основная же часть земель совхоза была передана СПК имени Х. Кумукова, которое сформировали в Икон-Халке. Постановлением главы администрации Адыге-Хабльского района № 373 от 3 сентября 1992 г. этому предприятию бесплатно передали в собственность пашни 4 504 га, сенокосов 966 га, пастбищ 730 га, в бессрочное пользование – 2458 га пастбищ. На правом берегу Малого Зеленчука, то есть со стороны Адыге-Хабля, оказались и земли, переданные СПК, и земли, переданные Икон-Халкскому сельсовету.

В конце 1990-х-начале 2000-х гг. администрация Адыге-Хабльского района предприняла две попытки увеличить площадь земель, закрепленных за Адыге-Хаблем. Постановлением главы администрации Адыге-Хабльского района № 49 от 11 февраля 1998 г. в ведение Адыге-Хабльского сельского муниципального образования передавалось 853 га сенокосов и пастбищ. В преамбуле этого постановления говорилось: «В отношении жителей Адыге-Хабльского сельского муниципального образования в 1992–1993 гг. была допущена социальная несправедливость в части непередачи земель общего пользования, сенокосов и пастбищ, для личных подсобных хозяйств... Это в свою очередь вызывало и вызывает справедливые возмущения и обоснованные жалобы жителей а. Адыге-Хабль». Постановлением главы администрации Адыге-Хабльского района № 114 от 04.04.2001 был утвержден план перераспределения земель и изменения границ сельских муниципальных образований внутри района, который был подготовлен одним из НИИ Ставропольского края. Граница Адыге-Хабля проходила теперь непосредственно по реке. Земли села Икон-Халк и СПК им. Кумукова,

находящиеся на правом берегу реки, полностью передавались Адыге-Хабльскому сельскому муниципальному образованию (в постановлении указывается общая площадь передаваемых земель – 602 га; также уточняется, что из них 283 га пастбищ изымаются у Икон-Халкского муниципального образования и 319 га сенокосов – у СПК).

Эти решения в Икон-Халке признаны не были. В декабре 2004 г. в СПК имени Кумукова, большинство работников которого составляли жители Икон-Халка, началась процедура выделения паев, причем участки, которые было решено выдавать пайщикам, находились в том числе и на правом, «черкесском» берегу Малого Зеленчука. Согласно документам, из 1339 пайщиков 50 человек являлись жителями Адыге-Хабля, остальные – жителями Икон-Халка. Вскоре после этого на сторону жителей Икон-Халка встала судебная власть. Адыге-Хабльский районный суд 25 января 2005 г. отменил решения районной администрации, передающие Адыге-Хаблю спорные земли.

Республиканская власть не вмешивалась в этот территориальный спор. Возможно, неурегулированность земельного вопроса между Адыге-Хаблем и Икон-Халком стала одной из причин того, что в республике до 1 марта 2005 г. не был принят закон о статусе и границах муниципальных образований, принятия которого требовало федеральное законодательство. После этого границы муниципальных образований должны были устанавливаться приказом Министерства регионального развития РФ. В этом приказе (приказ № 36 от 31 марта 2005 г., зарегистрирован в Минюсте РФ 13 апреля 2005 г.) граница Адыге-Хабля и Икон-Халка проводится по реке Малый Зеленчук. То есть федеральное министерство фактически вернуло к жизни порядок, установленный администрацией Адыге-Хабльского района и отмененный в судебном порядке буквально за два месяца до появления приказа Минрегиона. От имени Икон-Халкского сельского муниципального образования этот приказ был обжалован в Верховном суде РФ, однако 8 августа 2005 г. Верховный суд оставил заявление, оспаривающее приказ, без удовлетворения. В ноябре без удовлетворения была оставлена и кассационная жалоба икон-халкцев⁶⁰.

⁶⁰ О юридических аспектах земельного спора между Адыге-Хаблем и Икон-Халком см. также: И. Стародубровская, И. Миронова. Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа. Москва: Институт экономики переходного периода, 2010. С. 110–113.

Эти судебные решения, а также образование Ногайского района мало изменили реальное положение дел на спорной земле. По состоянию на 2011 г., частный скот жителей Икон-Халка продолжали гонять «через реку», на пастбища, находящиеся на стороне Адыге-Хабля. Позиция Икон-Халкской сельской администрации на 2011 г. состояла в том, что эти земли по праву должны принадлежать селу. В июне 2009 г. Адыге-Хабльская межрайонная прокуратура в письме, направленном главе Адыге-Хабльского сельского поселения, подтвердила, что считает незаконным выпас скота жителей Икон-Халка на правом берегу Малого Зеленчука. Прокуратура ссылалась на приказ Минрегиона, установивший границы муниципальных образований. Весной и летом 2011 г., по рассказам жителей обоих сел, имели место попытки неформально обсудить конфликтную ситуацию, в том числе с участием представителей ОВД и прокуратуры, но какого-либо решения в ходе них принято не было.

Риск неблагоприятного развития данной ситуации связан прежде всего с тем, что жители Адыге-Хабля в условиях нерешенности земельной проблемы действительно страдают от нехватки пастбищ. В 2006 г. в обращении на имя тогдашнего полпреда президента РФ в ЮФО Дмитрия Козака и тогдашнего президента КЧР Мустафы Батдыева жители Адыге-Хабля писали: «С развалом СССР в районном центре с каждым годом растет уровень безработицы. В советские времена в районном центре не было никаких проблем с этим. Но сегодня жизнь заставила жителей районного центра заняться подсобным хозяйством». Вместе с тем, хотя сельхозземли, расположенные на территории Икон-Халка, даже без учета спорной земли более чем в два раза превосходят по площади сельхозземли на территории Адыге-Хабля, достаточных площадей для выпаса скота на «своем» берегу у жителей Икон-Халка также не имеется.

О потенциальных рисках конфликта для межэтнических отношений говорят жители Ногайского района.

Житель села Икон-Халк, 1964 г. р.:

— Когда земли делили, некоторым людям из Адыге-Хабля достались земли в Икон-Халке. А некоторым людям из Икон-Халка достались земли на территории современного Адыге-Хабльского района. Из-за этого появляются непонятные вещи, когда население Икон-

Халка свой скот гонит туда, на свои участки, люди из Адыге-Хабля выгоняют, это, мол, наши земли. Они не могут понять, что юридически та земля принадлежит тому хозяину, который живет через речку. Вот на этой почве какая-то... рознь, но мы вмешались, постарались успокоить народ.

Этническая тема в данном конфликте не является доминирующей. Отчасти это связано с тем, что с ногайской стороны основным «двигателем» борьбы за землю является администрация Икон-Халка, а не руководство района и движения «Бирлик», привычно воспринимаемые именно как выразители ногайских этнических интересов. Поэтому ситуации, подобной земельным спорам в Дагестане в 1990-е годы, когда присутствие обеих конфликтующих сторон национальных общественных движений быстро трансформировало земельные конфликты в межэтнические (см. очерк первый), здесь не возникает. Также не следует забывать, что Адыге-Хабль, являющийся одной из сторон земельного конфликта, — многонациональный населенный пункт, с достаточно высоким процентом ногайского населения (см. выше). Однако говорить о том, что данный земельный конфликт совершенно не пересекается с темой межэтнических отношений, было бы неверно. Достаточно сказать, что в комментариях жителей обоих сел к действиям местных судов и прокуратуры по данному конфликту регулярно упоминается национальная принадлежность судей и прокурорских работников.

Создание Ногайского района, разумеется, не могло само по себе разрешить данный земельный конфликт. Вероятно, оно его и не усугубило, ведь граница районов лишь повторила утвержденную ранее границу между селами, с которой не согласен Икон-Халк. Однако спорность границ между двумя районами, пусть и локальная, осознается населением Ногайского района достаточно четко. Судя по нашим полевым интервью, о данном земельном конфликте знают жители не только Икон-Халка, но и других сел Ногайского района. Возможно, именно неразрешенные земельные конфликты — причина упомянутых выше представлений местных жителей о том, что раздел района был «неправильным».

5. ВЫВОДЫ

Формирование Ногайского района на всех этапах не вызвало той напряженности, которая была в начале создания Абазинского района. Конфликт не лежал в основе самой идеи создания района. Экономический уклад жизни ногайского населения созданием района затронут фактически не был. Район лишь «оформил» и без того достаточно замкнутый хозяйственный мир. В практическом отношении создание района для ногайцев означало в основном лишь перенос ряда учреждений, оказывающих услуги жителям. Однако и в этих условиях создание национального района не прошло гладко. Как минимум, оно натолкнулось на следующие проблемы.

1) После официального раздела районов отдельного урегулирования потребовал вопрос об использовании жителями нового района социальных учреждений, некогда обслуживавших единый район. Этот вопрос был очень актуальным, поскольку в краткие сроки создать в новом районе всю необходимую инфраструктуру, очевидно, невозможно. Однако должным образом на момент создания Ногайского района этот вопрос решен не был.

2) Земельные споры между селами, оказавшимися после раздела в разных районах, отражаются на отношении населения к разделу района, вызывают претензии по поводу того, как именно, то есть по каким границам, районы были разделены.

Важно отметить, что обе проблемы так или иначе связаны с взаимоотношениями национальных общин, причем с теми аспектами их взаимоотношений, которые важны в повседневной жизни. Формирование нового национального района отчасти создало эти проблемы (как в случае с использованием общей больницы), а отчасти просто актуализовало их, обострило их восприятие местными жителями. Как уже было отмечено, создание Ногайского района шло в условиях весьма благоприятных межэтнических отношений, сложившихся исторически. Кроме того, не было и сейчас не наблюдается попыток в политических целях разыграть «национальную карту» в связи с формированием района. Однако даже здесь дали о себе знать опасности, которые присутствуют в самой идее формирования новых административно-

территориальных единиц по национальному признаку. В процессе разделения районов, проведения границ практически неизбежно возникают технические трудности, которые способны ухудшить общественный климат на территории, где это разделение осуществляется.

В заключение следует добавить, что предложенный вывод касается именно создания новых национальных районов, а не существования таких районов, сформированных ранее. Например, в Дагестане есть районы, которые названы по национальному признаку и в составе населения которых «титულный» народ составляет значительное большинство. Таковы Агульский, Лакский, Ногайский и Табасаранский районы Дагестана. Свидетельств того, что существование этих районов оказывает какое-либо дестабилизирующее влияние, на данный момент не имеется.

Очерк четвертый. «ВОЙНЫ ИСТОРИКОВ» НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ ИСТОРИК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ — «БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИСТОРИК»?

«Войны историков» — одно из характерных, хотя и не самых заметных явлений сегодняшнего Северного Кавказа. Межэтнические отношения, которые еще недавно были ключевым фактором политики во многих северокавказских регионах, играют существенную роль и в местной исторической науке, фактически выводя ее из чисто научной сферы в сферу публичной общественной жизни. Это особенно характерно для западной части Северного Кавказа. Там между группами историков, занимающихся прошлым своих регионов, присутствует явный антагонизм в оценке многих событий прошлого. При этом чаще всего можно говорить о «национальных школах» в местной исторической науке. Хотя споры непосредственно касаются лишь событий достаточно отдаленного прошлого, они ведутся не только в научных изданиях, но и в региональной периодической печати, особенно — в тех СМИ, которые близки общественным организациям и движениям этнического толка. Так возникает весьма необычный способ научной жизни, в основе которого — межэтническая полемика и постоянный выход за пределы чисто академического формата дискуссий.

О том, что полемика по вопросам истории на сегодняшнем Северном Кавказе не всегда вполне академичная, говорят следующие заголовки и эпитеты, встречающиеся в работах историков и относящиеся к оппонентам из другого лагеря: «идиотизм ущербной историографии», «навязчивые идеи псевдоисториков», «рожденный больной фантазией величественный образ народа», «двести страниц несостоятельных претензий, порожденных весьма заурядным и злобным умом», «ревность, зависть и ненависть, приведшие к агрессивным историографическим проискам», «явно антинаучный прием, который граничит с безнравственностью, а точнее, с коварством и подлостью», «беспрерывное повторение одних и тех же данных как пример национальной ангажированности» и т. д.

Такое положение возникло совсем не случайно. Роль историка как защитника интересов своего этноса утвердилась на Северном Кавказе в период разоблачения культа личности Сталина. В 1957 г. целый ряд северокавказских народов (балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы) вернулись после сталинской депортации, и вскоре встал вопрос об их «исторической реабилитации». Она касалась не только обстоятельств, связанных с Великой Отечественной войной и послуживших поводом для депортации этих народов в Среднюю Азию и Казахстан в 1943–1944 гг. Как показал В. А. Шнирельман⁶¹, в период депортации в официальной советской историографии делалось немало попыток представить депортированные народы как «пришлые», не имеющие глубоких корней на Северном Кавказе. Например, активно внедрялась версия, что карачаевцы являются потомками крымских татар, появившимися на Кавказе только в позднем средневековье. Одновременно публиковались работы, доказывавшие историческое право других народов на земли, с которых была проведена депортация. В частности, доказывалось, что родственник грузинам народ сваны проживал в верховьях Кубани до появления там карачаевцев. Цель таких «доказательств» была очевидна: именно сванов заселяли в 1940-е гг. в горную часть Кабардино-Балкарии, на территорию, опустевшую после депортации близких родственников карачаевцев — балкарцев, а в Карачай тогда же переселяли других жителей Грузии, кото-

⁶¹ В. А. Шнирельман. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2007. Ч. III, гл. 3.

рой тогда была передана часть территорий юга Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии⁶². Возвращение из депортации закономерно поставило вопрос о развенчивании подобных теорий. Историки брались за это не как за обычную академическую задачу, а как за «очистку» репутации и статуса своего родного народа.

Во время крушения СССР общественная роль историков на Северном Кавказе существенно возросла. Снятие «табу» с запретных тем, касающихся прошлого северокавказских республик и взаимоотношений между их народами, вывело на авансцену представителей исторической науки. Однако эти темы были тесно связаны с вопросами устройства жизни регионов в настоящем и будущем, с проблематикой, на которой концентрировались этнические общественные движения. Поэтому исторические вопросы стремительно политизировались, а в местной научной среде скреплялись сообщества историков по этническому принципу. Очень явной была связь истории и политики в первой половине 1990-х: тогда во многих регионах Северного Кавказа шли споры о том, должен ли этот регион сохранять единство, а если да, то как должны быть выстроены взаимоотношения между титульными народами в плане распределения ключевых постов, доступа к ресурсам и т. п. Особенно далеко эти споры зашли тогда в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: вопрос о том, сохранятся ли они в качестве единых регионов, стоял очень остро. В дискуссиях о будущем этих регионов ученые-историки и публицисты, пишущие на исторические темы, принимали самое активное участие.

Инерция полемики, накопленная тогда в сообществах местных историков, оказалась очень мощной. В политической повестке дня вопросы единства регионов и вообще межнациональных отношений могли отходить на второй план, но на ситуацию внутри сообщества историков это практически не влияло. При этом споры историков привлекают внимание и за пределами академических сфер. Автор этих строк наблюдал, например, как номер газеты черкесского общественного движения «Адыгэ Хасэ», содержащий цитаты из «враждебных» историков под общим заголовком «Паранойя», пользовался значительным спросом в селах Карачаево-Черкесии. Таким образом, взаимный анта-

гонизм деятелей исторической науки, в том числе весьма «статусных», готовность многих местных историков защищать самые крайние точки зрения, заведомо неприемлемые для других коллег, — все эти обстоятельства известны на Северном Кавказе не только тем, кто сам имеет отношение к гуманитарным наукам. По-видимому, у довольно широких кругов населения есть представление о том, что историки «соседнего» народа всячески преувеличивают его значимость в прошлые века и прививают эти идеи молодежи. Именно воспитание у молодого поколения представлений об исключительном положении его народа в прошлом — самое частое обвинение в адрес современных северокавказских историков. Нередко в этом видят сознательную программу этнической мобилизации, то есть историков обвиняют в претворении в жизнь националистических проектов. В качестве примера таких обвинений приведем две цитаты из газет этнических общественных организаций Северного Кавказа 2008–2010 гг. (по этическим соображениям названия народов не приводятся): «Конечно, по большому счету, ко всем попыткам возвеличивания и канонизации своей истории хорошо известным здесь рядом ученых можно было бы отнестись абсолютно спокойно, если бы все эти "научные" бредни, в первую очередь, не противопоставляли бы наши народы и не оболванивали бы N-скую молодежь, ... не завершались бы их территориальными претензиями не только ко всем соседним народам, но и к самой России, и не обрели бы характера **некой негласной национальной программы** (выделено мной. — К. К.)»; «Такие недвусмысленные заявления попадают в "благодатную" среду. Поэтому неудивительно, что порой можно услышать от начитавшихся этой бредятины молодых студентов из отдаленных N-ских селений высказывания типа: "А я и не знал, что в нашей республике живут не только N-цы", или "Весь Кавказ говорил на N-ском языке". Чему вы учите свою молодежь, господра?" Отметим, что в первой и второй цитатах под N скрыты названия разных народов, проживающих, однако, в одном и том же регионе.

По конфликтам среди историков и даже по тому общественному резонансу, который эти конфликты получают, не следует делать каких-либо выводов о взаимоотношениях между народами, населяющими Северный Кавказ. Конфликты имеют место в довольно замкнутой среде, а их резонанс все же не настолько велик, чтобы за-

⁶² См. П. Полян. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. С. 118 сл.

трагивать основы межэтнического общежития в северокавказских республиках. Однако и игнорировать «войны историков» опасно: в их ходе вырабатываются, защищаются и оттачиваются исторические мифы. Посткоммунистический, постколониальный опыт многих стран Евразии показал, сколь велика может быть роль таких мифов в общественной жизни. Учитывать это важно вне зависимости от того, имеют или не имеют конкретные мифы шанс напрямую влиять на политику в текущий момент.

Исторические «войны» — эта такая сфера межнациональных отношений, которая, пожалуй, труднее всего регулируется директивными методами и вообще мало поддается воздействию со стороны властей любого уровня. Тем важнее понять, как и почему эти «войны» возникают и какова в них «тактика сторон». Данный очерк, в качестве иллюстрации проблемы, рассказывает о постсоветских спорах среди историков Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Очерк не претендует на полноту обзора тем, по которым в этих регионах идут споры историков. Рассмотрение ограничено темами, полемика по которым наиболее публична, наиболее часто выходит на страницы региональных СМИ и имеет отношение к сегодняшней политике или к политике недавнего прошлого. Перед тем, как представить основные предметы полемики, будет кратко охарактеризован состав научных учреждений этих регионов, где трудятся историки, и этнический «расклад сил» в этих учреждениях.

2. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И «РАСКЛАД СИЛ»

В Кабардино-Балкарии историческая наука концентрируется в основном в двух учреждениях — Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (КБИГИ) и Кабардино-Балкарском государственном университете (КБГУ). КБИГИ имеет двойное подчинение —

Кабардино-Балкарскому научному центру (КБНЦ) РАН и правительству Кабардино-Балкарии. КБГУ подчиняется напрямую Минобрнауки РФ.

В КБИГИ в настоящее время имеется отдел исторических наук, включающий четыре сектора: истории, этнологии, источниковедения и археологии, а также проблемную группу по изучению проблем современного развития общества. В кадровом комплектовании КБИГИ учитываются принципы этнического баланса, применяемые при формировании государственных учреждений Кабардино-Балкарии. Как правило, директор института и его заместитель по научной работе — представители разных национальностей (например, директор — кабардинец, заместитель — балкарец). Нынешний директор института Б. Х. Бгажноков, языковед по образованию, в 2000-е гг. и ранее неоднократно выступал с публикациями по дискуссионным вопросам истории черкесов (ссылки см. ниже), однако затем стал публиковать работы культурологического характера⁶³. В отделе исторических наук института состоят ученые разных национальностей, например среди ученых старшего и среднего поколения — кабардинцы В. Х. Кажаров, К. А. Мальбахов, З. А. Кожев и др., балкарцы — археолог И. М. Чеченов, историк и социолог С. И. Акиева, историк, в прошлом первый заместитель министра образования КБР А. И. Тетуев и др. Среди молодых сотрудников также в целом соблюден этнический баланс, хотя сообщество кабардинской научной молодежи в КБИГИ несколько более многочисленно и активно (его «ядро» образуют историки Т. Х. Алоев, Р. Г. Ошроев и др.). На интернет-странице отдела исторических наук приводятся ссылки на более 50 научных работ, представленных как «основные публикации» отдела за последние 10 лет, из них более 20 — монографии и сборники трудов. Ряд видных историков — бывший директор КБИГИ Х. М. Думанов (1942–2011) и исследователь черкесских диаспор Ближнего Востока А. В. Кушхабиев — в конце 2009 г. перешли из КБИГИ в созданный тогда в КБНЦ РАН отдел этнополитических исследований (с 2011 г. — Центр социально-политических исследований).

В Кабардино-Балкарском госуниверситете имеется несколько исторических кафедр, входящих в состав Социально-гуманитарного институ-

⁶³ Б. Х. Бгажноков. Антропология морали. Нальчик: КБИГИ, 2010; Б. Х. Бгажноков. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: КБИГИ, 2010.

та. Среди заведующих — ряд кабардинских историков: кафедру истории России возглавляет А. Г. Кажаров, кафедру всеобщей истории — А. Х. Боров, кафедру истории и этнографии КБР — К. Х. Унежев (являющийся также членом Общественной палаты КБР), кафедру отечественной истории — К. Ф. Дзамихов. На кафедре истории и этнографии КБР работает также видный кабардинский историк и активист черкесского национального движения Ж. А. Калмыков. Среди балкарских историков КБГУ один из самых известных — Х.-М. А. Сабанчиев, автор монографий об истории балкарского народа во время и после депортации⁶⁴.

Карачаево-Черкесия довольно сильно отличается от Кабардино-Балкарии по ситуации с образовательными и научными учреждениями. В регионе есть одно учреждение федерального подчинения, в штате которого состоят ученые-историки, — это Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева (КЧГУ), расположенный в городе Карачаевске (до 1994 г. — педагогический институт). Среди сотрудников исторического факультета этого университета, активно публикующихся по вопросам истории региона, — карачаевские специалисты Р. М. Бегеулов и П. И. Абайханова (Магаяева). В Черкесске находится Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований (КЧИГИ). В отличие от КБИГИ, он не входит в систему РАН и подчиняется только правительству республики. В должности директора института в последние годы были черкесы и абазины (в 2004–2006 гг. институтом руководил черкесский литературовед Х. Х. Хапсироков, играющий заметную роль в черкесском движении Карачаево-Черкесии, отец крупного федерального чиновника Крым-Гери (Назира) Хапсирокова, скончавшегося в 2011 г.). Среди научных кадров института достаточно четко соблюдается этнический баланс (в частности, традиционно хорошо представлены и ногайцы). В целом постсоветские десятилетия не были легкими для института: неоднократно ставился вопрос о его выселении из здания правительства республики, сокращения финансирования и т. д. В 2010–2011 гг. институтом было осуществлено 15 научных изданий.

Параллельно с КЧИГИ, в Черкесске функционирует негосударственное учреждение — Карачаевский научно-исследовательский институт

(КНИИ), в котором сконцентрировано большинство карачаевских историков. Некоторые из них одновременно работают в КЧИГИ или КЧГУ, однако свои научные работы карачаевские историки издают в основном под эгидой КНИИ. С 2005 г. ежегодно выходит сборник научных статей «Известия Карачаевского НИИ». Всего с 2002 по 2010 гг. КНИИ было выпущено 37 научных изданий. Налажена спонсорская поддержка издательской деятельности со стороны карачаевских предпринимателей, муниципальных руководителей и т. д. Сотрудники института активны и в попытках развивать связи с научными учреждениями стран тюркского мира.

Перечисленными организациями практически исчерпываются возможные места работы для историков на Западном Кавказе. Как видно, государственные вузы и научные учреждения, по крайней мере по кадровому составу, не имеют явного этнического «крена». В их стенах могут соседствовать и историки, принадлежащие к разным сторонам в той полемике, к описанию которой мы приступаем. Что касается негосударственных структур, то автор этих строк не располагает удовлетворительным объяснением того, что в рядах черкесских гуманитариев, весьма активных и многочисленных, не возникло проекта, аналогичного Карачаевскому НИИ.

Сообщества историков Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии регулярно взаимодействуют друг с другом. Взаимодействие прежде всего идет внутри этнических ниш — кабардино-черкесской и карачаево-балкарской. Например, балкарские историки часто публикуются в «Известиях Карачаевского НИИ». Взаимодействие черкесских историков из КЧР с коллегами-соплеменниками из КБР в общем научном процессе менее заметно, поскольку сообщество черкесских историков в КЧР гораздо скромнее по численности, чем в КБР. Однако само существование межрегиональных связей черкесских историков КБР, КЧР и их коллег из Адыгеи не вызывает сомнений. Интересная особенность состоит в том, что, при острой публичной полемике между этими «корпорациями» историков, сколь-нибудь открытых свидетельств о «внутрикорпоративных» дискуссиях почти нет.

К этническим сообществам историков, распределенным по разным научным учреждениям, примыкают публицисты, пишущие об истории своих народов. В «войнах историков», к содержанию которых мы пере-

⁶⁴ Х.-М. А. Сабанчиев. Возвращение на родину. Восстановление автономии и национальное развитие балкарского народа (1957–2007 гг.). М.: Поматур, 2007.

ходим, академические ученые и публицисты-любители часто оказываются в одном «окопе». Академический статус не является обязательным «входным билетом» для участия в публичных дискуссиях об истории. О последствиях этого пишет кабардинский историк Р. Г. Ошроев, сам, как увидим ниже, активно и резко полемизирующий с авторами другого «лагеря»: «За последнее двадцатилетие историография в значительной мере превратилась в разновидность политической публицистики. Вместе с крушением безраздельно господствовавшей марксистской методологии и закреплением плюрализма исследовательских установок открылось и широкое поле для недопустимого манипулирования историческими знаниями и фактами. Специалисты отмечают, что рост этнического национализма и кризисные явления, затронувшие северокавказские народы на постсоветском пространстве, привели не только к поискам "национальной идеи", но и к подкреплению их созданием этноцентристских исторических схем, провоцирующих разъединение и напряженность между народами»⁶⁵.

3. ОСНОВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СПОРОВ

Приступая к изложению содержания полемики между историками, представляется необходимым сделать одну оговорку. Выше мы отметили, что в исторической науке КБР и КЧР большую роль играют этнические общности историков. Наличие этих общностей очевидно и в той полемике, о которой здесь пойдет речь. Однако это, разумеется, не означает, что этническая принадлежность ученого автоматически влечет принятие им тех или иных взглядов и неприятие им каких-то альтернативных позиций. Отсюда следует условность таких используемых в этом разделе понятий, как «черкесская точка зрения», «карачаево-балкарская точка зрения» и т. д. Эти термины не используются ниже для обозначения позиций, присущих целому народу или непременно всем историкам из этого народа.

⁶⁵ Р. Ошроев. Творец истории З. Б. Кипкеева. Сайт Elot.ru. 29.11.2008.

3.1. Споры о роли Кабарды до окончания Кавказской войны

Споры о статусе и роли Кабарды как государственного образования до второй половины XIX в. не концентрируются на каком-либо одном событии, а скорее касаются ее общей роли и достижений до окончательного присоединения к России. Эти споры, независимо от намерений спорящих сторон, неминуемо затрагивают и саму «черкесскую катастрофу» 1860–1880 гг., то есть эмиграцию значительной части черкесов с Северного Кавказа на территорию Османской Империи, вызванную Кавказской войной, завершившейся в 1864 г. Хотя Кабарда, в отличие от других частей Черкесии, оказалась под военным контролем Российской Империи задолго до этих событий, в 1820-е гг., споры о том, что представляла собой Кабарда, идеологически встраиваются в более широкий вопрос о том, что черкесы потеряли в результате Кавказской войны, закончившейся для многих из них эмиграцией. Была ли их трагедия всего лишь одним из многих эпизодов кровавой войны или гибелью целой цивилизации, падением нации, определявшей до этого судьбу всего Северо-Западного Кавказа? Таков внутренний «нерв» дискуссий о прошлом Кабарды и кабардинцев — самого восточного из черкесских «племен».

Полемика о Кабарде не прекращается среди историков КБР и КЧР последние 20 лет. Ее политический контекст за это время существенно поменялся. В 1990-е гг. этим контекстом была борьба за разукрупнение или, наоборот, сохранение имеющихся северокавказских регионов. В 2000-е эта борьба продолжалась в основном только в КЧР, а более общей политической доминантой стал вопрос об отношении черкесской общественности к сочинской Олимпиаде. Этот вопрос тесно связан с Кавказской войной, поскольку в окрестностях олимпийских объектов проходили ее завершающие, трагические для черкесов события, и из этих же окрестностей шла эмиграция черкесов и родственных им народов.

Как известно, споры об обстоятельствах и значении черкесской эмиграции идут не только в северокавказских республиках⁶⁶. Полемические

⁶⁶ О неоднородности реально происходивших переселений черкесов с Северного Кавказа см. напр., В. О. Бобровников, И. Л. Бабич (ред.). Северный Кавказ в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 155–183; А. А. Ганич. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. Москва: ИСАА, 2007. С. 9–48.

статьи и монографии российских авторов на эту тему публиковались в последние годы и за пределами Северного Кавказа⁶⁷, а признание парламентом Грузии в мае 2011 г. «геноцида черкесов» вывело эту дискуссию на международный уровень. Однако на самом Северном Кавказе эта тема присутствует наиболее остро, причем не только в научной, но и в общественной жизни. Достаточно сказать, что на 21 мая, день окончания Кавказской войны, во многих черкесских селах, например в населенных черкесами районах Карачаево-Черкесии, общественные организации проводят собрания и общедоступные лекции на тему «Роль 21 мая в истории народа». При этом в среде историков республик, в которых проживают черкесы, ведется сравнительно мало прямых споров о том, что произошло с черкесами в последние годы Кавказской войны и в первые годы после нее. В целом на Северном Кавказе относительно редко идут дискуссии о том, было ли переселение черкесов в Османскую империю добровольным или принудительным, чем руководствовались царские чиновники в своей политике относительно черкесов, сколько черкесов эмигрировало в результате Кавказской войны, какая их часть погибла в ходе переселения и т. д.⁶⁸ Здесь можно увидеть определенную параллель со сталинскими депортациями народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. Даже в работах тех кавказских историков, которые по другим вопросам активно полемизируют с представителями этих народов, защиту «обоснованности» депортаций найти можно редко; если она и присутствует, то лишь в маргинальных печатных изданиях.

Значительно больший интерес местные историки, а также общественники и журналисты проявляют именно к тому, что предшествова-

⁶⁷ См., например, А. Епифанцев. *Неизвестная кавказская война. Был ли геноцид адыгов?* М.: Литкон, 2010; Сергей Маркедонов. *Черкесский инструмент.* Politcom.Ru. 20.05.2011.

⁶⁸ См., однако, работу карачаевского историка Н. М. Будаева, в которой автор доказывает, что переселение было в основном добровольным и число переселившихся было гораздо меньшим, чем утверждается в работах черкесских авторов (Н. М. Будаев. *Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XX вв.* Черкесск: Карачаевский научно-исследовательский институт, 2007. С. 181–184). См. также полемическую статью кабардинского историка Р. Ошроева, обвиняющего карачаевского историка З. Б. Кипкееву в том, что она объясняет эмиграцию черкесов их изначально кочевой природой (Р. Ошроев. *Творец истории З. Б. Кипкеева...*). В работах самой Кипкеевой, впрочем, эмиграция черкесов признана трагическим исходом, спровоцированным российскими властями (З. Б. Кипкеева. *Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в.–60-е годы XIX в.)*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007).

ло эмиграции черкесов, то есть что было потеряно черкесским народом в результате войны. Интерес этот чаще всего остро полемический, а позиции, высказываемые в полемике, как уже было отмечено, имеют прямые следствия для общего осмысления трагедии черкесов, случившейся в XIX в. Говорить о какой-либо общей точке зрения, единодушно принимаемой здесь всеми историками той или иной национальности, не приходится, и все же в полемике довольно отчетливо видна разница в подходах и, главное, целях у разных этнических «партий» внутри научного сообщества.

Споры о Кабарде и кабардинцах до российского завоевания идут прежде всего по следующим направлениям:

- имела ли Кабарда собственную государственность и насколько развитую;
- каковы были взаимоотношения Кабарды с соседними народами;
- насколько значимой была роль Кабарды в военных конфликтах на Западном Кавказе.

Эти вопросы можно свести к одному более фундаментальному: что представляла собой Кабарда до Кавказской войны XIX в.? Была ли она племенным союзом, одним из многих на Кавказе, или же развитым в военном отношении феодальным государством, контролировавшим соседние народы?

Споры касаются в основном XVII–XVIII вв., то есть периода, когда росло влияние России на Западном Кавказе. Будучи вовлеченной в противостояние в регионе Османской империи и Крымскому ханству, Россия неминуемо вступала в отношения с местными народами, то воюя, то заключая союзы с некоторыми из них⁶⁹. Сложные, подчас запутанные обстоятельства данного периода дают много пищи для споров по перечисленным выше темам.

Полемика о государственности Кабарды показывает достаточно ясный водораздел между «черкесской» и «карачаево-балкарской» позициями. Сторонники первой позиции не подвергают сомнению тезис о наличии развитого государственного устройства в указанный период в Кабарде. В основе этого государственного устройства, по их мнению,

⁶⁹ Подробно об истории Западного Кавказа в указанный период см. И. Л. Бабич, В. О. Бобровников (сост.). *Северный Кавказ в составе Российской Империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 33–58; о полемике историков по поводу феодальных отношений у горцев Северного Кавказа в целом см.: Там же. С. 227.

лежал сословный феодализм. Сословной структуре общества своих предков черкесские авторы уделяют крайне серьезное внимание, причем значимые работы «корифеев» черкесской историографии по этой теме появились еще в годы перестройки и в первые годы после распада СССР⁷⁰. В работах черкесских авторов защищается тезис о частичном распаде прежней высокоразвитой сословной структуры Кабарды в XVIII–начале XIX вв., что, по их мнению, показывает «степень и глубину системного кризиса, охватившего все кабардинское общество в результате внешних деструктивных воздействий»⁷¹. Что касается статуса Кабарды как государства накануне Кавказской войны, то он не вызывает сомнений у черкесских историков. В их работах, не посвященных специально полемике с оппонентами, государственность Кабарды не столько утверждается, сколько имеется в виду как не подлежащая сомнению. Кабарда в таких работах часто называется «страной» — термином, редко употребляемым кавказскими историками, если речь идет об ареале проживания народа с неразвитой государственностью. Ср. фрагменты статьи научного сотрудника Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Т. Х. Алоева: «...Кабардинцы впервые с 1644 г., когда страна (здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной. — К. К.) отразила калмыцкое вторжение, сумели не просто одержать победу, но и уничтожить вражеских военачальников» (с. 192); «...Победа кабардинских войск под Крымскими стенами 26–28 апреля 1729 г. не обеспечила прекращения крымских походов в страну, более того, она не позволила вернуть часть абазин под суверенитет Кабарды» (с. 192)⁷². Полноценная государственность Кабарды не ставится под сомнение и в публикациях черкесских ученых в СМИ,

⁷⁰ Х. М. Думанов. Социальная структура и обычное право кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX века). Нальчик, 1990; В. Х. Кажаров. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–первой половине XIX в. Нальчик, 1994; В. Х. Кажаров. Адыгская хаса. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992.

⁷¹ Р. Р. Налоева. Социальные трансформации в среде кабардинского крестьянства в 20–60-е годы XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 276–293.

⁷² Т. Алоев. Баксанская битва («у Крымских стен») 26–28 апреля 1729 года: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 183–194.

ср. начало статьи директора того же института Б. Х. Бгажнокова: «... Аристократическая Кабарда производила впечатление динамично развивающегося государства. Сложившаяся социальная организация получила всеобщее признание соседних народов, образ жизни кабардинцев стал средоточием, своего рода визитной карточкой северокавказской цивилизации и культуры»⁷³.

Среди карачаево-балкарских историков популярен тезис о кочевой природе кабардинского общества, что они понимают как свидетельство отсутствия государственности. Ср. следующие утверждения карачаевского историка Р. Т. Хатуева: «Кабардинцы в позднем средневековье вынуждены были, часто меняя местожительство, вести подвижный, по сути, кочевой образ жизни, так и не став оседлым народом вплоть до присоединения к России. В силу исторических условий в Большой Кабарде (в отличие от более «укорененной» Малой Кабарды) не было ни одного признака государственности: ни оседлого населения, ни четких границ, ни постоянных феодальных укреплений, ни административно-политического центра. Иными словами, Большая Кабарда выступала скорее разновидностью кочевой орды. (Сноска автора: "Этим и обусловлено то, что в Большой Кабарде нет ни одного подлинно старинного селения (такowymi нельзя считать те, что были созданы в XIX в. по воле русского командования, проводившего курс на оседлость народов плоскости). В этом плане на пользу соседям кабардинцев — горцам — сыграла их оседлость: отсюда вайнахские, осетинские, карачаево-балкарские аулы с многовековой историей, старинными родовыми кварталами и фамильными кладбищами, памятниками средневекового каменного зодчества")»⁷⁴. Взгляд на Кабарду как на преимущественно кочевое общество проводится в трудах карачаевского историка З. Б. Кипкеевой⁷⁵ и балкарского историка Б. Х. Кучмезова⁷⁶, вызвавших резкую критику со стороны их черкес-

⁷³ Б. Бгажноков. Победить или умереть // Кабардино-Балкарская правда. 12 августа 2008 г.

⁷⁴ Р. Т. Хатуев. Политическая история // К. Т. Лайпанов, Р. Т. Хатуев, И. М. Шаманов. Карачай с древнейших времен до 1917 года. Исторические очерки. Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009. С. 65 сл.

⁷⁵ З. Б. Кипкеева. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение. (60-е годы XVIII в.–60-е годы XIX в.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006.

⁷⁶ Б. Х. Кучмезов. К вопросу об этнических ареалах и этнических границах на Северном Кавказе // Кавказский сборник. Т. 4 (36). М.: Русская панорама, 2007.

ских коллег (см. о ней ниже). Другой карачаевский историк, Р. М. Бегеулов, характеризуя Кабарду XVII–XVIII вв., утверждает, что кабардинцы в этот период были народом «весьма мобильным», в то время как у карачаево-балкарской народности, осетин и ингушей «поселения отличались значительно большей оседлостью»⁷⁷. Мысль об оседлом характере одних народов и полукочевом характере других проводится в монографии Бегеулова весьма последовательно, хотя и без прямой полемики с какими-либо авторами⁷⁸. Карачаевский автор Н. М. Будаев, указывая на кочевой характер кабардинского общества, приводит доводы в пользу того, что территория «проживания и кочевания» кабардинцев и ногайцев в XVII–XVIII вв. совпадала⁷⁹. Такая точка зрения – еще дальше от теории о существовании развитого государства Кабарды.

Критика таких концепций с «черкесской» позиции носит весьма жесткий характер. Среди авторов полемических работ на эту тему можно выделить Т. Х. Алоева. Он возражает против точки зрения о слабости развитости государства в Кабарде сразу по двум направлениям. С одной стороны, эта точка зрения оппонентов объявляется эмпирически необоснованной: «Однако лишение Кабарды границ, войск, письменности, единого юридического пространства... и парламента, попросту говоря, является свидетельством некомпетентности автора в вопросах, которые он пытается проанализировать. Необходимо сделать лишь одно пояснение по поводу письменности: делопроизводство в Кабарде осуществлялось на арабском языке, а внешняя переписка велась на основе татарского языка (что должно порадовать нашего тюркомана). Подобная практика была распространена не в одной Кабарде»⁸⁰. С другой стороны, Алоев обвиняет оппонентов в том, что, отказывая Кабарде в государственном статусе, они не имеют ясной теории государственности: «По меньшей мере опрометчиво, не прора-

ботав и малой толики трудов по теории государства, выдвигать некий набор характеристик, позволяющих однозначно говорить о наличии или отсутствии у данного социума государственности... С XIX в. устоялся некий набор классических признаков государства, к которым относятся: 1. Замена родового деления общества на территориальное; 2. Налогообложение; 3. Наличие административного и репрессивного аппарата. При наложении данной триады... на политическую систему феодальной Кабарды нетрудно заметить, что она соответствовала указанным параметрам»⁸¹.

С представлениями о степени развития кабардинского государства тесно связаны и представления о **взаимоотношениях кабардинцев с соседними народами**. Многие черкесские авторы считают, что к XVIII в. кабардинские князья имели в вассальной зависимости карачаевских и балкарских феодалов. Этот тезис о гегемонии Кабарды тесно переплетается с упомянутым выше тезисом о высокой степени развития ее государственности: «[Кабарда] являлась не этнической территорией адыгского субэтнуса, а государственным образованием, объединявшим практически все население Центрального Кавказа»⁸². Известный кабардинский историк В. Х. Кажаров еще в монографии 1992 г. использовал термин «сюзеренитет» для определения отношений Кабарды с соседними народами. «[Во второй половине XVIII в.] народы Центрального Предкавказья, используя ослабление Кабарды, стремились освободиться от ее сюзеренитета»⁸³. Ж. А. Калмыков пишет о том, что во взаимоотношениях кабардинцев с соседними народами «имел место вассалитетный аспект в форме покровительства»⁸⁴. Черкесские авторы говорят о «сотнях свидетельств» власти Кабарды над горными тюркскими народами. Более подробно источниковая база этих авторов и их оппонентов будет охарактеризована ниже, однако как любопытный пример можно отметить использование черкесскими полемистами в качестве одного из «свидетельств» текста карачаевского автора первой половины XX в.: писатель и публицист

⁷⁷ Р. М. Бегеулов. Центральный Кавказ в XVII–первой четверти XIX века: Очерки этнополитической истории. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2009.

⁷⁸ Первым балкарским автором, высказавшим аналогичную точку зрения, видимо, был Мисост Абаев в очерке «Балкария», опубликованном в журнале «Мусульманин» (Париж) в 1911 г. (см. М. Абаев. Балкария (исторический очерк). Нальчик, 1993).

⁷⁹ Н. М. Будаев. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XX вв. Черкесск: Карачаевский научно-исследовательский институт, 2009. С. 97–121.

⁸⁰ Т. Алоев. Феномен М. Будаев и «исторические» импровизации Б. Кучмезова. Приложение к газете «Хасэ». Нальчик. Февраль–март 2009.

⁸¹ Т. Алоев. Указ. соч. С. 8.

⁸² Т. Алоев. Указ. соч. С. 7.

⁸³ В. Х. Кажаров. Адыгская хаса. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992. С. 73.

⁸⁴ Ж. Калмыков. Навязчивые идеи псевдоисториков и этнолидеров // Голос Кабарды. № 7. 2011.

М. Дауров, критикуя карачаевских историков, отстаивающих тезис о независимости Карачая от Кабарды до российского завоевания, приводит следующую цитату известного карачаевского политического деятеля, в начале 1920-х гг. — председателя Карачаевского ревкома Умара Алиева: «Кабардинские князья, покорившие Карачай..., начали взysкивать с населения оброк и пытались ввести в Карачае тот же феодальный строй, который имел место у них. Прежде всего были насаждены в Карачае вассалы кабардинских сюзеренов, так называемые "таубии", собиравшие оброк для кабардинских князей»⁸⁵. Отметим, что текст Умара Алиева, руководившего борьбой большевиков против карачаевской знати, был направлен в первую очередь против феодалов Карачая, однако сегодня он служит аргументом за «черкесскую» версию истории взаимоотношений черкесов и карачаевцев.

В ряде работ кабардинских историков доказывается, что отношения кабардинцев с абазинами строились иначе, чем с другими соседями. Так, К. Ф. Дзамихов пишет: «Абазины, в отличие от других вассальных народов, живших исключительно в горной местности и отстававших в своем развитии от Кабарды, экономически никак не зависели от кабардинцев... Зависимость абазин от кабардинцев была периодической, связанной исключительно с военно-политической обстановкой»⁸⁶. Отметим, что абазины, в отличие от других соседей, родственны восточным черкесам (кабардинцам): кабардинский и абазинский языки входят в абхазо-адыгскую языковую семью.

С «карачаево-балкарской» точки зрения, уплата дани кабардинцам не может рассматриваться как свидетельство зависимости от последних. Под «данью» карачаево-балкарские авторы склонны понимать всего лишь плату, которую их предки давали кабардинским феодалам за пользование их пастбищами и которая не может свидетельствовать о каком-либо политическом неравенстве. «Вассалитет» Карачая и Балкарии по отношению к Кабарде объявляется исторической выдумкой: «Расхожий тезис о вассально-политической зависимости горцев Центрального Кавказа от князей Кабарды вошел во многие источники — как русские, так и европей-

ские — с подачи исключительно кабардинской стороны. Это были не только сами феодалы Кабарды, рассказывавшие путешественникам (из которых никто не посещал самих горцев до 1820-х гг.) сочиненные ими же "сведения" о власти над всеми соседями. Это были и кабардинские историки, публицисты из числа царских чиновников и офицеров (Ш. Ногмов, Я. Шарданов, Л. Кодзоков), которые по конъюнктурным соображениям шли на прямой подлог фактов, фальсификацию... В реальности карачаевские князья (бии) обладали равным статусом с кабардинскими князьями (пши), на что прямо указывает главный показатель той эпохи — династические браки»⁸⁷. По мнению Хатуева, цель кабардинских авторов XIX в., чьими свидетельствами пользуются современные черкесские историки, состояла в том, чтобы оправдать тогдашние земельные претензии кабардинцев (см. об этом ниже). Разделять экономическую и политическую зависимость от Кабарды требует и Б. Х. Кучмезов: «[Балкарцы], с приходом на предкавказскую равнину оседлого населения в лице кабардинцев, теряют возможность свободного выпаса своего скота на зимних пастбищах и становятся зависимыми от кабардинцев. В то же время экономическая зависимость балкарцев не сразу и не у всех обществ перешла в политическую зависимость от Кабарды, которая наиболее отчетливо наблюдалась со второй половины XVIII в.»⁸⁸. Наконец, Р. М. Бегеулов обосновывает свою теорию взаимоотношений Кабарды с соседями. Он утверждает, что Кабарда была наиболее влиятельной силой на Центральном Кавказе, однако ее отношения с другими народами были конфедеративными. Историк признает лидирующую роль Кабарды, но категорически отрицает теорию «кабардинского ига», под которым якобы находились другие народы Центрального Кавказа. Один из ключевых аргументов автора против «кабардинского ига» состоит в том, что во время российских экспедиций на Кавказ в XVIII в. якобы зависимые от кабардинцев народы часто неохотно переходили на сторону России. Если бы соседние народы были поработаны Кабардой, то они бы сразу увидели в России освободителя, считает Бегеулов.

⁸⁵ М. Дауров. Идиотизм ущербной историографии // «Адыгэ Хасэ» (Черкесск). 18 января 2010 г.

⁸⁶ К. Ф. Дзамихов. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 117.

⁸⁷ Р. Хатуев. Указ. соч. С. 73.

⁸⁸ Б. Х. Кучмезов. К истории политических отношений между балкарцами и кабардинцами // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Черкесск: ИКО «Аланский эрмитаж», 2009. С. 27–37.

Несколько иной ответ на вопрос об исторической роли кабардинцев в последние перед Кавказской войной века дает З. Б. Кипкеева⁸⁹. Из всех карачаево-балкарских историков ее произведения подвергаются едва ли не самой жесткой критике со стороны черкесских коллег (см. ниже). С точки зрения Кипкеевой, возвышение Кабарды в XVIII в. произошло благодаря целенаправленным усилиям российской власти. Как стремится доказать Кипкеева, во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в ходе которой Большая Кабарда была формально включена в состав России, «Пятигорье было объявлено “кабардинскими владениями”»; Екатерина II велела расселять здесь различные кубанские народы под видом «данников» кабардинских князей, в соответствии со своей концепцией мирного их присоединения к России. То есть подвергаются сомнению и древние права кабардинцев на свои территории, и их самостоятельное доминирование в регионе. Описывая общий процесс утверждения российского влияния на Западном Кавказе в XVIII в., Кипкеева говорит о соперничестве России с Крымом и Турцией, а также о преимущественно кочевых народах, которые оказывались на линии противостояния этих держав — абазинах, ногайцах, кабардинцах. Такая модель существенно отличается от концепций, в которых Кабарда участвовала в западнокавказских военно-политических делах в качестве полноценного оседлого государства. Кроме того, в работах Кипкеевой регулярно подчеркивается, что горные турки, то есть балкарцы и карачаевцы, в отличие от вышеуказанных народов, в XVIII в. были независимы от крупных держав, ведущих войны в регионе.

Отметим, что в 1990-е гг. среди карачаево-балкарских историков доминировала несколько иная точка зрения на взаимоотношения своего народа с черкесами до российского завоевания, состоящая в том, что черкесы регулярно имели военные конфликты с горными тюрками и силой завоевывали их земли. Подобные теории, часто основывавшиеся на фольклорных источниках, активно выдвигались в ходе споров об этнических границах, которые возникали в начале 1990-х в связи с обсуждавшейся тогда возможностью раздела западнокавказских

⁸⁹ З. Б. Кипкеева. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007.

регионов⁹⁰. Силовой захват черкесами части земель, на которых ранее проживали их соседи, согласуется с версией ряда карачаево-балкарских историков о том, что черкесы появились на территории Кабарды только после того, как в 1395 г. среднеазиатский владыка Тимур нанес поражение хану Золотой Орды Тохтамышу, и ослабление Орды позволило черкесам, проживавшим тогда только между Кубанью и Черным морем, расширить свои владения на восток. В исторической публицистике такую версию впервые, видимо, высказал Хутуев в указанной статье⁹¹. Впрочем, некоторые карачаево-балкарские авторы датируют появление кабардинцев на территории их нынешнего проживания и более поздними сроками. Так, Казий Лайпанов считает, что переселение кабардинцев в ареал их теперешнего проживания с территории, ныне входящей в Краснодарский край, имело место в XV–XVI вв., когда они вытеснили в горы «остатки» карачаевцев, балкарцев и осетин, живших на опустошенных Тимуром равнинах⁹². А Н. М. Будаев⁹³ считает, что кабардинцы появились на этой территории только в XVII в., а «утвердились» на ней в XVIII в.

Споры о военных конфликтах на Западном Кавказе также в основном нацелены на утверждение или, наоборот, отрицание доминирующей роли того или иного народа в военно-политической жизни этого региона. Здесь также в основном дискуссия касается роли кабардинцев, хотя и не исчерпывается ею.

Речь идет главным образом об отношениях с Крымским ханством, которое было ключевым политическим игроком на Западном Кавказе вплоть до XVIII в. В основе «карачаево-балкарской» позиции — тезис о военно-политической зависимости Кабарды от Крыма и даже о подданстве кабардинцев крымскому хану. В ответных публикациях черкесские историки приводят различные аргументы за то, что, по крайней мере, в XVIII в. кабардинцы, хотя и платили в ряде

⁹⁰ См., напр., Х. Хутуев. Была ли граница? // Кабардино-Балкарская правда. 28 февраля 1992 г.

⁹¹ Расширение территории проживания кабардинцев после поражения Тохтамыша признают и ведущие кабардинские историки (см., напр., А. Х. Боров, Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999).

⁹² Казий Лайпанов. О государственности карачаевцев и черкесов // Ас-Алан. № 1 (3). Москва, 2000. С. 287–304.

⁹³ Н. М. Будаев. Указ. соч. С. 100, 114.

случаев дань Крыму, не были его подданными. Также говорится о «номинальном», «никак не институционализованном» характере власти иноземцев над Кабардой. То есть выдвигается версия о том, что данничество не означает политической зависимости⁹⁴. Здесь легко увидеть параллель с дискуссиями о взаимоотношениях между Кабардой и горными тюрками (см. выше): напомним, что в тех дискуссиях карачаево-балкарские историки точно так же отказываются считать своих предков вассалами Кабарды на том лишь основании, что они платили Кабарде дань.

Очевидную полемическую направленность имеют работы черкесских историков о военных успехах черкесов. Особое внимание здесь также уделяется XVIII в. Наиболее острая полемика развернулась вокруг Канжальской битвы 1708 г. Она произошла близ горы Канжал (ныне окрестности балкарского села Кёнделен Эльбрусского района Кабардино-Балкарии) между черкесами и войском крымского хана и закончилась победой черкесов. В канун трехсотлетнего юбилея Канжальской битвы, который праздновался в Кабардино-Балкарии в сентябре 2008 г.⁹⁵, полемика вокруг этого события шла не только в научных изданиях, но и в региональных СМИ. Черкесские историки рассматривали эту битву как результат серьезного осложнения отношений между Крымом и Кабардой. Предыстория битвы в изложении черкесских историков не оставляет сомнений в том, что, несмотря на давление, которое испытывала тогда с разных сторон Кабарда, ее контакты с Крымом были контактами двух независимых государств, в ходе которых равноправные переговоры могли сменяться вооруженным выяснением отношений⁹⁶. Что касается самого поражения крымцев при Канжале, то черкесские авторы в канун юбилея приводили ссылки на различные источники первой половины XVIII в., согласно которым это событие имело решающее значение для ослабления геополитической роли Крыма⁹⁷. Одновременно демонстрируется, что Канжальская битва была вовсе не единствен-

ным в XVIII в. сражением, в ходе которого черкесы смогли нанести поражение крымскому хану⁹⁸.

Тема Канжальской битвы накануне ее юбилея весьма интересовала и многих карачаево-балкарских авторов, не согласных с возвышением этого события. Они также выступали во основном не в научных изданиях, а в СМИ. Возражения касались в первую очередь источников: на их взгляд, роль этого сражения существенно переоценил черкесский историк XIX в. Шора Ногмов (Ногма; 1794–1844). Наиболее крайние оценки карачаево-балкарских авторов сводятся к тому, что близ горы Канжал на самом деле произошло всего лишь нападение горцев на крымско-татарский отряд, возвращавшийся с собранной данью. При этом оспаривается само участие черкесов в этом событии, поскольку утверждается, что территория близ горы Канжал не была на тот момент заселена черкесами⁹⁹. Более «умеренный» подход демонстрируется в уже цитированной монографии Бегаулова, который, напомним, защищает теорию конфедеративных отношений между Кабардой и горными тюрками. Несколько раз возвращаясь к теме Канжальской битвы, этот карачаевский историк не умаляет ее значения, но подчеркивает, что победу в ней черкесы одержали не в одиночку, а вместе со своими соседями — партнерами по «конфедерации».

Итак, история Западного Кавказа до XIX в. вызывает значительные споры среди историков этого региона. Особый интерес представляет **набор источников**, которыми разные стороны аргументируют свою позицию. Каких-либо заметных различий в типах источников, используемых разными сторонами в ходе дискуссий, не имеется. Письменные памятники, оставленные черкесскими, карачаевскими и балкарскими обществами, крайне скудны. При этом вокруг имеющихся памятников идет весьма острая полемика. Например, с начала 1990-х в академических публикациях и в СМИ было много споров по поводу надписи на плите, предположительно найденной в Хуламском ущелье Балкарии. Согласно балкарским авторам, надпись является земельным договором, разграничивающим территории, принадлежащие «пяти горским обществам» (то есть балкарцам), Крыму и России. Балкар-

⁹⁴ См., напр., З. А. Кожев. Отзыв на книгу З. Б. Кипкеевой. Сайт virt-circassia.ucoz.com. 04.06.2008.

⁹⁵ К. И. Казенин. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе. М.: REGNUM, 2009. С. 97 сл.

⁹⁶ Б. Х. Бгажноков. Победить или умереть...

⁹⁷ Критический анализ этих взглядов и источников представлен в работе: В. Каширин. Еще одна «мать Полтавской баталии»? К юбилею Канжальской битвы 2008 года // ИА REGNUM. 28.09.2008. <http://www.regnum.ru/news/1061262.html>.

⁹⁸ Т. Алоев. Баксанская битва («у Крымских стен»)... С. 183–194.

⁹⁹ Величина памятника еще не означает величия героя, а тем более истории // Балкария. №2 (31), июнь 2008.

ские авторы часто ссылаются на изложение содержания надписи в докладе Терской областной чертежной от 1909 г., хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве¹⁰⁰, но иногда и просто говорят о «межевой каменной плите», содержащей крымско-российско-балкарский договор¹⁰¹. Кабардинские историки утверждают, что изложение надписи в докладе чертежников-землемеров не является достоверным и якобы было основано на версии, произвольно созданной балкарским ученым начала XX в. Мисостом Абаевым¹⁰². Ряд кабардинских авторов¹⁰³ отождествляют надпись, о которой говорят балкарские ученые, с надписью на плите, которую обнаружил среди экспонатов Нальчикского музея в 1953 г. известный кавказовед Л. И. Лавров. Балкарский историк и археолог Мизиев, говоря о надписи на «каменной межевой плите», датировал ее 1709 г., хотя в тексте, приводимом балкарскими авторами со ссылкой на доклад чертежной комиссии, содержится дата – 1127 г. Хиджры, то есть 1749 г.¹⁰⁴ Возникла путаница и предположения о том, что речь в действительности у разных авторов идет о разных документах. Проблема возникает прежде всего из-за того, что музейная надпись не получила удовлетворительной расшифровки¹⁰⁵. В целом ситуация вокруг данного памятника показывает, сколь непрочную основу для исследований спорных вопросов, о которых идет речь в данном разделе, дают редкие дошедшие эпиграфические материалы.

В основном местные историки опираются на те или иные косвенные источники о прошлом своих народов и их соседей. Следует подчеркнуть, что систематических источниковедческих дискуссий в ходе

¹⁰⁰ См., напр., Х. Хутуев. Указ. соч.; Об этнической территории и этнических границах Балкарии. Справка экспертной группы Национального совета балкарского народа // Тере. № 23. Август 1993 г.

¹⁰¹ И. Мизиев. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // Ас-Алан. 1998. № 1. С. 1–100. Гл. VIII.

¹⁰² К. Дзамихов. Еще раз о надписи на каменной плите и «Истории Кабардино-Балкарии» // «Хаса», № 47. 25 ноября 1995 г.; К. Ф. Дзамихов, Х. М. Думанов, Ж. А. Калмыков, Б. М. Кереев. Сохранить бы мир в нашем доме // Кабардино-Балкарская правда, 2 июля 1993 г.

¹⁰³ Напр., К. Дзамихов. Указ. соч.

¹⁰⁴ См. напр., И. Мизиев. Указ. соч.; на взгляд Мизиева, надпись является свидетельством того, что «взаимовыгодные связи Россия, Балкария и Карачай усиленно начинают искать в период активной деятельности на Кавказе Крымского ханства».

¹⁰⁵ Подробно о спорах и версиях, связанных с «хуламской надписью», см. В. А. Шнирельман. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение. 2007, Ч. IV, гл. 6.

«исторических войн» не ведется. Вместо отдельного обсуждения вопросов, связанных с оценкой источников, наблюдаются лишь эпизодические споры об их достоверности, идущие в контексте полемики о том или ином событии.

Часто используются свидетельства иностранных путешественников, побывавших на Кавказе в XVII–XIX вв., при этом ссылки делаются иногда на издания на иностранных языках, иногда на русские переводы. При ссылках на иноязычные издания автор перевода обычно не указывается¹⁰⁶. Часто оппоненты обвиняют друг друга в недобросовестном цитировании путешественников. Эта «традиция» возникла, по-видимому, еще в газетных спорах историков в начале 1990-х гг. Например, балкарский историк Хутуев в уже упомянутой статье «Была ли граница?», говоря о границах Кабарды и Балкарии в начале XIX в., отмечает: «Так, уже в новых условиях продолжалось уменьшение горской территории и оттеснение в горы предгорного населения. Балкарские поселения по рекам Псыгансу, Аргудан и в верховьях реки Нальчик зафиксировали бывшие в этих местах в первые десятилетия XIX в. И. Клапрот, И. Бларамберг...». В ответной статье под заголовком «Да, была граница!» («Советская молодежь», 13 марта 1992 г.) кабардинский историк Х. М. Думанов возражает Хутуеву: «Я хорошо знаком с работами перечисленных авторов, но ни у одного из них нет никакого указания или упоминания о том, что в начале XIX в. в верховьях р. Нальчика располагались балкарские аулы. Любой читатель может проверить это, прочитав работы этих авторов». Очевидно, что такие «казусы» происходят из-за того, что авторы не всегда следуют принятым стандартам цитирования источников. Цитаты часто приводятся без характеристики их контекста, из-за чего один и тот же путешественник становится «поставщиком» доказательств для обеих сторон дискуссии. Так, на того же Клапрота ссылаются, доказывая свою позицию, и черкесские полемисты, например Р. Г. Ошроев в остро полемической статье «Творец истории З. Б. Кипкеева», где свидетельства

¹⁰⁶ Наиболее частые ссылки: Г.-Ю. Клапрот. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807-м и 1808-м годах. Перевод с английского К. А. Мальбахова. Нальчик, 2008 (издание на немецком языке – Берлин, 1812); Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб, 1809; П. С. Паллас. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 гг. Лейпциг, 1799. Т. 1.

этого путешественника использованы против карачаевского автора. Обычно путешественники цитируются без какого-либо критического анализа их текстов, без рассмотрения вопроса о том, насколько проведенные ими наблюдения могли адекватно соответствовать тем непростым реалиям, о которых они рассказывают. В некоторых работах, впрочем, какие-то сведения, приводимые путешественником, принимаются, а какие-то — отвергаются как недостоверные. Кабардинский историк Т. Х. Алоев в статье, посвященной битве кабардинцев с войсками крымского хана в 1729 г., ссылается на данные Клапрота, доказывая многочисленность крымского войска, выставленного тогда против Кабарды, но категорически отрицает его свидетельство о том, что кабардинцы перебили крымское войско обманом, предварительно пообещав крымцам выплатить дань. Недостоверность этой версии обосновывается так: «Излишне говорить о том, что автор здесь не сумел критически осмыслить имевшиеся в его распоряжении источники. Не в последнюю очередь это было вызвано тем, что он посетил страну в наиболее трагичный период ее истории — в 1807–1808 гг. На фоне опустошенной российскими военными экспедициями и чумой, лежащей в руинах Кабарды нетрудно было поверить, что она устояла перед натиском такой мощной державы, как Крымское ханство, благодаря лишь указанному выше экстраординарному событию»¹⁰⁷. Крайне редко цитирование путешественника сопровождается анализом того, как конкретно он собирал излагаемые им данные и насколько их в целом можно считать достоверными¹⁰⁸.

Свидетельства иностранных хронистов используются реже, чем свидетельства путешественников. Цитируется, например, турецкий историк XVIII в. Фундуклулу (Фындыклылы Мехмед Халифе), писавший о Канжальской битве. Напротив, не менее активно, чем свидетельства путешественников, используются русские архивные источники, отражающие взаимоотношения России с народами Западного Кавказа и позволяющие делать выводы о территории расселения и степени политического влияния того или иного народа до российского завоевания. Цитируются как документы, непосредственно обнаруженные

¹⁰⁷ Т. Алоев. Баксанская битва («у Крымских стен»)... С. 187.

¹⁰⁸ Но см., например, критический разбор источников информации путешественника XVIII века И. А. Гюльденштедта в работе кабардинского историка Дзамихова (К. Ф. Дзамихов. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 113 сл.).

авторами в архивах, так и документы, опубликованные ранее в различных сборниках. Наиболее цитируемый сборник документов — двухтомник «Кабардино-русские отношения», изданный к 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России¹⁰⁹. Из российских архивных документов часто привлекаются свидетельства о фактах, близких по времени к тому событию, которое представляет для автора первостепенный интерес. Эти факты используются как косвенное свидетельство защищаемого автором тезиса. Например, в статье Дж. Рахаева¹¹⁰ приводятся документы, обнаруженные автором в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), из которых следует, что накануне Канжальской битвы кабардинские посланники обращались с просьбой о военной поддержке к калмыцкому хану, а также к астраханским, гребенским и донским казакам. Это рассматривается как подтверждение серьезности военного конфликта, бывшего тогда, по утверждению автора, у Кабарды с Крымом, а полученные кабардинскими посланниками отказы — как свидетельство того, что накануне битвы Кабарда «фактически оказалась в международной изоляции».

Частым предметом полемики являются выводы, делаемые авторами на основе архивных свидетельств. Так, Т. Х. Алоев¹¹¹ «атакует» балкарского историка Б. Х. Кучмезова, приводящего слова ногайского бия Исмаила о том, что в 1549 г. «кабартынские черкесы нам сдались». «Не стоит на одном высказывании делать далеко идущие выводы. В связи с этим уместен пример. В 1747 г. князь Бамат Кургокин заявлял, что ногайцы принадлежат Кабарде. Было бы весьма некорректно на одном этом основании объявлять всю орду кубанских ногайцев частью Кабарды», — пишет Алоев. В других случаях документальные источники критикуются как содержащие намеренное искажение информации. Например, Р. М. Бегеулов¹¹² на этом основании критикует часто цитируемое кабардинскими авторами прошение к русским властям кабардинского князя Мисоста Атажукина, которое хранится в Российском Государственном военно-историческом архи-

¹⁰⁹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. М., 1957.

¹¹⁰ Дж. Я. Рахаев. Кабарда в системе международных отношений в начале XVIII века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 123–182.

¹¹¹ Т. Алоев. Феномен М. Будая...

¹¹² Р. Бегеулов. Указ. соч. С. 19 сл.

ве (РГВИА). В данном документе князь просит предоставить ему право вновь пользоваться «доходами» с балкарского Чегемского общества. Данные Атажукина о том, что до покорения Кабарды А. П. Ермоловым в 1821 г. он получал подати с Чегемского общества, были подтверждены в справке Кабардинского Временного суда, секретарем которого, как особо отмечает Бегеулов, в тот момент был черкесский ученый Шора Ногмов. По мнению Бегеулова, «дело даже не в том, что все прекрасно знали и знают, каким путем в России в целом и на Кавказе в частности можно было получить любую справку», а в том, что информация Атажукина не подтвердилась дальнейшей проверкой, проведенной исполнявшим должность начальника Центра Кавказской линии Беклемишевым (об этом Бегеулов сообщает со ссылкой на другие документы, хранящиеся в РГВИА). На этом основании Бегеулов утверждает, что использование данных, приведенных Атажукиным, в современных исторических работах «лишь отражает уровень компетентности их авторов, а также является примером национальной ангажированности».

Помимо российских архивных документов, используются и свидетельства авторов XIX в. об исторических преданиях, слышанных ими на Кавказе. Так, балкарские историки ссылаются на В. Н. Кудашева¹¹³, записавшего предания кабардинцев о том, что они «не были коренными народами Кабарды, а откуда-то переселились»¹¹⁴. Фольклорные источники, впрочем, не всегда приводятся со ссылкой на зафиксировавших их исследователей. Наличие разных версий фольклорных текстов является дополнительным «топливом» для полемики, когда один автор цитирует фольклорное произведение, а другой объявляет цитату неверной. Такого рода споры о текстах идут не только и даже не столько в научных работах, сколько в публикациях на исторические темы в СМИ. Так, в статье Б. Бгажнокова о Канжальской битве¹¹⁵ приводятся слова из балкарской «Песни Ачеева Ачемеца»: «Кабарда с Крымом воюют, если Кабарда не выдержит, что нам делать?». Бгажноков утверждает, что речь здесь идет о Канжальской битве. В ряде ответных публикаций балкарских авторов утверждается, что ни в одной из опубликованных

версий «Песни Ачеева Ачемеца» таких слов нет¹¹⁶. Отметим, что сами западнокавказские историки нередко пренебрежительно высказываются о фольклорных текстах как источнике. В частных беседах они рассказывают, что их оппоненты иногда произвольно видоизменяют тексты, записанные в ходе фольклорных экспедиций, для закрепления в них некоей версии об истории своего народа или его соседей.

Пожалуй, наиболее острые дискуссии, связанные с источниками, идут по поводу произведений кавказских историков XIX в., прежде всего — по поводу Шоры Ногмова. Его труды имеют большое значение для сегодняшних кабардинских общественников и публицистов, о нем появляется много работ, причем фокусом кабардинского «ногмоведения» является не столько описание Ногмовым конкретных событий, сколько его общий взгляд на исторический путь и роль черкесов¹¹⁷. Однако балкарские оппоненты критикуют труды Ногмова прежде всего как источник о Канжальской битве, заявляя, что рассказ о ней он скомпоновал из историй о битвах, имевших место в других областях Кавказа¹¹⁸. Бегеулов утверждает¹¹⁹, что именно Ногмов, а также ряд других кабардинских авторов XIX в. первыми стали защищать тезис о зависимости от кабардинцев соседних с ними народов до царского завоевания. В этом Бегеулов видит политическую подоплеку, а именно попытку обосновать земельные претензии кабардинских феодалов в глазах царских чиновников, и отрицает значение трудов Ногмова как источника информации.

Не меньшее место, чем прямые ссылки на источники, в аргументации местных историков занимают умозаключения, которые позволяют достичь желаемых выводов. Например, как уже отмечалось, противники теории, согласно которой горные турки находились в вассальной зависимости от Кабарды, указывают на браки между кабардинскими и балкарскими феодалами как на свидетельство равноправных отношений между ними.

В целом можно констатировать, что каких-либо резких отличий в используемых источниках между сторонами дискуссии не наблюда-

¹¹⁶ О. Гуртуев. Канжальская битва: ложь разрастается дальше. As-alan.com. Октября 2008 г.

¹¹⁷ С. Н. Жемухов. Философия истории Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2007.

¹¹⁸ Величина памятника еще не означает величия героя, а тем более истории // Балкария. № 2 (31), июнь 2008.

¹¹⁹ Р. М. Бегеулов. Указ. соч. С. 18.

ется, однако это ни в коей мере не приближает достижение консенсуса по спорным темам. Причины отчасти можно увидеть в самих источниках, нередко скудных по сообщаемой информации, а в ряде случаев требующих учета позиции автора документа, не всегда нейтральной. Однако характер источников — это, как представляется, не единственное обстоятельство, отдаляющее разрешение споров об истории, речь о которых шла в этом разделе. Основные спорные вопросы касаются не конкретных исторических фактов, а скорее интерпретации данных: можно ли было считать отношения между народами вассальными, на каком уровне находилось развитие государственности того или народа и т. д. Выше мы видели отсутствие четких критериев ответа на такие вопросы, разделяемых всеми участниками дискуссии. В таких условиях споры об эпохе, предшествовавшей российскому завоеванию, порождают «дурную бесконечность» взаимных опровержений и упреков в некомпетентности как среди исторических публицистов, так и среди ученых, стремящихся работать в более строгих академических рамках.

Параллельно со спорами, которые в той или иной мере соответствуют стандартам научной дискуссии, появляются популярные книжные издания и публикации в СМИ по вопросам, речь о которых шла в данном разделе. В таких публикациях роль одного из народов максимально принижается, а другой народ, напротив, изображается лидером всего западнокавказского региона прошлых веков. Подобные тексты поражают смешением совершенно разнородных тем: буквально на одной и той же странице может обсуждаться, когда тот или иной народ появился на своей нынешней территории, представитель какого народа первым взшел на Эльбрус, какой народ вывел известную породу лошадей и основал популярную разновидность спортивной борьбы. «Этнопублицистические» работы такого рода всегда вызывают шквал критики, причем с ней могут выступать и профессиональные историки. Так, работы карачаевского автора, выходца из Сирии М. Будая¹²⁰ вызвали публичную отповедь кабардинского историка Т. Х. Алоева¹²¹, члена Адыгской международной академии наук И. Я. Куценко¹²²

¹²⁰ Например, М. О. Будай. Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами. 1998.

¹²¹ Т. Алоев. Феномен М. Будая...

¹²² И. Я. Куценко. Правда и кривда. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 111–150.

и других. Выходящая в Черкесске газета «Адыгэ Хасэ», учрежденная одноименным черкесским общественным движением, 3 марта 2010 г. опубликовала большую подборку цитат из Будая и ряда других авторов под общим заголовком «Паранойя». Данный пример, который вряд ли уместно рассматривать, говоря об исторической науке, — не единственный в своем роде. Любой автор, стоящий на радикальных позициях в этнической сфере, обретает «вторую жизнь» в сочинениях своих оппонентов, подчас не менее радикальных.

3.2. Споры о земельном переустройстве после Кавказской войны

Одной из ключевых точек несогласия между историками в КБР и КЧР является земельное переустройство, проведенное в этой части Северного Кавказа после окончательного утверждения там российской власти. Острые дискуссии вызывает деятельность созданной царской администрацией в 1863 г. Комиссии по разбору личных и земельных прав Терской области (большинство территории нынешней КБР тогда находилось в составе Нальчикского округа данной области). В работах современных северокавказских историков ее также называют «Терской сословно-поземельной комиссией», или, чаще, «комиссией Кодзокова», по фамилии возглавлявшего ее 25 лет с момента основания крещеного кабардинца Дмитрия (Лукмана) Кодзокова (1818–1893), получившего воспитание и университетское образование в Москве.

На деятельность комиссии Кодзокова есть две противоборствующие точки зрения. Согласно одной, представленной прежде всего в работах многих черкесских авторов, комиссия оказала существенную помощь балкарцам, увеличив их земельные владения. Эту точку зрения черкесские историки активно защищали в СМИ в начале 1990-х гг., когда обсуждался вопрос о возможном разделе КБР по национальному признаку на два субъекта¹²³. Суть данной точки зрения

¹²³ Х. М. Думанов. Правда о границах. Из этнической истории Кабарды и Балкарии XIX-начала XX века // Кабардино-Балкарская правда, 10 декабря 1991 г.; К. Ф. Дзамихов, Х. М. Думанов, Ж. А. Калмыков, Б. М. Керефов. Сохранить бы мир в нашем доме // Кабардино-Балкарская правда, 2 июля 1993 г.; Ж. А. Калмыков. Не было причин для раздора // Хасэ, 14 апреля 1992 г. Большинство указанных авторов продолжали публиковаться по данной теме и позднее: см., напр., Ж. Калмыков, К. Дзамихов, Х. Думанов, А. Кажаров. Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии. Приложение к газете «Хасэ». Февраль–март 2009 г.; см. также изданный Координационным советом адыгских общественных организаций

состоит в том, что комиссия, желая помочь безземельным балкарским крестьянам, приняла решение переселить их на кабардинские земли. Ссылаясь на документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве КБР, защитники этой точки зрения утверждают, что в период с 1867 по 1875 гг. новообразованным балкарским селам в предгорной местности было передано в общей сложности 19 559 десятин земли, продолжалась передача земель балкарцам и позднее. При этом возникновение большого количества безземельных крестьян-балкарцев объясняется отменой в Балкарии крепостного права (1867 г.), а появление пустующих земель в Кабарде — гибелью кабардинских феодалов или их бегством из Кабарды за Кубань в ходе Кавказской войны. Особо отмечается, что, когда кабардинские феодалы были при своих землях, балкарцы за плату арендовали у кабардинцев пастбища, предоставленные им позднее комиссией Кодзокова. В рамках такой точки зрения распределение земель, произведенное царской администрацией во второй половине XIX в., никак нельзя считать установлением «справедливой», «исторической» границы между народами. На этом делается особый акцент всеми авторами, защищающими теорию земельных уступок балкарцам.

Ряд балкарских авторов придерживается иной точки зрения на деятельность комиссии Кодзокова. В их академических работах интерес к этой теме не высок, в публикациях балкарских историков в СМИ комиссия Кодзокова также занимает более скромное место, чем, например, проблемы, связанные с межэтническими отношениями до российского завоевания. Однако некоторые статьи на эту тему, содержащие полемику с кабардинскими авторами, появились уже в первой половине 1990-х гг.¹²⁴ В них точка зрения об уступке земель балкарцам оспаривалась сразу по нескольким направлениям. Во-первых, утверждалось, что земли, о которых идет речь, принадлежали балкарцам издавна. Во-вторых, со ссылками на документы царской администрации балкарские авторы стремились показать, что земельное переустройство,

КБР сборник «Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии и проблемы реализации в КБР Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», сост. Ж. А. Калмыков. Нальчик, 2010.

¹²⁴ См., напр.: Об этнической территории и этнических границах Балкарии. Справка экспертной группы Национального совета балкарского народа // Тёре. № 23, август 1993; Х. Хутуев. Была ли граница?..

задуманное Кодзоковым, как бы ни оценивать саму его идею, фактически не было проведено из-за возражений ряда чиновников Терской области. Также балкарские авторы не соглашались с утверждением о том, что в ходе работы комиссии Кодзокова, куда входили и балкарские, и кабардинские представители, между всеми членами был достигнут консенсус. Согласно приводимым ими источникам, членам комиссии договориться не удалось, после чего председатель комиссии должен был самостоятельно принимать «медиаторское решение».

Обе точки зрения на комиссию Кодзокова направлены не столько за, сколько против определенных выводов, которые можно было сделать из анализа ее деятельности. Для сторонников «кабардинской» позиции важно не допустить того, чтобы «линия Кодзокова», разграничившая ареалы проживания двух народов, рассматривалась как возможная линия территориального раздела Кабарды и Балкарии. Для адептов противоположной точки зрения важно опровергнуть представления о том, что в результате работы комиссии сформировалась некая «территориальная задолженность» Балкарии перед Кабардой.

Наиболее острая дискуссия о комиссии Кодзокова шла в первой половине 1990-х. Это неудивительно, поскольку именно тогда в КБР ставился вопрос о возможном разделе республики¹²⁵ (в КЧР вопросы, связанные с комиссией Кодзокова, воспринимаются менее остро: большинство территорий этого региона не входило в сферу ответственности комиссии). Эта перспектива неминуемо ставила вопрос о границе, по которой мог пройти территориальный раздел. Позднее актуальность идеи раздела КБР практически сошла на нет, однако вопрос о статусе и распределении пастбищных земель был весьма политизирован и в 2000-е гг., когда его неоднократно ставили местные общественные организации этнического толка¹²⁶. То есть споры о территориальном переделе, произошедшем во второй половине XIX в., были тесно связаны с современными этим спорам политическими

¹²⁵ См. И. Л. Бабич. Соотношение политической, религиозной и этнической идентичности в современном кабардино-балкарском обществе // М. Олкотт, А. Малашенко (ред.). Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М.: Карнеги Центр, 1998. С. 140–165; К. Казенин. Тихие конфликты... С. 63–77.

¹²⁶ См. К. И. Казенин. Кабардино-Балкария в 2000–2010 гг.: этнополитические процессы // И. Г. Косиков (сост.). Северный Кавказ в 2000–2010 гг.: этнополитические процессы и взаимоотношения с федеральным центром. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. В печати.

проблемами. Вместе с тем, как и в случае с более отдаленными историческими событиями, эти споры касаются не столько достоверности каких-либо отдельных фактов, сколько общей оценки обсуждаемого исторического явления.

3.3. Споры об образовании национальных автономий в 1920-е гг.

И Кабардино-Балкария, и Карачаево-Черкесия — так называемые «сдвоенные» регионы, в каждом из которых по два народа являются титульными. С большей или меньшей ясностью внутри них может быть выделена этническая территория каждого народа. Поэтому решение советской власти в начале 1920-х гг. создать эти регионы было не единственно возможным. Другим вариантом было создание вместо «сдвоенных» — мононациональных субъектов. В КЧР этот вариант, с созданием Карачая и Черкесии, был воплощен в жизнь в 1926–1943 гг. (подробнее см. раздел 1 второго очерка). Сегодня, обращаясь к событиям 1920-х гг., историки КБР и КЧР дают свою оценку тому, правильные ли решения по региональному делению были тогда приняты, под действием каких факторов и по чьей воле они принимались. В конечном итоге это ведет к ответу на вопрос, правильным ли было создание «сдвоенных» автономий. А этот вопрос, хотя и в разной степени, был значим уже в постсоветской истории КБР и КЧР. О том, когда он ставился в КБР, было сказано в предыдущем разделе. В КЧР на протяжении 1990-х гг. также неоднократно и весьма громко звучали предложения о разделе региона. Впервые этот вопрос там был поставлен в 1990–1992 гг., когда часть карачаевской элиты настаивала на создании Республики Карачай, что позволяло сделать принятый 26 апреля 1991 г. закон РФ «О реабилитации репрессированных народов». Тогда же в КЧР выдвигались требования создания Черкесии и казачьей республики¹²⁷. Новую актуальность идея раздела региона обрела в ходе крайне конфликтных всенародных выборов главы КЧР в 1999 г.

История формирований и расформирований Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в 1920-е гг. в наиболее кратком виде выглядит

следующим образом¹²⁸. Решение о создании Карачаево-Черкесской автономной области было принято Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) 12 января 1922 г. До создания области ее территория входила в состав Горской Автономной Республики. Объединенная автономия существовала до 26 апреля 1926 г. Тогда декретом ВЦИК она была разделена по этническим границам: были сформированы Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ (подробнее см. раздел 1 второго очерка). Что касается Кабардино-Балкарии, то она существовала в виде отдельных субъектов — Балкарии и Кабарды — только в 1921 г. В январе 1921 г. Балкария и Кабарда на правах округов были включены в состав Горской республики. Кабарда была выведена из нее решением ВЦИК 1 сентября того же года, став автономной областью в составе РСФСР. Менее чем через полгода, 16 января 1922 г., ВЦИК принял постановление «О создании объединенной Кабардино-Балкарской области». По нему Балкарский округ также выходил из Горской республики и входил в состав Кабардино-Балкарской автономии. После споров о том, должен ли исполком этой автономии формироваться на паритетных началах из представителей исполкомов Балкарии и Кабарды, в июле 1922 г. Наркомат по делам национальностей принял решение о создании единого областного исполкома без паритетной системы. Кабарда и Балкария прекратили существовать как отдельные административно-территориальные образования (до 1933 г. в составе автономии существовал отдельный Балкарский округ, затем он был разделен на несколько районов).

В Кабардино-Балкарии споры историков касаются в первую очередь обстоятельств создания единого региона в 1922 г. Ряд балкарских авторов указывает на то, что помимо создания кабардино-балкарской автономии тогда власти РСФСР обсуждали и другие возможности. А именно: 6 января 1922 г. коллегия Наркомнаца подготовила проект постановления об образовании Автономной области Балкарского народа, с подчинением ее непосредственно РСФСР. Однако в том же месяце Наркомнац поменял свою позицию, одобрив вариант, при котором Кабарда и Балкария, выходя из Горской Республики, формировали единую автономию. Балкарский историк и писатель Магомет

¹²⁷ К. И. Казенин. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе. М.: REGNUM, 2009. С. 121 сл.; Н. Д. Пчелинцева, Л. Д. Самарина. Карачай в контексте новой исторической реальности // Исследования по прикладной и неотложной социологии. М.: ИЭА РАН, 1995.

¹²⁸ Подробнее см. А. Х. Боров. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2007. С. 108 сл.

Кучинаев утверждает, что «определенные силы» повлияли на решение Наркомнаца, с тем чтобы «сорвать исполнение решения... об образовании самостоятельной Балкарской области»¹²⁹. Кучинаев достаточно четко определяет эти «силы», относя к ним «хамоватого и политически безграмотного И. Сталина», возглавлявшего тогда Наркомнац, и председателя кабардинского, позднее кабардино-балкарского исполкома Бетала Калмыкова (1893–1940).

Интересно отметить, что черкесские историки тоже отдельно останавливаются на роли Сталина в расформировании Горской Республики и отрицают, что эта роль была решающей. «Анализ документов, проливающих свет на отношение руководителей Горской Республики к Наркому по делам национальностей, показывает, что его мнение для них не являлось директивным. Они были довольно самостоятельны в своей политике и не выбирали средств для достижения политических целей. В свою очередь, Сталин сам никому не навязывал своего мнения по вопросу перспектив функционирования Горской Республики», — пишет А. Кажаров¹³⁰. В другой публикации Кажаров отмечает, что решение Наркомнаца о создании единой кабардино-балкарской автономии было принято коллегиально и не может считаться единоличным решением Сталина¹³¹. Такие утверждения выглядят как противовес точке зрения балкарских авторов, стремящихся связать со Сталиным максимальное число бед своего народа в XX в., включая как отказ от создания отдельной автономии, так и депортацию балкарцев в 1944 г.

Само решение о создании единой автономии черкесские историки считают единственно возможным в силу сложившихся на тот момент земельных отношений. Напомним, что земельное переустройство, проведенное в 1860–1880-е гг., эти историки рассматривают как предоставление балкарцам земель, исторически относящихся к Кабарде (см. раздел 3.2). Создание единой автономии в 1922 г. они называют единственным вариантом, при котором балкарцы сохранили бы доступ

к этим землям. Наиболее емко это выражено следующей формулировкой: «Существует неразрывная связь между земельными уступками Кабарды и созданием единой Кабардино-Балкарской автономии. Поскольку без второго не могло бы быть первого, объединение с Кабардой отвечало жизненным интересам балкарского народа»¹³². Те же авторы отмечают, что земельные уступки балкарцам были сделаны и в 1918–1921 гг. Также они упоминают о земельных конфликтах между Кабардой и другими округами Горской Республики (Карачаем, Осетией) в 1921–1922 гг.¹³³ и делают вывод, что образование объединенной автономии отвечало жизненным интересам как Кабарды, так и Балкарии: «Создание единой Кабардино-Балкарии было закономерным результатом жизненной заинтересованности Балкарии в закреплении результатов земельной политики советской власти в 1918–1921 гг., в получении новых земельных приращений от Кабарды»¹³⁴. Иными словами, согласно этой точке зрения, Балкария была заинтересована в создании единой автономии, чтобы избежать болезненного процесса разграничения земель с Кабардой. Также черкесские историки указывают на то, что представители Балкарии одобрили решение о создании единой автономии, по которому в пользовании балкарцев оставались земли, бывшие в их распоряжении на момент объединения. Отдельно отмечается, что в 1922 г. не были зафиксированы какие-либо народные протесты по поводу создания Кабардино-Балкарии.

Еще одним предметом спора является формирование системы управления Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. Балкарский историк Кучинаев¹³⁵ винит руководителя Кабарды Калмыкова в отказе от идеи создания облисполкома на паритетных началах, с равным представительством кабардинцев и балкарцев. В работах А. Г. Кажарова отказ от паритетного принципа рассматривается как позитивный шаг, направленный не на ущемление балкарских интересов,

¹³² Ж. Калмыков, К. Дзамихов, Х. Думанов, А. Кажаров. Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии. Приложение к газете «Хасэ». Февраль–март 2009. Нальчик. С. 30.

¹³³ См. об этом также: А. Кажаров. Национально-государственный выбор Кабарды и Балкарии в 1921–1922 гг. // Голос Кабарды. № 7. Сентябрь 2011.

¹³⁴ Ж. Калмыков, К. Дзамихов, Х. Думанов, А. Кажаров. Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии. Нальчик: Координационный совет адыгских общественных организаций КБР, 2010. С. 21.

¹³⁵ М. Кучинаев. Указ. соч. С. 66.

а на то, чтобы во власти были представлены все народы, включая национальностей. Историк приводит документы, согласно которым Калмыков предложил создать механизм формирования исполкома, обеспечивающий представительство там и кабардинцам, и балкарцам, и представителям меньшинств (казакам, русским, осетинам, немцам, евреям и другим). Здесь, как и при обсуждении других аспектов создания кабардино-балкарской автономии, черкесские историки критикуют «теорию заговора» против Балкарии, которая видна в текстах их балкарских коллег о событиях 1921–1922 гг.

Тема создания и последующего раздела Карачаево-Черкесии в работах современных историков КБР и КЧР затрагивается гораздо реже, чем тема формирования Кабардино-Балкарии. По мнению Кажарова, параллельно рассматривающего формирование КБР и КЧР, «идея образования двухсубъектной (Карачаево-Черкесской. — К. К.) автономии в регионе возникла в рядах карачаевской партийной элиты»¹³⁶. Объединение Карачая с Эльбурганским (черкесским) округом и казачьими территориями кабардинский автор рассматривает как своего рода компенсацию Карачаю за отказ Кабарды уступить ему конфликтные земли, из-за которых в 1921 г. развернулось вооруженное противостояние, и за отказ властей РСФСР присоединить к Карачаю город Кисловодск в качестве административного центра. Черкесские авторы также регулярно отмечают, что создание объединенной Карачаево-Черкесии в 1922 г. не было успешным, не привело к консолидации элит разных национальностей, и потому раздел автономии в 1926 г. был закономерен. Тексты такого содержания появляются и в периодических изданиях черкесских национальных организаций, особенно в те периоды, когда черкесские общественники в очередной раз публично ставят вопрос о разделе региона. Например, черкесский писатель М. Дауров в газете «Адыгэ Хасэ» (газета издается одноименным общественным движением Карачаево-Черкесии) писал о последствиях создания объединенной автономии: «Противоречия усугубились в период формирования властных структур принудительно созданной автономии, когда начал нарушаться принцип представительства объединения — паритет... С самого начала организации Карачаево-Черкесской автономной области по сегодняшний день не было более или менее

¹³⁶ А. Г. Кажаров. Проблемы формирования системы автономий...

продолжительного момента, когда руководящие работники были спаяны и не было бы между ними непрерывной борьбы»¹³⁷. Автор цитирует документы 1920-х гг., поддерживающие эту интерпретацию, например следующий фрагмент из письма А. Микояна В. Молотову 1925 г.: «В Карачаево-Черкесии основными народами являются карачаевцы, черкесы с абазинами и русские-казаки. Такой состав области предопределил обостренную национальную борьбу... Эти отношения доходили до такой остроты..., когда все три национальные группы не находили возможности дальнейшего совместного сожительства в составе единой области». Отметим, что вскоре после выхода статьи Даурова, в июне 2010 г., съезд черкесов КЧР потребовал решить вопрос о восстановлении Черкесской автономной области в составе РФ¹³⁸.

Впрочем, такой взгляд на объединенную автономию 1922–1926 гг. разделяют и карачаевские авторы. Так, Казий Лайпанов¹³⁹ соглашается с мнением карачаевского партийного руководителя 1920-х гг. Умара Алиева о том, что вопросы межнациональных отношений не позволили тогда создать дееспособные органы власти в Карачаево-Черкесской автономной области.

* * *

В условиях исторических «войн», описанных в данном разделе, особую актуальность, разумеется, приобретает вопрос о школьных учебниках истории региона. Мы здесь не останавливаемся отдельно на этой проблеме, ограничившись лишь замечанием, что создатели школьных учебников и чиновники, руководящие их работой, по-видимому, в определенной степени осознают опасность отражения споров между этническими кланами историков в школьном образовании. Так, в Кабардино-Балкарии учебник М. Д. Бекалдиева¹⁴⁰ (он рецензировался интернациональным составом историков), рекомендованный Министерством образования и науки КБР и в основном используемый

¹³⁷ М. Дауров. Карачай и Черкесия: история и перспективы // Адыгэ Хасэ. 3 марта 2010 г. Черкесск.

¹³⁸ Съезд черкесов Карачаево-Черкесии не считается завершенным // ИА REGNUM. 07.06.2010. <http://www.regnum.ru/news/1291293.html>.

¹³⁹ Казий Лайпанов. О государственности карачаевцев и черкесов // Ас-Алан. № 1 (3). Москва, 2000. С. 287–304.

¹⁴⁰ М. Д. Бекалдиев. История Кабардино-Балкарии. Учебник для 8–9 классов общеобразовательных учебных заведений. Нальчик: Эльбрус, 2005.

сейчас в школах, явно избегает крайних позиций, звучащих в полемике местных ученых. Например, в учебнике признается, что «Кабарда была одним из самых развитых феодальных образований Северного Кавказа» (с. 65), однако вопрос о взаимоотношениях Кабарды с Балкарией в дороссийский период практически обходится. Точно так же в рассказе о работе комиссии Кодзокова (с. 150 сл.) акцент делается на решениях, связанных с распределением земли между сословиями, и ничего не говорится о разграничении кабардинских и балкарских земель. При изложении истории образования Кабардино-Балкарской автономной области (с. 235) упоминается о существовании в начале 1922 г. двух проектов — объединенной автономии и отдельных автономий, однако о причинах и обстоятельствах, благодаря которым был выбран объединительный проект, не говорится. В настоящее время по заказу Минобрнауки КБР готовится новый школьный учебник по истории региона. В его написании принимает участие многонациональный коллектив авторов. Новый учебник обещает быть значительно более объемным, чем учебник Бекалдиева, но говорить о содержании его утвержденной версии пока преждевременно.

Вместе с тем в КБР выходили пособия, которые не были рекомендованы для школ, однако воспринимались многими как проект альтернативного школьного пособия. Например, пособие балкарского историка и археолога Мизиева содержало много положений, оспаривавшихся в описанной выше полемике историков¹⁴¹. Споры в местных СМИ вызвала и книга кабардинского историка Унежева «История Кабарды и Балкарии»¹⁴². Балкарские общественники неоднократно критиковали ее именно как пособие для школ, но, по нашим данным, такого статуса она на самом деле не имеет¹⁴³.

4. ВЫВОДЫ

Итак, споры между историками в регионах Западного Кавказа имеют не эпизодический, а весьма системный характер. Наиболее острые споры идут по тем историческим событиям, интерпретация которых напрямую связана с проблемами, с которыми регионы столкнулись в постсоветские годы. В этом плане вполне правдоподобными выглядят цитированные выше обвинения в том, что за историческими концепциями стоят этнические доктрины, ориентированные не на прошлое, а на настоящее. За это говорит и состав наиболее дискутируемых тем, и последовательность историков в защите определенной суммы мнений, составляющей своего рода «джентльменский набор» этнически ориентированного автора исторических сочинений.

При этом, как было отмечено, напряженность в среде историков оказывается значительно более стабильной, чем в обществе в целом. Как бы ни уменьшалась роль этнической проблематики в региональной повестке дня, «исторические войны» продолжают идти своим чередом вокруг единожды очерченного круга тем. Повестка дня дискуссий сформирована таким образом, что им крайне трудно достичь некоего «логического конца». Спор идет в основном не о достоверности каких-либо конкретных фактов, но об интерпретации сложных, многогранных и часто недостаточно отраженных источниками исторических явлений. Политическая востребованность историков на Северном Кавказе сейчас существенно меньше, чем, например, в начале 1990-х гг., однако эпизодически она по-прежнему возникает. Вспомним, что статьи о неудачном опыте совместной автономии карачаевцев и черкесов 1922–1926 гг. стали появляться в СМИ Карачаево-Черкесии именно тогда, когда черкесское движение поставило там вопрос о возможности нового раздела региона.

Попытки объяснить споры историков конкуренцией за скромные академические финансовые ресурсы или даже за «хлебные» преподавательские места вряд ли выдерживают критику. Во-первых, выше мы видели, что в научных учреждениях и вузах — по крайней мере тех, которые подконтрольны республиканским властям, — выдерживается принцип «национального представительства». Поэтому успехи в дис-

¹⁴¹ И. М. Мизиев. Народы Кабарды и Балкарии в XIII–XVIII вв. Пособие для учителей и краеведов. Нальчик, 1995; анализ ряда положений этого пособия см. в работе: В. А. Шнирельман. Мифы учебников о происхождении малых народов Поволжья и Кавказа // Неприкосновенный запас. № 34. 2004.

¹⁴² К. Х. Унежев. История Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

¹⁴³ Об учебнике «История Кабарды и Балкарии». Balkaria.info. Май 2007 г.

куссиях с коллегами другой национальности вряд ли могут привести там к каким-либо кадровым преференциям. Во-вторых, полемика часто переходит из научных изданий на страницы СМИ, хотя публикации в СМИ не могут напрямую повлиять на академические карьерные перспективы авторов.

Более правдоподобная причина непрекращающихся противоречий состоит в том, что роль историка на Западном Кавказе регулярно выходит за академические границы. Как было отмечено, со времени возвращения народов из сталинской депортации историк на Кавказе воспринимается прежде всего как защитник политических интересов своего этноса. Эта традиция выросла из череды трагических событий кавказской истории, и сломать ее в одночасье вряд ли возможно. Вместо этого необходимо всегда учитывать фактор «исторических войн» и определять, как в будущем они могут повлиять на общую ситуацию в регионах, в которых они разворачиваются.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Книга Константина Казенина, последнюю страницу которой вы перелистали, казалось бы, состоит из четырех ничем не связанных друг с другом очерков. Клубок земельных проблем в Дагестане, опыт совместного сосуществования русской и карачаевской общин на территории двух районов Карачаево-Черкесии, опыт создания этнических районов в той же республике и «войны памяти» историков на Северо-Западном Кавказе — тематический и географический разброс сюжетов действительно обширен. Однако именно в этой широте и в этом тематическом разбросе главное достоинство труда. Автору удалось, на наш взгляд, в жанре отдельных очерков показать, с одной стороны, разнообразие Северокавказского региона России. С другой стороны, читатель имеет возможность убедиться в том, насколько современные проблемы Северного Кавказа завязаны на тех просчетах и ошибках, которые допускала центральная власть, будь то имперская или советская, за долгие годы экспериментов. И что все эти проблемы настолько же специфически кавказские, насколько являются плодом нашей общей трудной истории. Поэтому мне не понятны лозунги, требующие отделить Кавказ от России на том основании, что мы якобы разные. Да нет, мы одинаковые. У нас общая история. У нас общая боль. У нас общие проблемы.

Еще один урок, который извлекает внимательный читатель после прочтения этой книги очерков, состоит в том, что Северный Кавказ

при всем своем разнообразии представляет собой единый культурный регион, глубоко интегрированный в российское политическое, экономическое и культурное пространство. В то же время здесь сложилась уникальная ситуация, когда характерные для России в целом проблемы оказались во много раз более выраженными. Современный Северный Кавказ является местом, которое в концентрированном виде представляет нам те негативные процессы и тенденции, проблемы и недостатки, которые характерны в той или иной мере для всей нашей страны.

Сегодня о Северном Кавказе не пишет разве что ленивый, следуя конъюнктуре и спросу. Работы Константина Казенина выгодно выделяются среди этого моря литературы тем, что они основаны на материале, собранном в ходе собственных исследований непосредственно среди жителей Северного Кавказа. В них нет спекуляций и непроверенных или устаревших сведений, выуженных из Интернета. Каждый тезис, каждое положение основано на мнении конкретных людей и на конкретных фактах.

Хотелось бы также поделиться некоторыми мыслями относительно поднятых в книге проблем. Одна из главных и больших проблем — проблема земли. Земля на Северном Кавказе всегда была дефицитом, а в Дагестане особенно. В условиях малоземелья, особенно в горах, дагестанцы были вынуждены развивать другие формы деятельности, кроме сельского хозяйства, широко было распространено отходничество. В советские годы к собственно Дагестану были присоединены равнинные территории бывшей Терской области, а затем, в 1950–1960-х гг., началось организованное переселение горцев на равнину. К 1980-м гг., когда плановое переселение прекратилось, этот процесс стал неконтролируемым. Как хорошо показано в книге, сегодня Дагестан переживает последствия переселений и самых разных нарушений, связанных с ними. Основным вопросом и катализатором конфликта при этом становится земля, а поскольку переселенцы иноэтничны, то земельные вопросы оказываются связанными с межэтническими отношениями.

Необходимо отметить, что разброс мнений относительно земли бывает самым широким. Исконные жители равнины часто апеллируют к тому, что отобрали земли у них, и требуют справедливости. Однако

мало кто сейчас говорит о том, чтобы изгнать тех, кого переселили еще в советское время. К ним нет претензий, и с ними установились отношения добрососедства. У старожилов есть претензии к тем, кто переселился, скажем, сверх квоты, и пытается обустроиться на равнине, минуя законные процедуры. В основном они обвиняют таких переселенцев в том, что те пользуются правовой неурегулированностью статуса земель отгонного животноводства. Возникающие стихийно на этих землях поселения незаконны, а попытки их узаконить разными способами вызывают протест местных жителей.

В итоге проводившейся в течение второй половины XX в. политики прежние жители равнинных районов чувствуют себя ущемленными. Случилось так, что землеобеспеченность жителей горных районов, которым передавались участки земли на территории равнинных районов, оказалась во много раз выше, чем у жителей последних. Землеобеспеченность жителей, например, Гунибского района в 10 раз превышает землеобеспеченность жителя дагестанской равнины. В Кумторкалинском районе из 120 тыс. га земель в административных границах 88 тыс. га находятся в пользовании горных районов, из них 44 тыс. — у Гунибского района. Недовольство у жителей равнины вызывали также очевидные перекосы при выделении земельных участков переселенцам. Вот отрывок одного из интервью с представителем кумыков: *«Суть конфликта... в Хасавюртовском районе, скажем, состоит в том, что коренное население в реализации своих интересов стоит в проигрышном положении»*. «Проигрыш» респонденты видят в том, что, например, в селе Аксай Хасавюртовского района местным жителям давали под индивидуальное строительство 4 сотки, а переселенцам — 10 соток. Вопрос доступа к преференциям и ресурсам — вопрос особый, и мы еще о нем поговорим. В данном случае важно отметить, что перевод проблем, связанных с переселениями на равнину, в этническую плоскость неминуемо вызывает также и их политизацию.

Жители равнинных районов считают, что необходимо навести порядок с самой системой отгонного животноводства и справедливо решить статус этих земель. По их мнению, многие земли, отведенные для ведения отгонного животноводства, давно используются не по назначению: на этих землях строятся незаконные поселения, выпас скота ведется круглогодично, поскольку стада горных хозяйств почти повсе-

местно не перегоняются обратно в горы и т. д. Они считают, что земля эта рассматривается *«не как агроресурсный потенциал, а как объект территориального приобретения»*. Границы установлены таким образом, что создается ощущение намеренного создания конфликтной ситуации. Например, село Кумли Ногайского района Республики Дагестан граничит с землями отгонного животноводства, что часто провоцирует конфликты с переселенцами. Жители Кумли испытывают дефицит земли, хотя живут на территории самого крупного района Республики Дагестан. Этот пример подтверждает примеры, приведенные в данной книге. Это не одиночные проявления, а систематические нарушения и просчеты, увеличивающие риск развития конфликтов в сфере землепользования.

Кроме того, то, что отгонное животноводство перестало быть отгонным и скот теперь пасется на равнине круглогодично, приводит к перегрузке пастбищ и, как следствие, к экологической катастрофе. Жители равнины не могут безучастно наблюдать, как степь, в которой они живут, превращается в пустыню. В уже упомянутом селе Кумли пески подошли вплотную к домам сельчан. Горные хозяйства обвиняются в беспощадной эксплуатации ресурсов неродных им земель, в наплевательском отношении к экологии степи. Здесь тоже мы явственно видим огромный риск перехода конфликта в межэтнический.

Власти, не решая застарелые земельные споры и проблемы, подрывают веру населения в справедливость и затрудняют привлечение инвестиций в сельское хозяйство. В частности, жители не раз упоминавшегося Ногайского района Республики Дагестан категорически отказались от предложения американского инвестора построить сахарный завод с производством собственного сырья и созданием рабочих мест для 10 тыс. рабочих (в районе всего проживает около 15–20 тыс. человек). Ногайцы решили, что речь идет не о создании рабочих мест для них, поскольку оказалось, что рабочих будут на новое предприятие завозить, а о схеме отъема 100 тыс. га земли, которые планировалось отдать под производство. Вот яркий пример того, как люди не доверяют власти. Какие бы хорошие экономические проекты она ни пыталась запустить с привлечением сторонних инвесторов, население будет мешать их осуществлению, поскольку затронута земля.

Ногайские фермеры ставят вопрос о том, что земли, которые власти хотели отдать под производство сахара, можно было бы отдать им, развивать их фермерские хозяйства. Они не понимают гигантомании, которая поразила власти в отношении продвижения экономических проектов на дагестанской равнине. Действительно, вместо громадных проектов, которые будут однозначно приводить к конфликту, можно было бы строить мелкие перерабатывающие предприятия — маслозаводы, колбасные цеха. Смешно, когда тот же фермер, вынужденный из-за проблем со сбытом терять молоко от своих коров, привозит масло из далекого Хасавюрта. Причем фермеров из Ногайского района возмущает то, что программы, работающие в соседнем Ставропольском крае, не работают в Дагестане. *«Дагестан нам не помогает, говорят, надо помогать начинающим, нас давят налогами и душат нас. В соседнем Ставропольском крае помогают начинающим и мелким предпринимателям, а у нас — нет. Там, если ты покупаешь технику, 50% доплачивает государство, помогает механизацией. А у нас такого нет. Законы не работают! У нас создается такое впечатление, что нас целенаправленно ущемляют»*. Фермеры из этого делают политический вывод: *«Мы понимаем, что пока мы в составе Дагестана, нам нет развития!»*

И эти примеры, а также многочисленные примеры, приведенные в книге, свидетельствуют, что за всеми конфликтами, связанными с землей и приобретающими этнополитический характер, стоят не вопросы этнических различий и невозможности совместного проживания представителей разных национальностей. В значительной мере виноваты власти разного уровня, так и не удосужившиеся или не желающие решить застарелые проблемы, связанные с землепользованием на Северном Кавказе¹. Недаром старожилы равнины ставят вопрос о справедливости. Однако застарелые проблемы ведут ко все большей актуализации этнического аспекта и ко все большему связыванию «земли и крови». А это чревато переходом земельных конфликтов в конфликты более высокого уровня. Автор прав, когда он говорит

¹ Хотелось бы обратить внимание читателя на аспект, упомянутый автором при рассмотрении конфликта в Бабаюртовском районе Дагестана вокруг спорных земель в районе села Львовское-1. Вовлеченные в конфликт стороны в условиях, когда власти не в состоянии удовлетворительно решить спор, привлекли к урегулированию отношений элементы исламского права и заключили соглашения в мечети.

о том, что нужно быть очень осторожными в попытках решить земельные конфликты. Их предпосылки складывались не один год, и наскоком их не решить. Тактика постепенного развязывания узлов действительно должна быть более предпочтительной в таком полиэтничном и проблемном регионе, как Северный Кавказ.

Хотелось бы также отметить, что жертвами двойных депортаций стали не только сами переселенцы с горных районов и жители равнинных районов, куда их непосредственно переселяли. Пострадали не только непосредственные участники трагедии — чеченцы и дагестанцы. Последовавшее в 1957 году «восстановление справедливости» затронуло также казаков и ногайцев, которые лишились компактности расселения в плане принадлежности к одной административно-территориальной единице. Если раньше это была Грозненская область, то с 1957 года территорию их расселения, бывшую Кизлярским округом, разделили между тремя административно-территориальными единицами: Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР и Ставропольским краем. Кроме того, мало кому об этом известно, но косвенно оказались затронутыми и ингуши. Формально южная часть бывшего Кизлярского округа была присоединена к ЧИАССР в том числе и для того, чтобы компенсировать потерю Пригородного района. Однако ингуши не стали селиться в этих районах, а покидавшие чеченские села дагестанцы стали проблемой для властей обеих республик. Достаточно вспомнить, как это затем аукнулось в станице Бороздиновской Шелковского района, дагестанские жители которой были вынуждены в середине 2000-х гг. уже в третий по счету раз переселяться — в этот раз на территорию Дагестана, в Кизлярский район.

Еще один небольшой, но показательный и характерный сюжет — требования казаков в Карачаево-Черкесии признать их в качестве репрессированного народа. Понятно, что казаки пытаются найти объяснение относительной успешности карачаевцев в экономической сфере. Им оно видится в том, что карачаевцы в качестве репрессированного народа по закону получали определенные льготы. Мне кажется, здесь можно также увидеть и более широкие основания. Дело в том, что на Северном Кавказе с достаточно трудными для выживания условиями — малоземельем, высоким уровнем безработицы и т. д. — всегда ценилась возможность доступа к разного рода ресурсам: властным,

политическим, экономическим. Казаки в своем требовании признать их репрессированным народом также стремятся получить доступ к определенным ресурсам. Из этой же области, на наш взгляд, требование лидеров андо-цезских народов Дагестана официально признать их отдельными народами, а не субэтносами в составе аварского народа. Ведь признание их в качестве отдельных народов даст им право требовать своей части властного и прочего «пирога». И это не в упрек лидерам андо-цезских народов. Такова система, и не их вина, что они вынуждены играть по ее правилам. Печально, что среди жителей Северного Кавказа гораздо более сильны групповые интересы, узкоэтнические, а иногда даже и клановые. Отсюда усердное вычерчивание этнических границ, «войны историков», вечное выяснение, кто древнее и кто раньше появился на Кавказе. Где в такой ситуации оказывается общероссийская идентичность, которая должна спланивать всех жителей нашей большой страны?

Таким образом, хоть Константин Казенин и не ставит задачи предложить всеобъемлющие решения для конфликтных узлов на Северном Кавказе, его книга поднимает острые вопросы и заставляет думать в направлении их решения. После прочтения его очерков становится очевидно, что регион сегодня находится в состоянии системного кризиса, простых решений которого нет и не будет. Системный кризис требует системного решения, а для этого нужна незаурядная политическая воля. Факт остается фактом: пока системный подход к разрешению северокавказского клубка проблем не выработан. Ценность работы Казенина в том, что она приближает нас к пониманию того, что же на самом деле происходит на Северном Кавказе. А это серьезное основание для того, чтобы работать в направлении выработки решения проблем.

*Ахмет Ярлыкапов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН*

Константин Казенин

ЭЛЕМЕНТЫ КАВКАЗА

ЗЕМЛЯ, ВЛАСТЬ И ИДЕОЛОГИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

REGNUM

Издательский Дом «Регнум»

115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227

www.ridr.ru

под редакцией *М. А. Колерова*

Подписано в печать ###.2011. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. #####. Тираж ##### экз. Заказ № #####

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, дом 1, стр. 5.